

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

117

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 117

TRIMESTRIEL

I - 1976

LE MESSENGER*Périodique édité par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes*

Редакционная коллегия:

Франция: К. А. Ельчанинов, прот. Алексей Князев, И. В. Морозов.

Америка: Архиеп. Сильвестр, прот. Александр Шмеман, прот. Иоанн Мейендорф, прот. Кирилл Фогиев, М. Гизетти, О. Раевская.

Ответственный редактор: Н. А. Струве.

ВЕСТНИК Р. Х. Д.В
В
С

4001458

Abonnement	75 F
Prix du	25 F
Цена отд	6 долл.

РУССКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Adresse de la Rédaction : Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier-de-Serres, 75015 Paris. France. Tél. 250-53-66.**LE MESSENGER****ВЕСТНИК****РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

117

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2
4001458

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

ЕДИНОЕ НА ПОТРЕБУ

Посвящая целый раздел номера монастырям — увы, больше их славному прошлому, чем скудному настоящему, — *Вестник* не нарушает основной своей установки: отображать погружённость христианства в мир.

Обывательское мнение до сих пор считает монашество чем-то праздно-эгоистическим, не вполне нормальным, во всяком случае чуждым и внеположным миру. Это в корне неверно.

Монашество есть в первую очередь свидетельство о реальности духовной сферы бытия. Монах тот, кто всё бросает, чтобы жить исключительно Богом и о Боге. Будь духовное бытие призрачным, монах был бы самым обездоленным, несчастным и бесплодным из человек. Но та тишина и гармония, сопутствующие монашескому подвигу и распространяющиеся даже на материальный мир, то творчество, что зарождается в монастырях, красноречиво свидетельствует об обратном: монашество есть удостоверение горнего.

Отказ монаха от мира не есть презрение к нему. Тогда бы и подвига не было. Отрешаясь от семейной жизни, от своей воли, от многих земных благ, монах лишь подчёркивает их ценность по существу. От несущего и нестящего отказаться не трудно. Но монашество — живое предостережение о «недостаточности» земных ценностей, о необходимости отказа от них ради их же преобразования.

Отрешаясь от мира, монах не выходит из него. Наоборот, мир ему возвращается, но уже не в ограниченной его данности, а в преображенной степени. Так преп. Сергий, ушедший в дикий лес, как бы в полную безвестность и кажущуюся бездейственность, стал средоточием всей русской истории. Чем радикальнее отказ, тем полнее обладание.

Монашество — узкий путь немногих. Но все мы, христиане или не христиане, верующие или неверующие, греемся и питаемся от него: ведь вся наша европейская цивили-

лизация, вплоть до науки, выношена в монастырях... И мы, в «заботах суетного света» должны помнить непреложный евангельский закон, легший в основу монашества: «потерявший душу свою, спасёт её». Как писал в своем «Восхождении на гору кармильскую» св. Иоанн от Креста:

Чтобы достичь удовлетворения во всем,
Желай ничем не быть удовлетворенным;
Чтобы достичь познания всего,
Желай ничего не постигать;
Чтобы обладать всем,
Желай ничем не обладать;
Чтобы достичь быть всем,
Желай быть ничем...

Н. Струве

Монашество вчера и сегодня

Свящ. Павел ФЛОРЕНСКИЙ (1882-1943?)

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА И РОССИЯ

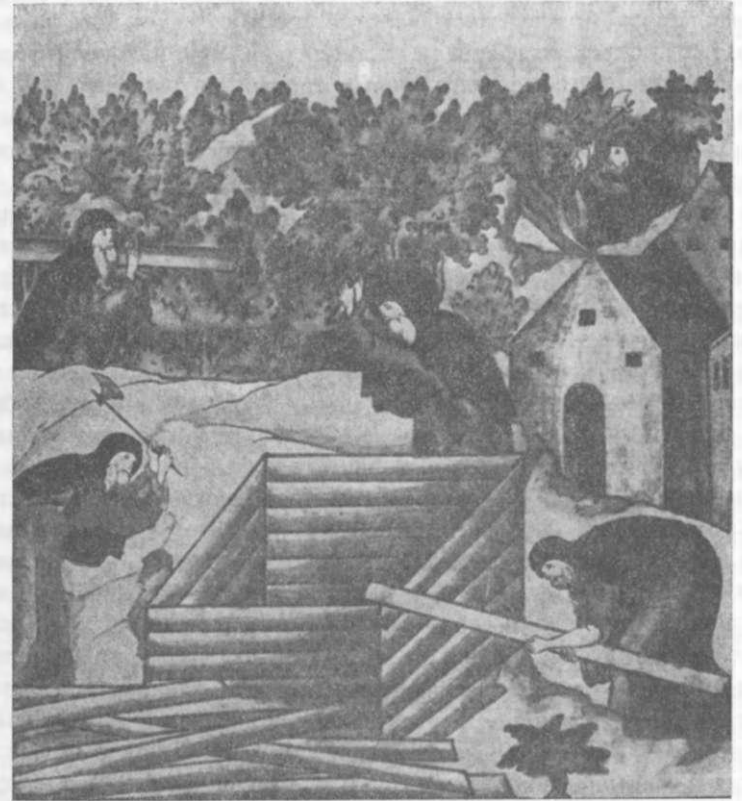
I.

Посетивший Троице-Сергиеву Лавру в XVII веке, именно 11-го июля 1655 года, архидиакон антиохийского патриарха Павел Алеппский отзывался о ней с величайшим восхищением, как о прекраснейшем месте всей земли. Церковь же Св. Троицы «так прекрасна», «что не хочется уйти из нее». Нам нет нужды заподозривать искренность этого суждения: ведь Павел Алеппский писал не для печати, а исключительно для себя и для своих внуков, и лишь в наше время его впечатления стали общим достоянием. Неправильно было бы отвести это свидетельство и ссылкой на восточное красноречие писателя: ведь, если арабская фантазия его, а точнее сказать, огнистость восприятий, способна была видеть в окружающем более художественных впечатлений, чем притупленная и сыровая впечатлительность северян, то одинаковой оценке подвергалось в с е видение, и среди всего Лавра оказывается на исключительном месте; очевидно, она и была таковой. Это свидетельство Павла Алеппского невольно проверяет на себе всякий, кто прожил достаточно времени возле «Дома Пресвятыя Троицы», как выражаются наши летописцы. При туристском обходе Лавры, беглому взору впервые развертывается не подавляющее количественно, но действительно изысканное богатство художественных впечатлений от нее. Есть, однако, и гораздо более тонкое очарование Лавры, которое охватывает изо дня в день, при вживании в этот замкнутый мир. И это очарование, теплое как смутная память детства, уродняет душу Лавре, так что все другие места делаются отныне чужбиной, а это — истинною родиной, которая зовет к себе своих сынов, лишь только они оказываются где-нибудь на стороне. Да, самые богатые впечатления на стороне скоро делаются тоскливыми и пустыми, когда потянет в Дом Преподоб-

ного Сергия. Неотразимость этого очарования — в его глубокой органичности. Тут — не только эстетика, но и чувство истории и ощущение народной души, и восприятие в целом русской государственности, и какая-то, трудно объяснимая, но непреклонная мысль: здесь, в Лавре именно, хотя и непонятно как, слагается то, что в высшем смысле должно называть общественным мнением, здесь рождаются приговоры истории, здесь осуществляется всенародный и, вместе, абсолютный суд над всеми сторонами русской жизни. Это-то всесторонне жизненное единство Лавры, как микрокосма и микроистории, как своего рода конспекта бытия нашей Родины, дает Лавре характер ноуменальности. Здесь ощутительнее, чем где-либо, пульс русской истории, здесь собрано наиболее нервных, чувствующих и двигательных окончаний, здесь Россия ощущается как целое.

Подобно тому, как художественный портрет бесконечно более плотен, так сказать, нежели фотографический снимок, ибо сгущеннее суммирует в себе многообразие различных впечатлений от лица, которые фотографической пластинкой улавливаются лишь случайно и разрозненно, так и Лавра есть художественный портрет России в ее целом, по сравнению с которым всякое другое место — не более как фотографическая карточка. В этом смысле можно сказать, что Лавра и есть осуществление или явление русской идеи, — энтелехия, скажем с Аристотелем. Вот откуда это неизъяснимое притяжение к Лавре! Ведь только тут, у ноуменального центра России, живешь в столице русской культуры, тогда как все остальное — ее провинция и окраины. Только тут, повторяю, грудь имеет полное духовное дыхание, а желудок чувствует удовлетворенность правильно соразмеренным и доброкачественным культурным питанием. Отходя от этой точки равновесия русской жизни, от этой точки взаимоопоры различных сил русской жизни, начинаешь терять равновесие, и гармоническому развитию личности начинает грозить специализация и техничность. Я почти подхожу к тому слову о местности, пронизанной духовной энергией Преподобного Сергия, к тому слову, которому пока еще все никак не удается найти себе выражение. Это слово — а н т и ч н о с т ь . Вжившийся в это сердце России, единственной законной наследницы Византии, а через посредство ее, но также — и непосредственно, — древней Эллады, вжившийся в это сердце, говорю, здесь в Лавре, неутомимо пронизывается мыслью о переключениях, в самых сокровенных недрах культуры, того, что он видит перед собою, с эллинской античностью. Не о внешнем, а потому поверхностно-случайном, подража-

нии античности идет речь, даже не об исторических воздействиях, впрочем бесспорных и многочисленных, а о самом духе культуры, о том веянии музыки ее, которое уподобить можно сходству родового склада, включительно иногда до мельчайших своеобразностей и до интонации и тембра голосов, которое может быть у

Преп. Сергей строит себе келью
(из лицевой рукописи XVI в.)

членов фамилии и при отсутствии поражающего глаз внешнего сходства. И если вся Русь, в метафизической форме своей, сродна эллинизму, то духовный родоначальник Московской Руси воплотил в себе эту эллинскую гармонию совершенной, действительно совершенной, личности с такою степенью художественной проработки линий духовного характера Руси, что сам, в отношении к Лавре, или точнее — всей культурной области, им насквозь про-

низанной, есть, — возвращаюсь к прежнему сравнению, — портрет портрета, чистейшее выражение той духовной сущности, которая сквозит многообразно во всех сторонах Лавры, как целого. Если Дом Преподобного Сергия есть лицо России, явленное мастерством высокого искусства, то основатель ее есть первообраз ее, этого образа России, первоявление России, скажем с Гёте, или, обращаясь к родной нашей терминологии, л и к ее, — как лица ее, ибо под «ликком» мы разумеем чистейшее явление духовной формы, освобожденное от всех наслоений и временных оболочек, ото всякой шелухи, ото всего полуживого и застывшего чистые, проработанные линии ее. В церковном сознании, не том скудном сознании, которое запечатлено в богословских учебниках, а в соборном, через непрерывное соборование и непрерывное собиране живущем духовном самосознании народа, Дом Живоначальная Троицы всегда сознавался и сознается сердцем России, а строитель этого Дома, Преподобный Сергий Радонежский, — «особым нашего Российского царствия хранителем и помощником», как сказали о нем цари Иоанн и Петр Алексеевичи в 1689 году, — особым покровителем, хранителем и вождем русского народа, — может быть, точнее было бы сказать — Ангелом-Хранителем России. Не в сравнительных с другими святыми размерах исторического величия тут дело, а — в особой творческой связанности Преподобного Сергия с душою русского народа. Говоря о своем отце, как об исключительном для меня человеке, я этим даже не ставлю вопроса о сравнительных его размерах с другими отцами, но, тем не менее, он — мой, он именно, и вникая в себя, я не могу не сосредоточиться исключительно образом именно на нем. Так, в стремлении познать и понять душу России, мы не можем не собрать своей мысли на этом Ангеле земли Русской — Сергии, а ведь народная, церковная мысль об ангелах-хранителях весьма близко подходит к философским понятиям: Платоновской идее, Аристотелевской форме, или скорее, энтелехии, к позднему, хотя и искаженному, понятию идеала, как сверх-эмпирической, выше-умной духовной сущности, которую подвигом художественного творчества всей жизни надлежит воплотить, делая тем из жизни — культуру. Чтобы понять Россию, надо понять Лавру, а чтобы вникнуть в Лавру, должно внимательным взором всмотреться в основателя ее, признанного святым при жизни, «чюдного старца, святого Сергия», как свидетельствуют о нем его современники.

II.

Время Преподобного Сергия, то есть время возникновения Московской Руси, совпадает с одной из величайших культурных катастроф. Я разумею конец Византии, ибо Преподобный Сергий родился приблизительно за полтора года, а умер приблизительно за шестьдесят лет до окончательного падения Константинополя. Но светильник перед угасанием возгорается ярче, так Византийское Средневековье, перед падением дает особенно пышный расцвет, как бы предсмертно, с обостренной ясностью, сознавая и повторяя свою идею: XIV-й век ознаменован так называемым третьим Возрождением Византии при Палеологах. Все духовные силы царства Ромеев тут вновь пробуждаются — и в умозрении, и в поэзии, и в изобразительных искусствах. Древняя Русь возжигает пламя своей культуры непосредственно от священного огня Византии, из рук в руки принимая, как свое драгоценнейшее достояние, Прометеев огонь Эллады. В Преподобного Сергия, как в воспринимающее око, собираются в один фокус достижения греческого средневековья и культуры. Разошедшиеся в Византии и там раздробившиеся, — что и повело к гибели культуры тут, — в полнотном сердце юного народа они снова творчески и жизненно воссоединяются ослепительным явлением единой личности и из нее, от Преподобного Сергия, многообразные струи культурной влаги текут как из нового центра объединения, напаявая собой русский народ и получая в нем своеобразное воплощение.

Вглядываясь в русскую историю, в самую ткань русской культуры, мы не найдем ни одной нити, которая не приводила бы к этому перво-узлу; нравственная идея, государственность, живопись, зодчество, литература, русская школа, русская наука — все эти линии русской культуры сходятся к Преподобному. В лице его русский народ сознал себя; свое культурно-историческое место, свою культурную задачу и только тогда, сознав себя, — получил историческое право на самостоятельность. Куликово поле, вдохновленное и подготовленное у Троицы, еще за год до самой развязки, было пробуждением Руси, как народа исторического; Преподобным Сергием *incipit historia*. Однако, взгляды, какова форма того объединения всех нитей и проблем культуры, которая была воспринята Преподобным от умирающей Византии. Ведь не мыслить же Преподобного полигистром или политехником, в себе одном совмещающим всю раздробленность расплывающейся Византийской культуры. Конечно нет. Он прикоснулся к наиболее огнистой вер-

шине греческого Средневековья, в которой, как в точке, были собраны все ее огненные лепестки, и от нее возжег свой дух; — этою вершиной была религиозно-метафизическая идея Византии, особенно ярко разгоревшаяся вновь во времена Преподобного. Я знаю: для не вникающих в культурно-исторический смысл религиозно-метафизических споров Византии за ними не видится ничего, кроме придворно-клерикальных интриг и богословского педантизма. Напротив, вдумавшемуся в догматические контрверсы рассматриваемого времени, бесспорна их неизмеримо важная, общекультурная и философская подоснова, символически завершающаяся в догматических формулах. И споры об этих формулах были отнюдь не школьными словопрениями о бесполезных тонкостях отвлеченной мысли, а глубочайшим анализом самих условий существования культуры, неутомимой и непреклонной борьбой за единство и самое существование культуры, ибо так называемые ереси, рассматриваемые в культурно-историческом разрезе, были, по своей подоснове, попытками подрвать фундаменты античной культуры и, нарушив ее целостность, тем ниспровергнуть сполна. Богословски, все догматические споры от первого века начиная и до наших дней, приводятся только к двум вопросам: к проблеме Троицы и к проблеме воплощения. Эти две линии вопросов были отстаиванием абсолютности Божественной, с одной стороны, и абсолютной же духовной ценности мира — с другой. Христианство, требуя с равной силой и той и другой, исторически говоря, было разрешением преград между только монотеистическим, трансцендентным миру, иудейством и только пантеистическим и имманентным миру язычеством, как первоначалами культуры. Между тем, самое понятие культуры предполагает и ценность воплощаемую, а следовательно — и сущую в себе, неслиянно с жизнью, и воплощаемость ее в жизни, так сказать пластичность жизни, тоже ценной в своем ожидании ценности, как глины, послушной перстам ваятеля:

...Сама в перстах слагалась глина

В обличья верные моих сынов... —

свидетельствует о творчестве, устами Прометея, глубинный исследователь художественного творчества. Итак, если нет абсолютной ценности, то нечего воплощать, и следовательно невозможно самое понятие культуры; если жизнь, как среда, насквозь чужда божественности, то она не способна принять в себя, воплотить в себе творческую форму и, следовательно, — снова останется она сама по себе, вне культуры, и следовательно — снова уничтожается

понятие культуры. Нападения на это понятие были все время, то с одной, то с другой стороны — то со стороны одностороннего язычества, то со стороны одностороннего иудейства, и защита культуры, в самых ее основах, всенародным соборным сознанием всегда была борьбой за оба, взаимно-необходимые начала культуры. Смотря по характеру нападений, и самая защита схематически чеканилась в лозунгах, имеющих, на вкус случайного обозревателя истории, узкий и схоластический характер догматических формул, но полных соками жизни и величайшей общекультурной значимости, при рассмотрении их в контексте культуры. Два принципа культуры, — они же — предельные символы догматики, — взаимноподкрепляемые и взаимно-разъясняемые, как основа и уток, сплетают ткань русской культуры. Притом, Киевская Русь, как время первообразования народа, как сплетение самых тканей народности, раскрывается под знаком идеи о божественной Восприимчивости мира, тогда как Руси Московской и Петербургской, как веку оформления народа в государство, маячит преимущественно другая идея, о воплощаемом, превышемирном Начале ценности. Женственная восприимчивость жизни в Киевской Руси находит себе догматический и художественный символ Софии-Премудрости, Художницы Небесной. Мужественное оформление жизни в Руси Московско-Петербургской выкристаллизовывается в догматический и художественный символ Пресвятой Троицы. Родоначальники двух основных пластов русской истории — Киевского и Московского, вместе с тем, суть величайшие провозвестники этих двух основных идей русского духа.

III.

Это они первыми узрели в иных мирах первообразы тех сущностей, которыми определяется дух русской культуры, — вовсе не богословской науки только, культуры не церковной только, ложно понимая это слово, как синоним «клерикальный», но во всей ширине и глубине ее, церковной — в смысле всенародной, целостной русской культуры, во всех ее, как общих, так и частных обнаружениях. Да, Равноапостольный Кирилл узрел в таинственном сновидении, в видении детского возраста, когда незапятнанная душа всецело определяется явленным ей первообразом горнего мира, узрел Софию, и в его восприятии, Она — божественная восприимчивость мира — предстала, как прекраснейшая Дева царственного вида. Избрав ее себе в невесты из сонма прочих дев, Равно-

апостольный Кирилл бережно и благоговейно пронес этот символ через всю свою жизнь, сохранив верным свое рыцарство Небесной Девы. Этот символ и сделался первой сущностью младенческой Руси, имевшей воспринять от царственных щедрот Византийской культуры. Первый по времени русский иконографический сюжет — иконы Софии, Премудрости Божией, этой царственной, окрыленной и огненноликой, пламенеющей эросом к небу, Девы. исходит от первого родоначальника русской культуры — Кирилла. Нужно думать, что и самая композиция Софийной иконы, исторически столь таинственной, — имею в виду древнейший, так называемый Новгородский тип, — дана Кириллом же. Около этого небесного образа выкристаллизовывается Новгород и Киевская Русь. Не забудем, что самый язык нашей древнейшей письменности, как, вместе с ним, и наша древнейшая литература, пронизанная и формально и содержательно благороднейшим из языков — эллинским, был выкован, именно выкован, из мягкой массы языка некультурного — Кириллом, другом Софии, ибо прозвание его — Философ, и что около Софийного храма, около древнейших наших Софийных храмов, обращается рыцарственный уклад Средневековой Киевской Руси. Но вот, за доверчивым приятием эллинства и за формированием извне женственной восприимчивости русского народа, приходит пора мужественного самосознания и духовного самоопределения, создание государственности, устойчивого быта, проявление всего своего активного творчества в искусстве и науке, и развитие хозяйства и быта. Новое видение горнего первообраза дается русскому народу в лице его второго родоначальника — Преподобного Сергия, и опять небесный зрак выкристаллизовывается в его душе с детского, на этот раз еще более раннего, а по сказанию жития — даже утробного возраста. Нам нет надобности опровергать или защищать сказание жития о том, как младенец Варфоломей приветствовал троекратно Пресвятую Троицу, ибо важно народное сознание, желающее этим сказать: «Вот как глубоко определился дух Преподобного горним первообразом, еще в утробе материнской весь ему преданный и весь им проработанный». Этим первообразом была абсолютность Пресвятой Троицы, приблизительно в это время, во время Преподобного Сергия предельно довыясненная и досказанная в так называемых паламитских спорах и в вопросах об «общей благодати Пресвятой Троицы» церковной мысли Византии. Эти вопросы глубоко занимали и Преподобного Сергия — для осведомленности в них он посылал в Константинополь своего доверенного представителя. Выговорив это свое по-

следнее слово, Византия завершила свою историческую задачу, и ей делать было больше нечего. В истории открылся новый век — век культурного воплощения этого слова, и культурная миссия переходила к новому народу, уже усвоившему добродетель восприимчивости, а потому — и способность воплощать в себе горний первообраз. Византийская Держава выродилась в «грекосов», а из русских болот возникало русское государство. Символом новой культурной задачи было видение Троицы.

IV.

Нередко говорится, что деревянный храм Пресвятой Троицы, построенный Преподобным Сергием в Лавре, и затем вновь возведенный из белого камня Преподобным Никоном, есть первая по времени в мире церковь во имя Пресвятой Троицы. Сейчас трудно отстаивать внешне-фактическую точность этого первенства: древние историки упоминают до четырех храмов во имя Пресвятой Троицы на Востоке и два — на Западе в IV-IX веках; но если бы эти свидетельства и были достоверными, то все же такое храмовоздательство не вошло в обиход, и даже названные церкви не удержали долго своего имени, так что впоследствии Восток не имел Троицких храмов. В наших летописях уже в XII, XIII и XIV веках упоминаются храмы Троицкие; так, в Кракове, в Лысце, несколько в Новгороде Великом, в Холме, в Серпухове, в Наозерьи и, главное, соборный в Пскове. Точно ли позднейшая редакция летописных известий соответствует древним записям, или же названные храмы, первоначально все деревянные и горевшие, были лишь впоследствии переименованы в Троицкие и названы в летописях, в более древних известиях, этим именем только ретроспективно, — сказать трудно. Но бесспорно, во-первых, существовавшее в древности переименование храмов (так, например, Лаврский Святого Духа был первоначально во имя Троицы), во-вторых, варианты в летописных известиях (например Троицкий Краковский называется и Богородичным) и, наконец, в порядке раскрытия богословско-философского сознания, — сравнительно поздняя, в XIV веке лишь, установка симметричной Троицкой формулы, каковая именно в XIV веке, в Восточной церкви, делает идею Троицы предметом особенного внимания и ведет потому к строительству Троицких храмов, развитию Троицкой иконографии, созданию цикла Троицких празднований и новой литургической поэзии. Поэтому, весьма мало веро-

ятно построение храмов Троичных до этого роста Троичной идеи в XIV веке; но если бы несколько таких храмов и в самом деле было в века предшествующие, то они не могли быть сознательно воздвигнутыми символами идеи еще не оформившейся и, следовательно, должны быть рассматриваемы либо как исторические случайности, не входящие в планомерное течение истории, либо — как смутные предчувствия того целостного явления, которое раскрывается лишь с XIV века. Великое не возникает случайно и не бывает капризной вспышкой: оно есть слово, к которому сходятся бесчисленные нити, давно намечавшиеся в истории. Великое есть синтез того, что по частям фосфорически мерцало во всем народе; оно не было бы великим, если бы не разрешало собою творческое томление всего народа. Но, тем не менее, это оно именно — творчески синтезирует смутные волнения, изливая их в одно слово. Таковым было слово Преподобного Сергия, выразившего самую суть исканий и стремлений русского народа, и это слово, хотя бы и произносимое ранее, сознательно и полно было, однако, произнесено впервые им. В этом смысле, неоспоримо мировое первенство Лаврского Собора Пресвятой Троицы. Начало западно-европейской самостоятельности в Петербургский период России опять ознаменовано построением Троицкого собора. Этим установил Петр Великий духовную связанность Санкт-Петербурга и Москвы. Таким же построением было ознаменовано, в свое время, начало самостоятельности России на Востоке.

Читатель Пресвятой Троицы, Преподобный Сергий строит Троичный храм, видя в нем призыв к единству земли Русской, во имя высшей реальности. Строит храм Пресвятой Троицы, «чтобы постоянным взиранием на него», — по выражению жизнеописателя Преподобного Сергия — «побеждать страх пред ненавистною раздельностью мира». Троица называется Живоначальной, т. е. началом, истоком и родником жизни, как единосущная и нераздельная, ибо единство в любви есть жизнь и начало жизни, вражда же, раздоры и разделения разрушают, губят и приводят к смерти. Смертоносной раздельности противостоит живоначальное единство, неустанно осуществляемое духовным подвигом любви и взаимного понимания. По творческому замыслу основателя, Троичный храм, гениально им, можно сказать, открытый, есть прототип собирания Руси в духовном единстве, в братской любви. Он должен быть центром культурного объединения Руси, в котором находят себе точку опоры и высшее оправдание в ее стороны русской жизни. Широкое гостеприимство, заповеданное Преподобным Сергием

и возведенное в силу закона царем Алексеем Михайловичем, дары всех родов, начиная от хлеба и кончая исцелением тел и душ, причем не забыты даже утешения детям — игрушки, самим Преподобным изготовляемые, — все это вместе, по замыслу прозорливого открывателя Троичного культурного идеала России, должно было стать благоприятным условием для «взирания» на храм Пресвятой Троицы и созерцания в нем первообраза Божественного единства. Отныне Троичное храмоздательство связывается с именем Преподобного Сергия, и не без причины Троичные храмы имели обычно Сергиевские приделы.

Но если храм был посвящен Пресвятой Троице, то должна была стоять в нем и храмовая икона Пресвятой Троицы, выражающая духовную суть самого храма, — так сказать, осуществленное в красках и м я храма. Трудно при этом представить, чтобы ученик ученика Преподобного Сергия, так сказать, духовный внук его, почти ему современный, работавший уже при его жизни и, вероятно, лично знавший его, осмелился бы заменить композицию Троичной иконы, бывшую при Преподобном, и им утвержденную, самочинной композицией того же первообраза. Миниатюры Епифаниева жития представляют икону Троицы в келии Преподобного Сергия не с самого начала, а лишь с середины жизни, то есть свидетельствуют о возникновении ее именно среди деятельности Преподобного. Если первоявленная Софийная икона, неизвестная Византии, впервые создается в Киевской Руси, с самым ее возникновением, восходя к видению младенца Кирилла, рыцаря Софии, то икона Троичная, дотоле неизвестная миру, появляется впервые в Московский период Руси опять-таки в самом его начале, и художественно воплощает духовное созерцание служителя Пресвятой Троицы — Сергия. Мы сказали: «неизвестная миру»; но и тут, как и в утверждении о Троицком соборе, требуется различение духовного смысла, как символического содержания, и тех исторически выработанных материалов, которые привлечены к воплощению символа. Если в отношении к знаменитой Рублевской Троице мы говорим о последних, то тогда, конечно, ее должно рассматривать лишь как звено в цепи развития изобразительных искусств вообще и композиции трех Странников-Ангелов — в частности. История этой композиции очень длинна, ибо уже в 314-м году, у дуба Мамврийского, по известию Юлия Африкана, была картина, изображавшая явление трех Странников — Аврааму, а в V и в VI веках известны подобные же изображения на стенах Римской церкви Марии Маджоре и в Равенской св. Виталия. С

тех пор этот иконографический сюжет встречается не раз; но нужно вникнуть в духовный смысл этих изображений, прежде чем устанавливать их связь с Троицей Рублева. Изображение женщины с ребенком на руках вовсе не есть первообраз Сикстины, ибо в Сикстине творческим мы признаем вовсе не сюжет материнства, каковой доступен всякому, а именно Богоматеринство, открывшееся Рафаэлю. Так точно, три фигуры за обеденным столом, хотя бы даже и снабженные крыльями, просто не могут быть даже сопоставляемы с Троицей Рублева, ибо этим сюжетом творческое названной иконы еще несколько не определяется. Композиция трех Странников с предстоящим Авраамом, или позже — без него, есть не более, как эпизод из жития Авраама, хотя бы даже, условно-аллегорически, принято было усматривать в ней намек на Пресвятую Троицу. Нас умиляет, поражает и почти ожигает в произведении Рублева вовсе не сюжет, не число «три», не чаша за столом и не крила, а внезапно сдернутая пред нами завеса ноуменального мира, и нам, в порядке эстетическом, важно не то, какими средствами достиг иконописец этой обнаженности ноуменального, и были ли в чьих-либо других руках те же краски и те же приемы, — а то, что он воистину передал нам узренное им откровение. Среди мятущихся обстоятельств времени, среди раздоров, междоусобных распрей, всеобщего одичания и татарских набегов, среди этого глубокого безмирия, расплившегося Русь, открылся духовному взору бесконечный, невозмутимый, нерушимый мир, «свышний мир» горного мира. Вражде и ненависти, царящим в дольном, противопоставилась взаимная любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе, в вечном единстве сфер горних. Вот этот-то неизъяснимый мир, струющийся широким потоком прямо в душу созерцающего от Троицы Рублева, эту ничему в мире не равную лазурь — более небесную, чем само земное небо, да, эту воистину пренебесную лазурь, несказанную мечту протосковавшего о ней Лермонтова, эту невыразимую грацию взаимных склонений, эту премирную тишину безглагольности, эту бесконечную друг пред другом покорность — мы считаем творческим содержанием Троицы. Человеческая культура, представленная палатами, мир жизни — деревом и земля — скалою, — все мало и ничтожно пред этим общением неиссякаемой бесконечной любви; все — лишь около нее и для нее, ибо она — своею голубизною, музыкою своей красоты, своим пребыванием выше пола, выше возраста, выше всех земных определений и разделений, есть само небо, есть сама безусловная реальность, есть то истинно лучшее, что выше всего су-

щего. Андрей Рублев воплотил столь же непостижимое, сколь и кристалльно-твердое и непоколебимо-верное видение мира. Но чтобы увидеть этот мир, чтобы вобрать в свою душу и в свою кисть это прохладное, живительное веяние духа, нужно было иметь художнику пред собою небесный первообраз, а вокруг себя — земное отображение, — быть в среде духовной, в среде умирной. Андрей Рублев питался, как художник, тем, что дано ему было. И потому, не Преподобный Андрей Рублев, духовный внук Преподобного Сергия, а сам родоначальник земли Русской — Сергей Радонежский, должен быть почитаем за истинного творца величайшего из произведений не только русской, но и, конечно, всемирной кисти. В иконе Троицы Андрей Рублев был не самостоятельным творцом, а лишь гениальным осуществителем творческого замысла и основной композиции, данных Преподобным Сергием. Это — второй символ русского духа; под знаком его разворачивается дальнейшая русская история, и достойно внимания, хотя иного и ждать было нельзя, что величайший литургический сдвиг, в котором, своим чередом, выразились русская идея и своеобразные черты русского духа, опять таки связывается с именем Преподобного Сергия. Я говорю о Троичном дне, как литургическом творчестве именно русской культуры и даже определеннее, — творчестве Преподобного Сергия. Напомним, что Византия не знала этого праздника, как не знала она, в сущности, ни Троичных храмов, ни Троичных икон. Последнее слово Византии, в области догматической, стало неточным входом первых творческих сил русской культуры. Праздник Пятидесятницы, бывший на месте нынешнего Троичного дня, был праздником исторического, а не открыто онтологического значения. С XIV века на Руси он выявляет свою онтологическую суть, причем третья молитва на вечерне, обращенная ко Христу, соединяется теперь с новою молитвой — к Духу Святому, впоследствии отмеченной, согласно Византийскому образцу, реакционною, и вообще антинациональною, деятельностью патриарха Никона. Почитание же Духа Утешителя, Надежды Божественной, как духовного начала женственности, сплетается с циклом представлений Софийных и переносится на последующий за Троицею день — День Духа Святого, в каковой, по проникновенной догадке нашего народа, «Земля — именинница», т. е. празднует своего Ангела, свою духовную Сущность — Радость, Красоту, Вечную Женственность.

Праздник Троицы, нужно полагать, впервые появляется в качестве местного храмового праздника Троицкого Собора — как

чувствование «Троицы» Андрея Рублева. Подобно тому, как служба Иерусалимского Храма Воскресения, — в мире, по самому месту своего совершения, единственная, — делается образом и образцом службы Воскресения, повсюдно совершаемой, и вводится затем в устав, или подобно тому, как празднество Воздвижения Креста Господня, опять-таки первоначально единственное, по самому предмету празднования, по единственности Животворящего Креста, уставно распространяется, в качестве образца (аналогичных примеров перехода единичного литургического явления в устав можно привести и еще немало), так точно местное празднование единственной иконы единственного храма, будучи духовною сущностью всего русского народа, бесчисленными отражениями воспроизводится в бесчисленных Троицких храмах, с бесчисленными иконами Троицы. Предмет, отраженный тысячею зеркал, среди тысячи своих отражений, все же остается основою реальности всех их и реальным их центром. Так первое воплощение духовного первообраза, определившего суть России — первообраз Пресвятой Троицы, как культурной идеи, несмотря на дальнейшее размножение свое, все же остается историческим, художественным и метафизическим уником, несравнимым ни с какими своими копиями и перекопиями. Прекраснейшее из зданий русской архитектуры, собор Троицкий, «из которого не хочется уходить», — по вышеупомянутому признанию Павла Алеппского, — и прекраснейшее из изображений русской иконописи — Рублевская Троица, как и прекраснейшее из музыкальных воплощений, несущее великие возможности музыки будущего, служба вообще и Троицына дня в частности, значительны вовсе не только как красивое творчество, но своею глубочайшею художественной правдивостью, то есть полным тождеством, покрывающих друг друга, первообраза русского духа и творческого его воплощения.

V.

Так вот почему именно здесь, в Лавре, мы чувствуем себя дома более, чем в своем собственном доме. Ведь она, и в самом деле, воплотила в себе священнейшие воздыхания наших собственных глубин, но с таким совершенством и полнотою, с какими мы сами никогда не сумели бы их воплотить. Лавра — это мы, более чем мы сами, это мы — в наиболее родных и наиболее сокровенных недрах нашего собственного бытия. Вот почему мы несли и несем

сюда не только задушевнейший трепет нашего сердца, но и все наше творчество, во всем его объеме, все наши культурные достижения и ценности: мы чувствуем в них какую-то неполноту, покуда не соотнесли их с сердцем русской культуры. Около Лавры, не в смысле стен, конечно, а в смысле средоточия культурной жизни, выкристаллизовывается культурное строительство Русского народа. Праздник Троицы делается точкою приложения творчества бытового и своеобразных поверий, народных песен и обрядов. Красота народного быта обрастает вокруг этого Троицына дня и частью, как, например, наши Троицкие березки, вливается в самое храмовое действо, так что нет определенной границы между строгим уставом церковным и зыблущимся народным обычаем. Русская иконопись нить своего предания ведет в иконописной Лаврской школе. Русская архитектура на протяжении всех веков делает сюда, в Лавру, лучшие свои вклады, так что Лавра — подлинный исторический Музей русской архитектуры. Русская книга, русская литература, вообще русское просвещение, основное свое питание получали всегда от просветительной деятельности, сгущавшейся в Лавре и около Лавры. Самые странствования Преподобного Сергия, а дальше бесчисленные поколения русских святых, бывших его именно духовными детьми, внуками, правнуками и так далее, до наших дней включительно, разносили с собою русское просвещение, русскую культуру, русскую хозяйственность, русскую государственность, а точнее сказать, русскую идею, в ее целом, все стороны жизни нашей собою определяющую.

В древней записи о кончине Преподобного он назван «начальником и учителем всем монастырем, иже в Руси». И действительно, не менее четверти русских монастырей основано прямыми его учениками, колонизировавшими Северную и Северо-восточную Россию, до пределов Пермских и Вологодских включительно. Но бесчисленны отраженные и тысячекратно преломленные лучи нашего Солнца! Что не озарено его Светом?

Идея Пресвятой Троицы для Преподобного Сергия, была, в порядке общественного строительства, заповедью общежития. «Там не говорят: это мое, это — твое; отсюда изгнаны слова сии, служащие причиною бесчисленного множества распрей», — писал в свое время св. Иоанн Златоуст о современных ему общежительных монастырях. Общежителство знаменует всегда духовный подъем: таковым было начало христианства. Начало Киевской Руси также было ознаменовано введением общежития, центр какового возникает в Киево-Печерской Лавре вскоре после крещения Руси; и на-

чало Руси Московской, опять-таки приобщившейся новому духовному созерцанию, отмечено введением в центре Руси Московской общежития, по совету и с благословения умирающей Византии. — Идея общежития, как совместного жития в полной любви, единомыслии и экономическом единстве, — назовется ли она по-гречески киновойей, или по-латыни — коммунизмом, всегда столь близкая русской душе и сияющая в ней, как вожделеннейшая заповедь жизни, — была водружена и воплощена в Троице-Сергиевской Лавре Преподобным Сергием и распространялась отсюда, от Дома Троицы, как центра колонизации и территориальной, и хозяйственной, и художественной, и просветительной, и, наконец, моральной. Из всех сторон культурного излучения Лавры следует остановиться сейчас в особенности на сравнительно мало учитываемом ее просветительном воздействии на Русь. Уже Преподобный Сергей требовал от братии, наряду с телесными трудами, в которых сам первенствовал, неустанного чтения, а для чтения необходимо было завести и мастерские переписчиков; так Сергиева Лавра, от самого основания своего, делается очагом обширной литературной деятельности, частичным памятником которой донныне живет в монастыре его драгоценное собрание рукописей, в значительной доле здесь же написанных и изукрашенных изящными миниатюрами, а живым продолжением той же деятельности было непрерывавшееся донныне огромное издательское дело Лавры, учесть культурную силу которого было бы даже затруднительно, по его значительности. А с другой стороны, Лавра всегда была и местом высших просветительных взаимо-соприкосновений русского общества; просветительные кружки, эти фокусы идейных возбуждений, все пять веков были связаны тесными узами с Лаврой и все пять веков тут именно, у раки Преподобного, искали они духовной опоры и верховного одобрения своей деятельности. От кого именно? — Не тех или иных насельников монастыря, входящих и входивших в состав Лавры, как его служители и охранители, а у всего народа русского, через Лавру говорящего, искали одобрения от Лавры, как единого культурного целого, центр которого — в Троицком Соборе, а периферия — далеко с избытком покрывает границы России. Московская Духовная Академия, питомица Лавры, из Лаврского просветительного и ученого кружка Максима Грека вышедшая, и в своем пятисотлетнем бытии, при всех своих скитаниях, неизменно блюдшая крепость уз с Домом Живоначальной Троицы, не без глубокого смысла, после четырехсотлетней своей истории, нашла себе наконец место успокоения

в родном своем гнезде и вот уже более ста лет пребывает здесь, с рукописными и книжными своими сокровищами. Эта старейшая Высшая Школа России духовно была и должна быть, конечно, отнюдь не самостоятельным учреждением, а лишь одною из сторон в жизни Лавры. Так точно, нельзя рассматривать обособленно и те кустарные промыслы, которые испокон веков сгрудились вокруг Лавры и, во второй половине XIX века, выкристаллизовали из себя более чистое свое выражение, художественно-кустарную мастерскую Абрамцева, в свой черед ставшую образцом художественно-кустарных мастерских прочих наших губерний. Кстати сказать, не без вдохновлений от Лавры и не без ее организующей мощи, возникло и жило само Абрамцево, взрастившее новое русское искусство и столь много значившее в экономическом строе современной России: вспомним хотя бы Северную и Донецкую железные дороги. Но разве можно исчерпать все то, чем высказывала и высказывает себя культурная зиждательность, исходящая от Лавры? Рискуя или распространиться на целую книгу, или же — дать сухой перечень, не будем продолжать далее и на сказанном остановимся.

VI.

Подвожу итоги. Лавра собою объединяет в жизненном единстве в се стороны русской жизни. Мы видим тут великолепный подбор икон всех веков и изводов; как же можно представить себе Лавру без школы иконописи и без иконописных мастерских. Лавра — показательный музей архитектуры; естественно организовать здесь школу архитектурную, а может быть, — и рассадник архитектурных проектов, своего рода строительную мастерскую на всю Россию. В Лавре сосредоточены превосходнейшие образцы шитья — этого своеобразного, пока почти не оцененного изобразительного искусства, достижения которого недоступны и лучшей живописи; как необходимо учредить здесь, на месте, Общество, которое изучало бы памятники этого искусства, издавало бы атласы фотографически увеличенных швов и воспроизведения памятников, которое распространяло бы искусство вышивки и устроило соответственную школу и мастерские. Превосходнейшие образцы дела ювелирного в Лавре наводят на мысль о необходимости устроить здесь учреждение, пекущееся об этом деле. Нужно ли говорить, как необходима здесь певческая школа, изучающая русскую народную музыку, с ее, по термино-

логии Адлера, «гетерофонией» или «народным многоголосием», — это зерно прорастающей музыки будущего, идущей на смену гомофонии Средневековья и полифонии Нового времени и их в себе примиряющей? Нужно ли напоминать об исключительно благоприятном изучении здесь, в волнах народных, набегающих от всех пределов России, задач этнографических и антропологических? Но довольно. Сейчас не исчислить всех культурных возможностей, столь естественных около Лавры, нельзя и предвидеть те новые дисциплины науки, сферы творчества и плоскости культуры, которые могут возникнуть и, наверное, возникнут с совершившимся переломом мировой истории — от уединенного рассудка ко всенародному разуму. Скажу короче: мне представляется Лавра, в будущем, русскими Афинами, живым музеем России, в котором кипит изучение и творчество, и где, в мирном сотрудничестве и благожелательном соперничестве учреждений и лиц, совместно осуществляются те высокие предназначения — дать целостную культуру, воссоздать целостный дух античности, явить новую Элладу, — которые ждут творческого подвига от Русского народа. Не о монахах, обслуживающих Лавру и безусловно необходимых, как пятые вековые стражи ее, единственные сильные стражи, не о них говорю я, а о всенародном творчестве, сгущающемся около Лавры и возжигающемся культурною ее насыщенностью. Средоточием же этой всенародной Академии культуры мне представляется поставленное до конца тщательно, с использованием всех достижений русского высокостильного искусства, храмовое действо у священной гробницы Основоположника, Строителя и Ангела России.¹⁾

¹⁾ Было напечатано в сборнике: **Троице-Сергиева Лавра**. 1919. Изд. Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры.

МОНАСТЫРЬ И МИР

Мои первые воспоминания о монастыре переплетены с первыми детскими радостями и первым чувством родины.. Когда мне было лет 5, отец взял меня с собой в Оптину пустынь. В памяти остались безоблачные летние дни и крестный ход вокруг монастыря, кажется, на Казанскую, когда я почувствовал торжество праздника под голубым небом и среди полей. Есть особое чувство детского благополучия, когда «все хорошо» и «папа с мамой рядом». Вот это чувство живет у меня с этого крестного хода среди полей под широкий монастырский благовест.

Кроме этого, помню только улыбку глаз старца Иосифа, когда он, стоя среди толпы, в своей келье, увидел входящего отца.

Особый мир скита, дорожки среди цветов и деревянная церковь — все это было пережито мной уже во второй приезд в Оптину, а от первого помню еще дорогу в Шамордино, под вечер, в удобной пролетке, — я сижу в ногах у отца, а кругом все те же широкие Калужские поля. Какие-то богомолки при встрече с нами кланяются, и отец им отвечает, а я охвачен этим чувством детского благополучия.

Потом, до 17-18 лет, все было у меня связано с другим монастырем, с Зосимовой пустынью. Туда мы ездили часто, и чуть ли не всей-семьей, по нескольку раз в год.

Вот уходит поезд, из которого мы вылезли в «Арсаках». И так уж тихая станция совсем затихает, и тишина охватывает нас. Знакомая пролетка и знакомый кучер-монах, одетый в какую-то смесь мирского с монашеским, и знакомая лесная дорога, по которой мы устремляемся в еще большую тишину, мимо елей и берез и болотистых канав с незабудками.

Природа здесь не та, что в Оптиной, — здесь север и кругом монастыря густой еловый лес. Удивительно, как раскрывается человеку природа, когда она у церковных стен. Один ряд номеров гостиницы выходил окнами прямо в лес. И вот я помню, как зимой откроешь широкую форточку и чувствуешь запах снегов среди елей и среди такой тишины, которая уму непостижима. Все живое и нетленное и благоухающее чистотой.

Там, где монахи — истинные ученики Христовы, там около них расцветают самые драгоценные цветы земли, самая теплая радость земли около их стен. В связи с этим я вспоминаю еще один мо-

настырь, Толгский, на Волге. Там манатейные монахи жили, как студенты в общежитии. Некоторые во время обедни не стеснялись выходить покурить. Я лично знал одного такого, — хороший был человек и меня угощал папиросами, но зачем он был в монастыре — неизвестно. И вот я помню, что кедровая и березовая роща, и красивая Волга этого монастыря никогда не открывали мне того, что Зосимовские снега и ели.

Природа, очевидно, не сомневается в необходимости подвига очищения человека.

Кстати, кедровая роща Толгского монастыря была очень древняя, на одном из кедров висел железный лист с описанием каких-то событий Смутного времени, но ни грозное веяние истории, ни указание на бывшие здесь чудеса не действовали на сердце. Тут же, на других кедрах и на скамейках были памятны надписи посетителей из Ярославля, из которых запомнилась самая длинная и самая безобидная: «бедность не порок, но большое неудобство».

Толгский монастырь, очевидно, представлял обычную картину духовного оскудения тех лет. Была там и гостиница, но она существовала, главным образом, для дачников: все номера на летний сезон сдавались под дачи. Низший монастырский персонал готовил обеды, на Волге можно было достать лодку — чего же больше? Была и пристань с монастырской часовней. Каждый пассажирский пароход (общества «Самолет») отходил не иначе, как после краткого молебна. Помню совсем пустую часовню с иеромонахом, спешащим поскорее закончить, потом гудки, стук отбрасываемых сходен и фигуру наконец окончившего молебен иеромонаха, в золотой ризе на фоне нарядных и равнодушных пассажиров верхней палубы, крестом благословляющего отходящий пароход. Что-то до сих пор щемит в сердце от этого воспоминания, точно и я был тогда в чем-то виноват. Такая одинокая была эта фигура, так страшно было, что никому до нее никакого дела. Там ехали стареющие Вронские и еще жирные Климы Самгины и какое им было в общем дело до этого благословляющего креста.

«Се оставляется вам дом ваш пуст». Впрочем, еще не совсем «пуст», если быть точным. Помню, там был один старик монах, для которого такой монастырь был, конечно, «миром», и он жил за Волгой, при какой-то монастырской часовенке.

Потом вспоминается собор. Широкая каменная лестница вела на открытую галерею вокруг храма, расписанную видениями

Апокалипсиса. Иконостас был высокий, по полному чину, и фигуры апостолов и пророков, устремленные к центру, молча говорили о многом. История России, история веры России, ощущалась именно здесь, а не у кедров с мемориальной доской. В конце каждой службы монахи (и покурившие и не покурившие) сходились на середине храма и пели «о воспетая Мати», особым тишайшим напевом. Пели они действительно хорошо, никогда и нигде после я не слышал такого пения этой молитвы, которая как будто старалась наполнить духовную пустоту древнего монастыря.

Такое же духовное оскудение я в те же годы (1915-1916) почувствовал и еще в одном монастыре — в Николо-Бабаевском, тоже на Волге. Не рассеяло это впечатление и то, что к отцу привели очень старенького монаха, который еще застал в юности здесь кончившего свою жизнь известного многим (хотя бы по рассказу Лескова) Еп. Игнатия Брянчанинова. И могилка его была совсем заброшенная: очевидно, и в монастыре им уже не интересовались.

Но я забыл о Зосимовой.

Монастырские службы в таком монастыре, как Зосимова, особенные. Если отдать себя им вполне и доверчиво, то такое чувство, будто сел в крепкую ладью, и она вздымает тебя по волнам все выше и выше. Тебе и страшно немного и в то же время так хорошо. Что-то, если можно так сказать, есть безжалостное в такой службе ко всем нашим мирским полусловам, получувствам, полумолитвам, с оборачиванием все время на себя, на свое настроение или на свою слабость. Тут что-нибудь одно: или уходи, потому что стоять надо долго и трудно, или же бросай свою лень и трусость, сомнение и грех, и в священном безумии иди за этими голосами, стройно, и сладостно, и страшно поющими все про одно: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим и всею крепостью твоею!» «И Ему Одному служи».

Стихи поются сначала отдельно по клиросам, но вот монахи сходятся вместе, и тогда под своды возносится так легко и непобедимо торжествующая песня: «Ему Одному служи!»

На кафизмах гасятся свечи, только кое-где остаются лампы. Слово опять «Ветхий Завет» — еще только ожидание Мессии. Сидишь и дремлешь. Нагнется папа, спросит «не устал ли?» Выходим и сидим рядом с храмом на лавочке. Небо звездное. По дорожке в гостиницу кто-то идет: хрустит песок. Там в но-

мере, я знаю, есть слобные баранки и это, конечно, тоже хорошо, но все-таки уходить не хочется. Еще хоть раз подняться на этой ладье, к сводам Храма, к звездам. Скоро конец.

«Христос моя сила, Бог и Господь, честная церковь благолепно поет взывающе».

В номере по-монастырски пахнет. Засыпаешь, конечно, тут же, но среди ночи где-то в холоде неба опять благовест и опять идешь по хрустящей дорожке. Я помню, что ночные службы я наполовину спал, но помню и то, как в эти сны вдруг врвались голоса поющих, я открывал глаза, видел огни, рядом стоящего папу и радостно убеждался, что я в той же крепкой ладье, что моего сна никто не заметил, что меня и спящего, они, эти голоса поющих, унесут с собой.

Музыка настоящего, т. е. монастырского церковного пения так благодатна, как и его слова. Тут «печать дара Духа Святого».

Когда мне было лет 15-17 я два раза приезжал в Зосимову пустынь и один. Одному, да еще совсем юному, страшнее в таком настоящем монастыре. Такое чувство, точно попал маленький сынок на передовую. Какая там «тихая пристань»! Тут уж никакого «Дворянского гнезда» или «Былого и дум». Вместо «гнезда» — море, в которое нужно броситься, вместо «дум» или «былого» — живое и трепетное делание настоящего. Здесь может быть только человек-творец, возжелавший внутри себя найти свою нетленную первооснову, здесь «невидимая брань» и воинское дело духовного подвига.

Помню однажды я, вопреки всем семейным традициям, остался там один в пасхальную ночь. Служил заутреню отец Дионисий, которого мы в семье особенно любили за его исключительное смирение.

Крестный ход обошел храм и остановился перед закрытыми наружными дверьми. Пасха была поздняя, ночь светозарная была легка. Иеромонах поднял голову к этому единственному в году небу и начал пение: «Христос Воскресе»...

И вдруг, — страшное замешательство у стоящего рядом иеродиакона, — о. Дионисий забыл, что надо сделать еще один краткий вступительный возглас. Все было тотчас, конечно, сделано ужасно смущенным иеромонахом, иеродиакон был успокоен. Мне стало горько за моего иеромонаха, за себя, за звезды, к которым он поднял лицо, мне захотелось тут же бежать домой на Арбат.

«Не имамы дерзновения за премногие грехи наши».

А был еще случай, когда я действительно убежал из монастыря «в мир». Мне было лет 15 и я также приехал в Зосимову один на Страстной, чтобы остаться на заутреню. Все было для меня как обычно хорошо, но все-таки не совсем всё. Так же поскрипывала деревянная лестница гостиницы, когда сходишь к службе, так же четко стучали по камню шаги под красной навратной колокольней, так же выходили из келий монахи, спеша в церковь, с концом мантии, перекинутой на левую руку. И все-таки мне вдруг стало чего-то остро нехватать.

Конечно, я охотно делаю скидку на самое естественное для 15-летнего мальчика чувство — тоску по семье в эти блаженные предпасхальные часы. Но в то же время я ясно помню, что я затосковал, помимо этого, еще и по тишине такого «мира», который замолкает перед заутреней, по необычайной и невероятной тишине большого и грешного города в эти часы. Монастырская тишина стала мне недостаточна. И вот в великую субботу я не выдержал и убежал.

Было уже наверное часов 7 или 8 вечера, когда я шел от Ярославского вокзала на Арбат. Трамваи уже не ходили: не полагалось, а автомобилей что-то совсем не помню, и все улицы, по которым я шел, были одной длинной, тихой дорогой. Помню Мясницкую с опущенными железными жалюзи на окнах контор и магазинов. Вот «Брабец», где, начитавшись Нат-Пинкертонна, еще совсем недавно купил себе финский нож. Вот часовня Пантелеймона, совсем пустая Никольская, по которой я несусь мимо Синодальной типографии с какими-то зверями на стене, мимо опять таких же закрытых, громадных контор. Может быть, хозяин одной из них, как диккенсовский мистер Скрудж, сейчас спит и видит во сне умершего компаньона? На Воздвиженке я запыхался, пошел тише и услышал сзади переборы Спасской башни: «еще не поздно». Вот и родной Арбат и шатер Николы Явленного.

Я не знаю, что я больше любил: саму пасхальную заутреню, или тот час, который в церкви предшествует ей, час пасхальной полунощницы.

На полу ковры, народу много, но не так еще много. Везде видны белые платья, но они еще точно прячутся, не выпячивая себя. Все ставят последние прощальные свечи перед плащаницей.

И вот, как-то совсем неожиданно, хор начинает этот, моему, самый великий канон церковной службы: «Волною морскою», — «творение — как сказано в богослужебных книгах — жены некия, Кассии именуемой». Всё совсем замолкает, и де-

дается ясно слышным слабый папин голос, читающий слова канона.

«Господи Боже мой, исходное пение и надгробное Тебе вопою, погребением Твоим жизни моя входы отверзшему».

Я был вознагражден за свою верность грешному городу в эти часы.

Так бесконечно хорошо, когда запели девятую последнюю песнь. Дальше — я знаю — будет тоже хорошо, но затем все-таки опять пойдут, громяхая, трамваи и будут приезжать визитеры в мундирах и с орденами, — все уже будет не то.

Но во время крестного хода вокруг церкви все еще было «то».

...«Нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить».

Идут огоньки свечей, церковь на углу Арбата, и попутно видишь, что многие окна высокого дома напротив открыты и видны крестящиеся фигуры. Весь город хочет «чистого сердца Тебе славить».

В Египетских и Палестинских монастырях V-VI века был хороший обычай. Когда начинался великий пост, монахи уходили на все время «четыредесятницы» в пустыню, в разные ее места, по одиночке или по двое, для полнейшего безмолвия и подвига. А накануне Пасхи все опять собирались. Для них монастырь был уже как бы «мир», и для совершеннейшего подвига им нужно было идти на время в уже совершеннейшую пустыню, чтобы тем радостнее встретить Воскресение в «миру» своего монастыря.

Мне иногда жалко — хотя, конечно, это нелепая мысль — что монахи наших русских монастырей, живя весь год в «пустыне» своего монастыря, не приходили на одну эту единственную ночь в город, чтобы вместе со всеми людьми вострепетовать «радостью неизреченною и неизглаголанною».

Мир был слишком оставлен.

Москва

30-XII-1947 г.

Христос среди нас!

В твоём последнем письме повторяешь свои переживания. Но теперь они, благодарение Господу, кончились. «Не было бы скорбей, не было бы и спасения» — сказали св. отцы. От скорбей две пользы. Первая — усердие к Богу и благодарность от всей души. Вторая — избавляет от суетных попечений и забот.

Из святоотеческих писаний видно: они, подобно нам, тоже унывали и малодушествовали, даже испытывали то, что не желали предать писанию, чтобы нас — неопытных в духовной жизни — не смутить и не привести в отчаяние. Конечно, Господь попускает быть скорбям соразмерно нашим силам, кто какие может вынести. Они (скорби) нас смиряют, у нас есть какая-то самонадеянность, что мы своими силами хотим преуспевать в духовной жизни, а в скорбях-то и научаемся смирению, что наши усилия без Божией помощи не достигают цели. Наш должен быть труд к добродетели, а успех в добродетели зависит уже от благодати, а благодать дается от Бога именно только смиренным, а без смирительных случаев не смиришься.

Мудрую духовную жизнь св. отцы до тонкости объясняли в своих писаниях, а их писания больше познаются жизнью. Если сам будешь работать, очищать сердце от страстей, тогда все будет яснее и понятнее. Преподобные отцы, молитесь Бога о нас грешных и откройте нам умишко, чтобы уразуметь ваши писания.

Пишешь, что дела развлекают молитву. При делах имей память Божию, она тоже молитва, и то хорошо, что есть у тебя стремление, а далее Бог поможет тебе. Только не унывай и не малодушествоуй. Помоги тебе Господи.

Еще пишешь, что и начала не положила. Это чувство хорошее, путь к смирению. В духовной жизни так и есть по закону духовного ведения. Чем больше человек приближается к Богу, тем больше видит себя неисправнее и грешнее. Избави Бог, если человек увидит себя праведным.

Господь да поможет Вам, Господь да избавит Вас от вечной муки.

*) Первую подборку писем Валаамского старца см. в Вестнике № 107.

5-I-1948 г.

...Господь знает нашу немощь, дал нам ежедневное покаяние до гроба. Преп. Иоанн Л. пишет: «Часто старые привычки мучительным образом обладают и теми, которые оплакивают грехи свои, и сие не удивительно. Слово о судьбах падающих темно для нас, и никакой ум не постигнет это». Еще говорит: «не ужасайся, если и каждый день падаешь, не отступай от пути Божия, но стой мужественно и без сомнения. Ангел, который хранит тебя, почитит твое терпение».

Преп. Авва Дорофей говорит: «Не тот пьяница, кто раз напьется, а тот, кто всегда пьет, и не тот блудник, кто раз соблудил, а тот, кто всегда блудит».

По духовному ведению и наказания разные: кто стремится к добродетели и падает, таковому надо делать снисхождение, ибо он не стремился ко греху, а искусился нечаянно. Кто не стремится к добродетели, таковому требуется строгое наказание, чтобы вразумился и стремился к добродетели.

Так и твоя единичная немощь заслуживает снисхождения: просто пустяк, скорей же смущает тебя гордынька: «Как я это допустила?».

Господь да хранит Вас.

24-I-1949 г.

Радует меня, что у тебя есть стремление к единому на потребу, старайся духа не угашать. Брачный союз не должен тебя смущать, ибо он Богом благословен. Однако старайтесь друг друга тяготы носить и тако исполните закон Христов. Умудри Вас, Господи!

Конечно, мир требует свое: труды, хлопоты и заботы — иначе и быть не может. Если при этом имеем память Божию — и довлеет с тебя. По мнению св. Отцов: молитва и память Божия одно и то же.

Если время когда найдется, хорошо прочесть сколько-нибудь Евангелие, апостольские послания, поразмышлять о временной сей юдоли — плачевной жизни, о смерти и о будущей жизни. Господи, помилуй! Страшно и думать, конца нет. Хотя здесь бывает иногда и очень тяжело, все мы бедные кряхтим под

тяжестью разных скорбей, однако, они изменяются, а там никогда перемен не будет. Страшишься своего недостойства и множества отступлений. Не забывай, Господь Иисус Христос принял нашу плоть и был совершенный человек — кроме греха, не для праведных, а для грешников. Слава, Господи, милосердию Твоему!

Господь знает нашу немощь, дал нам врачество покаяния. По закону духовного ведения, чем больше человек преуспевает в духовной жизни, тем более видит себя грешным. Св. Петр Дамаскин пишет: «Если человек увидит свои грехи, аки песок морской, и это знак здоровья души». При этих чувствах отчаянию нет места, а наполняется душа умилением и любовью ко всем живущим на земле. Блаженны подобные люди, которые приходят в такое состояние, оно дается от Бога за глубочайшее смирение и называется бесстрашием.

13-III-1949 г.

По Божией милости, я здоров, а ты стала болеть головой. Что делать, приходится подчиняться воле Божией. Все наши болезни случаются с нами не без воли Божией.

Вот какой твой Х. малодушный оказался, а из военных. Военные должны быть мужественны! Да, без веры в Бога мужества не может быть, ибо человек сотворен по образу и по подобию Божию. Хоть атеисты и мужественные есть, но их мужество ненормальное, болезненное, от отчаяния, от гордости и от тщеславия. Вразуми их, Господи.

Будь здорова и хранима Богом. В молитве не унывай, хоть и рассеянная, все же принуждай себя.

10-I-1951 г.

Христос посреди нас!

Боголюбивейшая матушка! Твое содержательное письмо получил своевременно: пишете о своих переживаниях. После хорошего настроения опять было и смущение и уныние. Иначе и быть не может в сей юдоли плачевной. Даже и святые угодники Божии не были свободны от подобных изменений. Прочти у пр. Исаака Сирина 46 главу.

Еще пишешь, что твоя знакомая попала в секту. Очень жаль, что наши православные очень мало знают свое учение и легко уклоняются в разные секты. Ибо все секты, ереси и расколы основаны на гордости и самомнении (самовнушении?). В православии авторитет — вселенские соборы и учение св. отцов.

Господь сказал: «Блаженни чистии сердцем, тии Бога узрят». Вот св. отцы с Божией помощью очистили сердца от страстей. Они правильно знают волю Божию, открытую в Св. Писании, а не очистившие сердца от страстей не могут правильно понимать Св. Писание, и такие люди претыкаются на Св. Писание, уклоняются от правильного пути, идут в разные стороны. Так сказать: сошли с большого парохода и сели на утлую ладью и хотят переплыть житейское море и погибают в волнах суетных мудрований. Они вырывают текст Св. Писания, как бы в оправдание своего заблуждения.

Мне время маловато вести переписку с твоей знакомой. Пусть она возьмет книгу епископа Петра «Путь ко спасению», в ней найдет разрешение ее вопросов. Умудри ее, Господи!

- - - - -

20-I-1951 г.

Ты пишешь, что осуетилась, и мало ревности подняться от земли. Не горячись, будь довольна тем, что есть: стремление о едином на потребу. Всякому свой образ жизни; сообразуйся со своим положением и умудряйся, чтобы было все ради Бога. К созерцательной жизни не стремись, старайся проводить жизнь деятельную, ведь я тебе говорил: старайся исполнять евангельские заповеди, ибо суд во второе пришествие будет по Евангелию.

Впрочем, Бога не представляй строгим карателем. Он очень милостивый. Слава, Господи, Твоему милосердию! Аще случится пошатнуться в добродетели, — не трепещи, ибо наше естество очень изменчиво. Ангелам только свойственно неизменно стоять в добродетели. По апостолу: «Задняя забывай и вперед стремишься».

Теперь я мало читаю книг, повторяю только по заметкам. Они у меня помечены в разное время.

Определенного молитвенного правила не держу, стараюсь держать правило мытаря. Больше люблю читать Евангелие, апостольские послания и Псалтирь с толкованием. Когда лягу в кро-

вать, стараюсь читать Евангелие, сколько знаю, на память. Для меня это очень полезно. Говорить о едином на потребу, не обретох единомысленного. Ох какое великое благо для нас грешных святоотеческие писания; начну читать, точно раньше и не читал это.

Вот сегодня прочел у пр. Исаака Сирина 34 слово, замечательное. Меня теперь занимает мысль о вечной жизни. Вечность — и конца нет, жутко делается. Здесь, на земле, как тяжело ни жилось бы, или сильные скорби или тяжелые болезни, — все же они кончатся со смертью человека. Иные в тяжелые минуты говорят: умереть скорее! Какое-то есть утешение, что кончатся, а в будущей жизни чего ждать, — вечность не имеет конца.

Господи, помилуй нас грешных. Утешительно читать Евангелие. Иногда встану ночью, прочту главу и, лежа, повторяю, даже слезы прошибают от Божьего милосердия. Дивное Божие милосердие, для нас грешных принял нашу плоть и стал истинным человеком (кроме греха).

Не скрою от тебя — пишу эти строки и плачу. Пишу тебе не по тщеславию, а просто делюсь своими переживаниями, как для человека единомысленного.

Эту седмицу я служу и тебя поминаю в своих молитвах, храни тебя, Господи! Просфорочки потрудись передать; себя-то не обидь, возьми две.

Призываю на тебя Божие благословение.

С любовью о Христе.

- - - - -

20-I-1952 г.

(...) Вот что я заметил: под старость время летит быстрее, ибо чувствуется, что все кончено, приближается время перехода в вечность. Как-то и интересы все пропали. А вот открой ум у молодых и увидишь, как у них фантазия играет: они счастливы, получают хороших женихов, будут богаты, и хорошо пойдет семейная жизнь, и многое другое на эту тему. Эти картинки пройдут у них в голове и опять останутся одни.

Наша монастырская жизнь помаленьку еще теплится, а все же состарилось наше братство, просто богадельня, один другого старше; если доживу до февраля, тогда стукнет 79 лет — почтенные, и я созрел к переходу в вечность. Благодарю Бога, что до таких годов дожил, и удостоил меня, грешного, всю жизнь про-

вести в монастыре. Не знал мирской суеты, наполненной лукавства, тщеславия, лицемерия, лжи и гордыни; а с этими пороками разве почувствуешь когда в душе своей мир и умиление? Я полагаю, нет.

Вот ты с мужем, посещая театр и маскарад, что чувствуете, когда придете домой? Конечно, получается некоторое впечатление, там получившееся, и будете ждать времени еще и еще посетить те же места, разве только нельзя будет пойти по болезни. Вот в таком порядке и проходит мирская суетная жизнь. А когда человек будет лежать на смертном одре или в болезни, вот тогда-то и придется испытать неожиданные явления и вся прошлая жизнь будет чередоваться событиями, какими он жил. Тогда только человек познает, что мир сей обманщик.

На все ваше семейство призываю Божие благословение.

Нemoшей бояться не надо, ибо Господь снишел с небес для немощных. Человек, если сознает свою немощь и покается, Господь по Своей благодати не помянет его немощей и грехов. Больше всего надо бояться дьявольской гордости, тщеславия, вражды и осуждения, а немощи смиряют наше мнимое благочестие.

Не удивляйся, что очень хорошие люди, близко стоящие к Церкви, глубоко верующие, из-за какого-нибудь укола все поносят. Эти люди внешние, они не имеют понятия о едином на потребу, потому внешнее благочестие и не пользует их. А с Х. надо молиться и сочувствовать ее тяжелому кресту.

На днях говорил мне некий инок: «Надоело жить, хоть бы умереть, и желаю, чтобы превратиться в небытие». Но я промолчал, знаю, что он не примет моих советов. Все иноки ведь начитаны, и кто как принимает богословие и святоотеческое учение, правильно или неправильно, — и держится своих убеждений. Таким людям посторонние советы не подойдут, они сами охочи учить других. Ах, как хорошо выразился преп. Авва Дорофей: «Каждый небрежет и не соблюдает ни одной заповеди, а от ближнего требует исполнения заповедей».

В течение дня сколько приходится видеть подобных примеров. Конечно, я не обращаю внимания на них, ибо это какое-то обычное явление. Если следить за собой, увидим в своем сердце просто хаос, и подобные явления сердца не задевают.

Валаамский монастырь
(снимок 30-х годов)

Письмо болящей

9-VIII-1953 г.

Христос посреди нас!

Вполне я сочувствую твоим переживаниям, даже и теперь тревожат тебя грехи, сделанные в молодости твоей. Враг рода человеческого — дьявол — навел на тебя страх открыть мне наиболее свое сердце, когда ты была в монастыре.

Всегда так бывает, когда человек творит грех, думает получить утешение, но по вкушении греха выходит наоборот великая скорбь и томление духа, и бедная душа мечется, точно рыба, выброшенная на берег. Тяжелое состояние, и человек приходит чуть ли не в отчаяние. В такие минуты хорошо бы поде-

литься с опытным человеком, который, конечно, мог бы, без сомнения, помочь.

Нет такого греха, который бы превышал Божие милосердие, и грехи всего мира, точно горсть песка, брошенная в море. И ты пишешь: простит ли тебя Господь? Созналась, покаялась. Господь простил и не помянет твоих грехов. Будь в этом уверена (пророк Иезекииль). В прошлое твое тяжелое время помучилась твоя бедная душа, потерпела оброки греха. Но теперь будь спокойна и благодари Бога за Его святое милосердие.

Молитву Иисусову или память Божию одинаково Бог приемлет. При твоей жизни для тебя удобнее иметь память Божию. Молитву умную надо проходить под руководством опытного человека, который сам знает это дело опытом.

Храни Вас Господь. Прошу святых молитв Ваших.

Письмо инокине

Боголюбившая инокиня! Ты пишешь, что борет тебя гнев, и «мира и утешения не имам». Если не будешь трудиться и работать над своим сердцем, — мира и утешения не будет. Надо же, наконец, взять себя в руки, не все же жить спустя рукава! Ибо нуждницы восхищают Царство Небесное (Мф. 11,12).

Антоний Великий сказал своему ученику: «Ни Бог, ни я тебе, если сам не будешь трудиться». Духовная жизнь подобна дереву: телесный подвиг — листья его, а душевное делание — плод. Писание говорит: «Всякое древо, еже не творит добра плода, отсекаемо бывает и в огонь вметаемо» (Мф. 3,10).

Конечно, телесный труд нужен, ибо без него и плодов не будет. Однако, знай, что все телесные труды не как добродетель, а как пособие к добродетели. Многие много трудились, а плодов не получили, ибо труд их было внешний, убивающий дух: «не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи» (Кол. 2,21).

Св. Иоанн Лествичник говорит: «Весьма развратился нынешний век и весь стал преисполнен возвышения и лицемерия». Труды телесные, по примеру древних отцов наших, может быть, и показывают, но дарований их не сподобляются, хотя, думаю я, естество человеческое никогда не требовало дарований так, как

ныне. И справедливо мы это терпим, потому что **не трудам, но простоте и смирению являет Себя Бог.**

Св. Исаак Сирий говорит: «Если ты трудишься в какой прекрасной добродетели и не видишь успеха или плода, не дивись, ибо **Господь дает дарование не за труды, а за смирение.**»

Священномученик Максим сказал: «Даждь телу малое упражнение, а все усилие употреби на внутреннее делание». Св. Варсонофий сказал: «Если внутреннее делание по Богу не поможет человеку, то напрасно он трудится во внешнем».

Св. Антоний сказал: «Когда я сидел у одного аввы, пришла некоторая дева и сказала старцу: «Авва, я провожу свою жизнь в посте, вкушаю один раз в неделю и ежедневно изучаю Ветхий и Новый Завет» — старец ответил ей: «Сделалось ли для тебя скудость все равно, что изобилие?» — Она сказала: нет. — Бесчестие, как похвала? Она сказала: нет. — Враги, как друзья? — Она ответила: нет. Тогда говорит тот мудрый старец: «иди, трудись, ты ничего не имеешь!»

Ужасный ее подвиг: один раз вкушала в неделю и то, наверно, не изысканную пищу, и вдруг услышала от опытного старца: «Ты ничего не имеешь». И Св. Писание изучала, однако не понимала сущности, чему учит оно, и все ее благочестие было чисто внешним, плодов духовных не сподобилась получить. И те пять дев юродивых большой подвиг девства сверхъестественный соблюли, но, как добрых дел не имели (Гал. 5,22), остались вне дверей в Небесный Чертог.

А фарисеи знали назубок Св. Писание, но не жили по Писанию, и Истины не могли понять, — распяли Господа.

Да, духовная жизнь — из наук наука — требует духовного рассуждения, рождается от смирения. У египетских старцев, если какая добродетель **обнаруживается**, то ее считали не добродетелью, а грехом. Вот так святые боялись тщеславия.

Св. архиепископ Феофил посетил гору Нитрийскую и пришел к нему авва горы. Архиепископ сказал ему: «Какая добродетель по твоему опытному сознанию есть высшая на иноческом пути? — старец ответил: повиновение и постоянное самоукорение. — Архиепископ сказал: Иного пути, кроме этого, нет».

Св. Варсонофий Великий сказал: «Если ты исполнишь три условия, где бы ты ни жил, будешь мирен: 1-е — оставить волюшку позади себя, 2-е — укорять себя, и 3-е — считать себя хуже всех».

...О, блаженное ты послушание, кто преклонил главу свою под иго твое, будет всегда мирен и радостен. Плоды утешительные, но и требует больших трудов. Св. отцы приравнивали послушание даже мученичеству. Дажь кровь, прими дух. От истинного послушания рождается смирение, бесстрашие, даже прозорливость, не дивись, но истинно так. Не буду писать Вам примеры послушания, полагаю, что Вы сами читали и знаете.

Вот что еще: от невнимательной нашей жизни не за собой следим, а за другими, и от них требуем исправления, а сами остаемся неисправимыми, даже иногда бывает клевета и ее печальные последствия.

Приведу пример: это было на юге в женском монастыре; спасались 400 подвижниц. Шел портной, встретилась с ним послушница где-то за монастырем. Он сказал: «Нет ли у вас работы?» Она ответила: «Нет, мы сами работаем».

Этот разговор-встречу увидела другая послушница и через несколько времени, поссорившись с сестрой, в жару гнева оклеветала ее по поводу той встречи. Оклеветанная не могла перенести позора, от печали тайно бросилась в реку Нил и утопилась. А клеветница, одумавшись, что напрасно оклеветала и погубила ее, сама удавилась. Вот какая печальная история.

В этом же монастыре спасалась юродивая Исидора, к ней и пришел св. Питирим. Когда обнаружился ее подвиг, она по смирению не смогла терпеть славу человеческую, тайно ушла и неизвестно где жила и как скончалась. Блаженная ты, Исидора, моли Бога за нас грешных.

Этот женский монастырь был у реки Нил, а по ту сторону реки было десять монастырей, и в каждом монастыре по 1000 монахов. Управлял всеми монастырями преп. Пахомий. В каждом монастыре был игумен. В женском монастыре службу совершал иеромонах из Пахомиева монастыря. О тех послушницах, которые погибли, он воспретил совершать поминовение, а других, которые клеветали, тех отлучил на семь лет от причастия.

Господи, избави мя от клеветы человеческия, и научи творити волю Твою.

Вот еще: в той же стране и в те времена в одном монастыре жили два брата: одному 12 лет, другому 15 лет. Игумен послал их снести пищу отшельнику. Отнесли и на обратном пути встретили ядовитую змею. Младший брат взял змею, завернул в мантию и принес в монастырь, конечно, не без тщеславия. Иноки окружили отроков, удивились и восхваляли их за святость.

Игумен был духовной жизни и рассудительный, отроков наказал розгами и сказал: «Вы Божие чудо приписали себе, лучше немощная совесть, чем добродетель со тщеславием». Ибо он знал, что чудеса вредят святым. Да, на земле совершенства и постоянства нет.

Были такие случаи, что некоторые подвижники были восхищены и видели славу святых, потом пали и вели позорную жизнь на посмешище людям. С преп. Макарием жил такой подвижник, и так насыщен был благодатию, что возложением своих рук исцелял больных, но, возмечтав о своей святости, погиб, вел позорную жизнь и так скончался.

Св. пророк Иезекииль говорит: «Если праведник совратился с пути, Господь не помянет его праведности, а грешник, если исправится, то Господь не помянет его грехов».

Да, мы не должны себе верить, пока не ляжем в гроб, и в добродетели устоять — не от нас, а от благодати Божией. А Господь хранит за смирение: насколько человек смирится, настолько и преуспевает в духовной жизни. Наш должен быть труд по самовластию, а успех зависит уже от благодати. Вот мы и должны молиться и просить помощи у Господа.

В духовной жизни главный подвиг — молитва. Молитва требует внимания и трезвения. Я полагаю, что ты читала о молитве, однако я скажу тебе, конечно, кратко. О молитве трудно писать подробно.

Молитва имеет три степени: 1 — устная, 2 — умная, 3 — умносердечная. Первая — устная — произносится устами, а ум гуляет; вторая — умная молитва, ум надо заключить в слова молитвы, а внимание держать в верхней части груди, ибо внимание — душа молитвы. На сердце нажимать вниманием не надо; если будет внимание в груди, тогда и сердце будет сочувствовать. Третья — умносердечная молитва — достояние очень редких и дается за глубочайшее смирение. Страстный не должен дерзать к такой молитве, говорит св. Григорий Санаит.

К умилению и слезам не надо стремиться, а когда это само по себе придет, умиление и теплота сердечная, остановись на этом, пока это пройдет. Все же думать не надо, что что-то великое получила. Это бывает естественно от сосредоточения, но не прелесть.

Вот что еще сообщу на всякий случай: если теплота пойдет далее по всему телу, такая теплота не кровяная, а духовная, то слезы польются просто струей, и люди будут казаться просто

ангелами, в такой момент на ногах уже не устоишь, надо лечь или садиться. Если это случится в церкви, надо скорее выйти вон. Другие, не знавшие и не испытывавшие подобных явлений при молитве, сочтут за прелесть. Это не прелесть, а Небесный Гость посетил.

Кончаю писать о молитве. Трудись в молитве. Господь дает молитву молящемуся.

Аминь.

23-IV-1954 г.

Святая Церковь поет: «Очистим чувства и узрим», — кратко сказано, а какая глубина в этих словах. Ибо они относятся к двум устройствам человека: к деятельному и созерцательному. Если кто с Божией помощью очистит сердце от страстей: гордости, тщеславия, лицемерия, лукавства, гнева и прочих страстей, тогда такой человек, по благодати Господа, приходит в первобытное состояние, каким был сотворен Адам.

Да, это степень — святых Божиих людей. Ибо без деятельной жизни не может быть созерцательной, не напрасно же святые отцы восставали на себя, аки на врага.

Святые отцы опытом прошли эти две жизни: деятельную и созерцательную, и оставили нам свое наследие в своих богомудрых писаниях, и их писания одним умом вполне и понять нельзя, а понимается жизнью.

1-VII-1954 г.

Очень печально слышать, что священники учат своих духовных чад во время молитвы в уме представлять образ Спасителя или Божией Матери, или какого святого. Такой способ молиться неправильный, даже вредный. Знаю, что некоторые так молились, повреждали свои головы и ходили лечиться к докторам.

Скажу вкратце, как должно молиться на основании богомудрых святых отцов.

Ум надо заключать в слова молитвы и внимание держать в верхней части груди, ибо внимание — душа молитвы. На сердце нажимать не надо вниманием. Если будет внимание в груди, тогда и сердце будет сочувствовать.

Когда появится умиление и теплота сердечная, думать не надо, что получил что-то великое. Это бывает естественно от

сосредоточения, но не прелесть. Все же от благодати Господь дает некоторое утешение молитвеннику.

Всеми силами старайся, чтобы никого не осуждать ни в чем. Чего себе не хочешь, того другим не делай, и вражды не имей, иначе молитва не будет прививаться к сердцу.

21-VII-1954 г.

Ты пишешь, что читала у св. отцов, как ученик сказал старцу о том, что некоторые сподобляются видеть св. ангелов. Старец сказал: «Блаженны те, которые непрестанно видят грех свой». А св. Петр Дамаскин пишет: «Аще увидишь свои грехи, аки песок морской, это и есть здравие души».

Мне непонятно, пишешь ты, как святые могут видеть свои грехи, аки песок морской? — Это степень высокого духовного совершенства, достояние святых Божиих людей, которые с Божией помощью очистили сердце свое от страстей: от гордости, тщеславия, лукавства, лицемерия и прочих пороков. Однако и они не были свободны от прилогов и от приражения страстей. Ибо, пока душа носит тело, никак не может освободиться от прилогов страстных, хочет ли она этого, или не хочет. Но, победив в себе страсти добродетелями, ум их с Божией помощью отражает эти прилоги.

Один Бог совершен и неизменен. Св. отцы, по Божией милости хотя и преуспевали в духовной жизни, однако бывают у них изменения. Грех все еще хитрит, бывают у них даже помыслы нечистые и скотские. Не дивись этому, так оно и есть.

Это я пишу не свое мудрование, а мысли св. богомудрых мужей. Вот такие изменения на чистом их сердце являют зрение своих грехов «аки песок морской» и они считают себя поистине хуже всех людей.

А мы — грешные, иногда говорим от невнимательной нашей жизни, что «я очень грешный, даже и на свете нет такого человека, как я». Но это только пустословие и одни голые слова. Если бы говорили от чувств сердечных, тогда не осуждали бы других ни в чем, не гордились бы, и не гневались бы и т. д. Сами не исполняем ни одной заповеди, а от других требуем исполнения.

О, слепота наша сердечная! Господи, даждь ми зрети моя прегрешения и не осуждать брата моего.

Полагаю, что ты теперь поняла глубокие мысли святых Божиих людей. Прошу святых молитв твоих.

...Знай, что во второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа на землю, Страшный Суд будет по Евангелию. Но мы так оземленились, что мало обращаем внимания на евангельские заповеди, но очень строго судим за какие-либо обряды.

Конечно, обряды, установленные св. отцами, нужно исполнять, ибо они воспитывают душу в благочестии. Но все же всегда надо обращать больше внимания на евангельские заповеди.

Господь говорит: «Не судите, да не судимы будете, чего себе не хочешь, того и людям не делай». А мы-то, что глухие, не слышим, что Господь говорит нам, и свободно нарушаем Его святые заповеди.

Осуждающий всегда ошибается и неправильно судит, ибо мы не знаем причину согрешающего, а судим по своему устройению. Кто как настроен, тот так и о других заключает, ибо кривое око на всех криво глядит.

Очень хорошо сказал преп. Дорофей: «Вот если стоит человек у угла какого-то здания, пройдут мимо него трое и каждый подумает по своему устройению. Религиозный подумает о нем: вероятно, ждет, когда ударят в колокол и пойдет в церковь. А вор подумает: когда будет потемнее, пойдет воровать. А блудник подумает: наверно, поджидает женщину для греха».

Очень справедливо сказано, и это видно почти на каждом шагу.

А насколько тяжкий грех осуждения, приведу один пример. В некоем монастыре инок впал в блуд. Великий старец сказал: «О, худо он сделал». Умер тот инок, и Ангел, по повелению Божию, принес душу старцу и сказал: «Куда повелишь определить этого инока, в Царство или в муку?» Ужаснулся старец, понял насколько тяжелый грех осуждения, горько заплакал. Через несколько времени Ангел сказал: «Бог простил твой грех». Однако старец до самой смерти не оставлял своего плача.

Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

ПИСЬМО иеромонаха НИКОНА своей матери.

(Оптина пустынь 1922 г.)

Христос посреде нас, дорогая мамаша.

Мира и радования о Господе Иисусе усердно тебе желаю и прошу твоих святых молитв и родительского благословения.

О себе что писать мне? Я жив и здоров, нужд никаких особых не имею, необходимое все получаю, тружусь несколько в письмоводстве, много занят бываю различными делами по обители или, вернее, делами, касающимися вообще нашего общего жития; пою на клиросе и наконец служу, предстоя престолу Божию во святом алтаре.

Что касается моей внутренней жизни и по келье, и по душе, это далеко не всем можно знать. Келия моя в длину имеет 5 аршин, в ширину 3 арш. 6 верш., в одно окно. Келия для меня дороже всяких пышных домов и чертогов.

Что касается условий нашего общего жития, то это дело сложное и вместе очень простое: сложное, ибо трудно изложить на бумаге все, что сейчас представляет бывший монастырь, и все, что мы переживаем и предпринимаем; простое, ибо «Аще не Господь созидает дом, всеу трудящаяся зиждущие», по псаломскому слову (Пс. 126). Да, нужно принимать меры возможные, подсказываемые здравым разумом, и непротивные духу христианского и иноческого жития, но, принимая их, успеха ожидать должно всецело от руки Господней.

Гордость человеческая говорит: мы сделаем, мы достигнем — и начинаем строить башню Вавилонскую, требуем от Бога отчета в Его действиях, желаем быть распорядителями вселенной, мечтаем о заоблачных престолах, — но никто и ничто не повинуется ей, и бессилие человека доказывается со всею очевидностью горьким опытом. Наблюдая опыт сей из истории и древних, давно минувших дней и современных, прихожу к заключению, что непостижимы для нас пути Промысла Божия, не можем мы их понять, а потому необходимо со всем смирением предаваться воле Божией.

Затем второе: никто и ничто не может повредить человеку, если он сам себе не повредит, напротив, кто не уклоняется от греха, тому и тысяча спасительных средств не помогут. Следо-

вательно, единственное зло есть грех: Иуда пал, находясь со Спасителем, а праведный Лот спасся, живя в Содоме. Эти и подобные этим мысли приходят мне, когда поучаюсь я в чтении св. отцов, и когда гляжу умственно на окружающее.

Что будет? Как будет? Когда будет? Если случится то и то, куда приклониться? Если случится то и то, где найти подкрепление и утешение духовное? О, Господи. Господи. И недоумение лютое объемлет душу, когда хочешь своим умом все предусмотреть, проникнуть в тайну грядущего, неизвестного нам, но почему-то страшного. Изнемогает ум, планы его, средства, изобретаемые им, — детская мечта, приятный сон. Проснулся человек — и все исчезло, отталкиваемое суровой действительностью, и все планы рушатся. Где же надежда? — Надежда в Боге.

Господь — упование мое и прибежище мое. В предании и себя и всего воле Божией обретаю мир душе моей. Если я предаю себя воле Божией, то воля Божия и будет со мной совершаться, а она всегда благая и совершенная. Если я Божий, то Господь меня и защитит и утешит. Если для пользы моей пошлется мне какое искушение, — благословен Господь, строящий мое спасение. Даже при наплыве скорбей силен Господь подать утешение великое и преславное... Так я мыслю, так я чувствую, так наблюдаю и так верую.

Из этого не подумай, что я много пережил скорбей и испытаний. Нет, мне кажется, что я еще не видал скорбей. Если и бывали со мной переживания, которые по поверхностному взгляду на них по своей видимости казались чем-то прискорбным, то они не причиняли мне сильной сердечной боли, не причиняли скорби, а потому я не решаюсь назвать их скорбями. Но я не закрываю глаза на совершающееся и на грядущее, дабы уготовить душу свою во искушение, дабы можно было мне сказать псаломскими словами: «Уготовихся и не смутихся».

Я сообщал тебе, что у нас было следствие, ревизовали дела нашего Товарищества. Это следствие не кончено еще, суда еще не было. Когда будет суд и чем он кончится, — Бог весть. Но, несомненно, без воли Божией ни со мной, в частности, ни вообще с нами ничего совершиться не может, и потому я спокоен. А когда на душе спокойно, тогда чего же еще искать?

Сейчас я пришел от всенощной и заканчиваю это письмо; которое начал еще перед всенощной. Господи, какое счастье.

Какие чудные глаголы вещаются нам в храме. Мир и тишина, Дух святыни ошутительно чувствуется в храме. Кончается служба Божия, все идут в дома свои. Выхожу из храма и я.

Лев Бруни

Вид на монастырь с колокольни

Чудная ночь, легкий морозец. Луна серебряным светом обливает наш тихий уголок. Иду на могилки почивших старцев, поклоняюсь им, прошу их молитвенной помощи, а им прошу у Господа вечного блаженства на небе. Могилки эти много вещают нашему уму и сердцу; от этих холодных надгробий веет теплом. Пред мысленными взорами ума встают дивные образы почивших исполинов духа.

Эти дни я неоднократно вспоминал батюшку Варсонофия. Мне вспоминались его слова, его наставление, данное мне однажды, а может быть, и не однажды. Он говорил мне: — Апостол завещает: «Испытывайте себя, в вере ли вы», и продолжал: — Смотрите, что говорит тот же Апостол: «Течение скончах, веру соблюдох, а теперь мне уже готовится венец». Да, великое дело сохранить, соблюсти веру. Поэтому и я вам говорю: испытывайте себя, в вере ли вы. Если сохраните веру, можно иметь благонадежие о своей участи. — Когда все это говорил мне почивший старец (а говорил он хорошо, и с воодушевлением, насколько помнится, вечером, при тихом свете лампы в его дорогой, уютной старческой келье), я почувствовал, что он говорит что-то дивное, высокое, духовное. Ум и сердце с жадностью схватывали его слова. Я и прежде слышал это Апостольское изречение, но не производило оно на меня такого действия, такого впечатления.

Мне казалось, что особенного сохранить веру? Я верую, и верую по-православному, никаких сомнений в вере у меня нет. Но тут я почувствовал, что в изречении этом заключается что-то великое; что действительно велико, несмотря на все искушения, на все переживания житейские, на все соблазны — сохранить в сердце своем огонь святой веры неугасимым, и неугасимым даже до смерти, ибо сказано: «Течение скончах», т. е. вся земная жизнь уже прожита, окончена, уже пройден путь, который надлежало пройти, я уже нахожусь на грани земной жизни, за гробом уже начнется иная жизнь, которую уготовала мне моя вера, которую я соблюл. «Течение скончах, веру соблюдох». И заповедал мне дивный старец проверять себя время от времени — в истинах веры православной, чтобы не уклониться от них незаметно для себя. Советовал, между прочим, прочитывать православный катехизис Митрополита Филарета и познакомиться с «Исповеданием православной веры восточных патриархов».

Ныне, когда поколебались устои Православной Российской Церкви, я вижу, как драгоценно наставление старца. Теперь как будто пришло время испытания, в вере ли мы. Ведь надо знать и то, что веру соблюсти может тот, кто горячо и искренне верит, кому Бог дороже всего, а это последнее может быть только у того, кто хранит себя от всякого греха, кто хранит свою нравственность. О, Господи, сохрани меня в вере благодатию Твоею.

Ведь мысль о возможности сохранения веры лишь при доброй нравственности не моя, это учение и Евангельское и свято-

отеческое. Вот что говорится в Св. Евангелии от Иоанна, гл. 3,19-21: «Свет прииде в мир, и возлюбилша человецы паче тьму, нежели свет: б е ш а б о и х д е л а з л ы . Всяк бо, делая зло, ненавидит Свет и не приходит к Свету, да не обличатся дела его, яко лукави суть. Творяй же истину, грядет ко Свету, да явятся дела его, яко о Бозе суть соделана».

Светом тут Христос называет Себя. Он убеждает современных Ему иудеев оставить искания славы друг от друга, при котором человек неспособен к вере; они лишь насмехались... «Како вы можете в е р о в а т и , славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от Единого Бога, не ищите?» (Иоан., гл. 5, ст. 44).

И еп. Игнатий Брянчанинов, указывая на эти слова Евангельские, говорит, что подобно другим страстям, страсть тщеславия уничтожает веру в сердце человеческом: подобно им, оно делает сердце человека неспособным для веры во Христа, для исповедания Христа... Поэтому, усердно прошу твоих святых молитв, да охрани меня Господь от всякого зла, т. е. греха во всех его видах, — тогда никакое внешнее положение не сможет повредить мне.

Хотел я лишь кратко сообщить тебе, что я здоров и жив и, паче всякого чаяния, увлекся писанием. Пиша это письмо, я едва успеваю следить за мыслью и записывать то, что она мне диктовала. Все это как-то невольно вылилось из-под пера, и есть глубокое мое убеждение...

Да хранит всех вас Господь.

Прошу у всех святых молитв, а я, по мере сил моих немощных, всегда памятую молитвенно о всех. Прости.

Благодать Господа и Бога нашего Иисуса Христа, и Любы Бога и Отца и причастие Святого Духа буди со всеми вами.

А м и н ь .

15/28 — 16/29 ноября 1922 г. Оптина Пустынь.

Уже 2-й час ночи.

ДНЕВНИК ОЧЕВИДЦА

К моменту, с которого начинается «Дневник», монастырь был упразднен. В нем был создан краеведческий музей. Однако большое число монахов, оставаясь в качестве служащих при музее, продолжали свой образ жизни. До этого, одно время, монахи создали артель (во главе с архим. Исаакием), где велось очень доходное, образцовое сель-хоз. производство.

Дневник рассказывает об окончательном изгнании монашествующих.¹

1923 г.

23 марта Пятница

Прибытие из московской комиссии в Оптину Пустынь.

Прибытие из Москвы представителей отд. музеев — А. Н. Гриневский и Л. И. Гиринский.

28 марта Среда

Суд.

29 марта Четверг

Представитель Губмузея А. М. Покровский.

30 марта Пятница

Заседание собрания Исполкома. Отъезд представителей отд. музеев.

1 апреля Воскресенье

Арест Никона Беляева. Арест в 7 часов Л. В. Зашук.²

3 апреля Вторник

Освободили из-под ареста епископа³ с его сожителями.⁴ Арест около 2-х часов сотрудника музея М. М. Таубе.

5 апреля Четверг

Освобождение из-под ареста М. М. Таубе и всех, кроме о. Нектария и Л. В. Зашук (И. Бобраков, Н. Беляев, Петр, Иван, Рафаил и монахини). Около 6-и часов предъявлено обвинение о. Н. Тихонову (о. Нектарий) в сокрытии ценностей. Отъезд из Оптиной под конвоем в г. Козельск о. Нектария (в больницу) и Л. В. Зашук (в арестный дом). «Ликвидационная комиссия» прервала работу до 11 апреля. Отъезд членов комиссии. Отъезд в Москву Н. А. Павлович.

15 апреля

Телеграмма Н. Троцкой Таубе.

¹ Название, вступление и примечания сделаны изд.

² Директор музея, потворствовавшая монахам.

³ Еп. Михай жил тут же на покое; иногда служил.

⁴ Т. е. послушниками.

16 апреля

Освобождение Л. В. Зашук из-под ареста.⁵ Снятие последнего караула.

17 апреля

Снятие караула с о. Нектария.

18 мая

Постановление о передаче имущества товарищества в Полошковский пункт.

26 мая 1923 г.

С сегодняшнего дня обедня в 5 часов. Служба в Казанском, о. Никон и о. Рафаил. После обедни молебен с водосвятием у о. Варнавы (келейник о. Анатолий П.). Военком Абрамов смотрел себе помещение в скиту. Пока поселяется в племхозе. Л. В. в казначействе получила разные кредиты. Отправлено Моисеевым⁶ письмо в Москву А. Н. Тычинскому о свободных помещениях для моск. дачников и о тек. делах. На входе в скит вывешено о запрещении входить посторонним без разрешения зав. музеем.

27 мая Суббота

Обедня — о. Никон и о. Серафим. Бдение — о. Пантелеймон и о. Ефросин из Козельска. М. Я. Моисеев переехал в дом № 17 (где жил Епископ Михай). Посадка огурцов в нижнем саду. Проверка ризницы в Предтеч. церкви в скиту — о. Никон, степинский Антонов и Таубе. В 5-7 ч. т. Панков и Кузовков — раздача вещей из хибарки старца Нектария.

28 мая Воскресенье

3 недели холодная погода. С утра почти весь день дождь. Литургия — о. Пантелеймон и о. Гурий, стриженный после тифа.

29 мая Понедельник

Литургия — о. Пантелеймон, о. Серафим. Проверка ризницы в пред. церкви о. Никон, Н. Н. Беляев (Т.⁷ при помощи Панаева оборудует у себя ложечную мастерскую).

30 мая Вторник

Литургия — о. Тихон и о. Серафим. Вернувшиеся от о. Нектария рассказывают, что он живет у Вас. П. Осина⁸ на хуторе и очень, чрезмерно скорбит. Скорбь старца ставится в связь с настойчивым уговариванием Н. А. Павлович переехать старцу в Москву. Проверка имущества. Пред. храма Т. обмеряет здания внутри. Зашук работает в канцелярии (4-й день) — верх рухольной с В. Никольским и З. Тольцовым. Холодно, перепадают дожди.

31 мая Среда

Литургия — о. Никон и о. Серафим. М. Я. Моисеев уехал в Калугу. Установлена музеем еще часть нижнего сада детскому дому под капусту.

⁵ Освобождение Л. В. Зашук было следствием телеграммы.

⁶ Агроном племхоза Оптиной пустыни. Помогал монахам.

⁷ Т. — Таубе.

⁸ В.П.О. — владелец хутора.

Приехавшие из Калуги говорят, что там живая церковь вянет. Почти все подписавшиеся раскаялись, осталось 4-5 священников.

1 июня Четверг

Литургия — о. Никон и о. Рафаил. 1-й более теплый день.

2 июня Пятница

Литургия — о. Никон и о. Рафаил. Погода летняя. "10-я пятница" в Козельске ярмарка. Самые яркие, самые пестрые, самые богатые наряды — на самых некрасивых лицах. Начали собирать квартплату в пользу музея. Приехала О. Н. Анненкова.

3 июня Суббота

Литургия — о. Никон и о. Рафаил.

4 июня Воскресенье

Литургия — о. Пантелеймон, Варсис и Сергей (из Киева) и о. Серафим и Рафаил. Старец Нектарий 1 июня переехал в Холмище Брянск. губ.⁹ Н. А. Павлович ранее уехала в Москву. Старец все безмерно скорбен. М. Я. Моисеев вернулся из Калуги.

5 июня Понедельник

Литургия — о. Пантелеймон и о. Рафаил. Собрание: мост взял музей.

6 июня Вторник

Литургия — о. Сергей (Киевский) и о. Серафим. В Козельске в Георг. церкви праздник иконы Ахтырской Божьей Матери, соборная служба при участии о. Пантелеймона, Бориса, Мелетия, Лаврентия; шамординские певчие. Очень много народа. В Козельске все священники, подпавшие под ВЦУ, покаются. Просят епископского открытого об этом объявления. На собрании исполкома постановлено музеем допустить только 15 служащих из бывших монахов. Т. разбирает Каликинские книги и письма. — Лето. — Слух о выселении о. Архимандрита. Приехала Тат. Ал.¹⁰

7 июня Среда

Литургия — о. Тихон и о. Серафим. — Третья неделя поста (Петровки). Каждый день 5-10 причастников. Пост. огажек (неразб.) в мез. музея.

8 июня Четверг

Св. муч. Феодора Стратилата, престол (левый) в Казанском храме. Литургия — о. Никон и о. Серафим. Молебен с водосвятием. Причастников — 16..

9 июня Пятница

Литургия — о. Никон и о. Серафим, причастников — 7. Дождь; весь день ветер, холод, сумрак. К вечеру разгулялось. Против Св. Ворот скита 9 ч. вечера — еще почти светло. Сижу на лавочке. Приближаются звуки гармошки. Слушаю их почти с тоской. Проходит мимо гармонист

с товарищем, оба мальчишки-парни. Один из них знакомый мне сапожник. Оба вежливо кланяются. Улыбаюсь в ответ: "Что же это вдвоем? — Надо бы вчетвером!" — "Да вот не видали ли, тут не проходили?" — "Нет, а там встретила". — "Какие? Ну, идем". Приходят, и сразу слышно — встреча. Девичьи голоса. Сапожник-гармонист скоро возвращается и садится просто и доверчиво рядом со мной, даже толкнул немножко. — Грешно играть-то. Какие тут старцы жили! — Да вы разве ходили к ним? — А как же, каждый день. Всех знал. Скучно. Угнали старца". Кивает на гармонь: "Продать надо". Что-то наигрывает. Две девицы с кавалером тоже подошли. Парочка садится поодаль. Одна девица доходит почти до самых ворот скита. Слежу за ней. Здоровая, грудастая, совсем молодая, в красном платке, торжествующе свежая, с коричневым от загара лицом. — Вера, Верка, что же ты, иди, садись сюда! — Но она делает еще несколько шагов к воротам и крестится два раза мелким крестом — почти украдкой. Затем говорит почти про себя "теперь можно", поворачивается спокойно и присоединяется к компании. Из-за ограды, из скита доносится голос Гаврюши¹¹: "Памятники ломать пришли! Господи, еще не все погибло, — Ты видишь? Господи помилуй!"

10 июня Суббота

Литургия — о. Никон и о. Серафим. Причастников — 10. Холодно, пасмурно, ветрено, дожди.

11 июня Воскресенье

Литургия — о. Пантелеймон и о. Диодор. Причастников взрослых 80, детей — 25. День пасмурный, холодный, к вечеру разгулялось.

12 июня Понедельник

Литургия — о. Никон и о. Серафим. Причастников — 7. Прохладно, перепадают дожди. Весть о кончине Калужского епископа Феофана в Новгороде. Вернулся из Калуги М. Я. Моисеев.

13 июня Вторник

Литургия — о. Пантелеймон и о. Серафим. Причастников — 12. Приехали В. П. Осин и Петр Швырев.¹² Погода летняя. 30 музейных сторожей из бывших членов упраздненной Оптинской артели зарегистрированы в отделе труда Козельского исполкома. — Взят в УПО патент на кустарные мастерские музейной усадьбы выделки кож, слесарная на имя А. Чеботарева, древообделочная.

14 июня Среда

Литургия — о. Аверкий и о. Серафим. Причастников — 10. В. Осин и Швырев уехали. 8 ч. собрание музейных служащих о вступлении в упрос. Заболел о. Никон (заражение крови от открывшейся раны на ноге). Открыл Панков музейн. помещения главного здания (снял печати).

¹¹ Юродивый. Еп. Михей его очень не любил за сквернословие, говоря, что не может из одного источника течь сладкая и горькая вода.

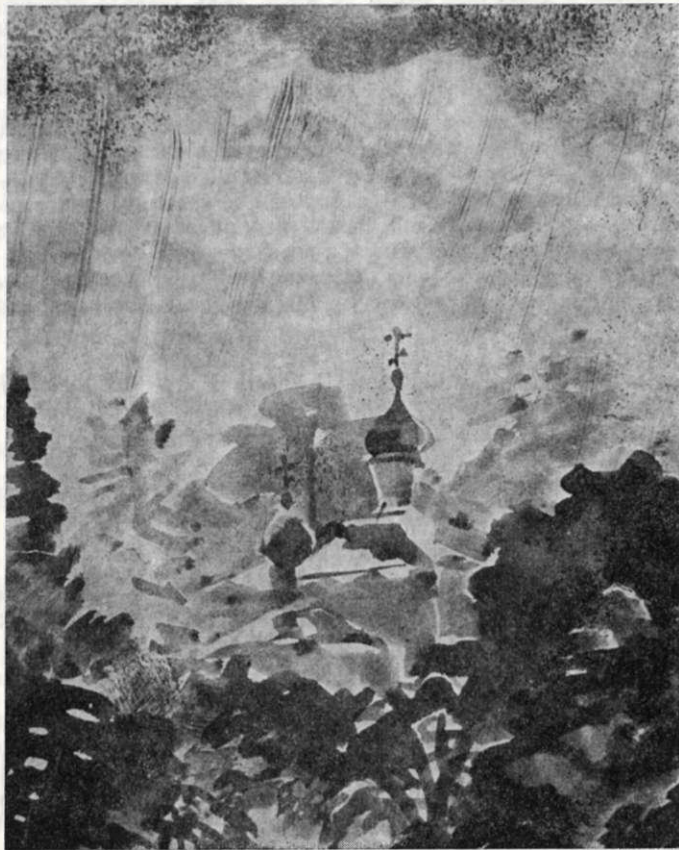
¹² Келейник о. Нектария, рясофорный монах, из моряков. Был второй келейник — о. Севастьян.

⁹ Там старец мог жить у Андр. Ефим. Денежкина — родственника.

¹⁰ Татьяна Алексеевна Полиевктова.

15 июня Четверг

Литургия — о. Нестор (давн. оптинский монах) и о. Серафим. Причастников — 6. Лето. — Стенинцам¹³ ГПУ (Пахомов) предложил выбрать себе какой угодно причт, но не квартирующих (?) в Оптино.

Лев Бруни

Гроза в скиту (лето 1924 г.), тушь

16 июня Пятница

Преп. Тихон Калужский. Память — день кончины Архимандрита Моисея Путилина. Литургия — о. Пантелеймон, о. Нестор и о. Константин (из Петрограда) из подворья женского монастыря, дьяконы — о. Серафим и о. Питирим. — Лето. Около 5-ти ч. гроза и сильный ливень.

¹³ дер. Стенино — недалеко от Оптиной.

17 июня Суббота

Литургия — о. Тихон и о. Серафим. Причастников — 7. Лето.

18 июня Воскресенье

Боголюбская Божия Матерь. Литургия — о. Тихон и о. Серафим. Причастников — 80.

19 июня Понедельник

Литургия — о. Тихон и о. Серафим. Причастников — 7. Лето.

20 июня Вторник

Литургия — о. Аверкий и о. Серафим. Причастников — 2.

21 июня Среда

Литургия — о. Тихон и о. Константин (Петроградский) и о. Серафим. Причастников — 5.

22 июня Четверг

Литургия — о. Тихон и о. Серафим. Причастников — 8. О. Аверкий снял волосы.

23 июня Пятница

Литургия — о. Тихон и о. Серафим. Причастников — 19. — После большого перерыва музей принял посетителей.

24 июня Суббота

Рождение св. Иоанна Предтечи. Литургия — о. Тихон, о. Аверкий, о. Серафим и о. Макарий. Причастников около 30. Вести о старце (от Петра Швьерева): никто не беспокоит батюшку. Сам он никого не принимает. Состояние духа более мирное. Дожди с вечера и ночью гроза и ливень. На утро снесло мост (паром). Вести из Москвы о том, что Патриарх на свободе, служит. Первое место служения — в Донском, все сплошь было усеяно цветами. Святейший ВЦУ не признает, но, кажется, принят новый календарь. Недели три назад скончался московский "старец" о. Алексей Мечев. В своей предсмертной он утешал близких, говорил, что его будет встречать Святейший. (Патриарх был еще под арестом). Слова его сбылись.

25 июня Воскресенье

Литургия — о. Исакий и о. Тит, о. Пантелеймон, о. Серафим и о. Ефросин. Причастников — 82. Намечен причт при общине верующих при храмах Оптиной пустыни о. Никон, о. Серафим, о. Василий, о. Александр и о. Тихон.

26 июня Понедельник

Литургия — о. Тихон и о. Серафим. Причастников — 28.

27 июня Вторник

Литургия — о. Тихон и о. Серафим. Причастников — 9. Холодно, дождь. Приехали родственники Бруни.

28 июня Среда

Литургия — о. Тихон и о. Серафим. Причастников — 4. Холодно, пасмурно.

29 июня Четверг

Свв. ап. Петра и Павла; литургия (7 час.) — о. Пантелеймон, о. Палладий, о. Тихон, о. Мелетий, о. Аверкий, о. Макарий и о. Диодор. Причастников — около 75. С утра холодно, дождь. За литургией прошения и молитвы о бездождии. К вечеру небо прояснило, солнце. — Срочный запрос Козельского исполкома о служащих — рабочих музея-усадьбы с анкетными вопросами. Готовятся списки религиозн. общины для регистрации. Узнали, что требуются собственноручные подписи.

30 июня Пятница

Литургия — о. Тихон и о. Серафим.

1 июля Суббота

Литургия — о. Тихон и приезжий... Ведро.

2 июля Воскресенье

Литургия — о. Пантелеймон и о. Серафим. — Ведро. Канун памяти старца Анатолия (день ангела). Приехавшие из Сарова говорят, что там очень хорошо, масса паломников, крестные ходы; среди дивеевских сестер нашлись (неразб.).

3 июля Понедельник

Литургия — о. Тихон и о. Серафим. В Калуге, говорят, во всех церквях поминают патриарха Тихона. Духовенство объединилось. В храмовые праздники служат все соборно. Красный "епископ" тщетно ищет быть приглашенным. От него прячутся настоятель и старосты.

4 июля Вторник

Литургия — о. Тихон и о. Серафим. С вечера опять стали поминать святейшего патриарха Тихона. Лето. Перерыв. Гостила на хуторе у В. П. Осина. За это время: сняты последние печати ГПУ с музейных помещений: храмов, библиотеки, кладовых и пр. Выехал в Москву П. Аржаных с поручениями от музея (21/VII - 3/VIII). — Еп. Михей принял Козельское уездное духовенство, разрешил после покаяния в отпадении от православной церкви торжественное служение в Козельске (21/VII - 3/VIII). — Скончалась м. Любовь (со скотного).

23/VII - 5/VIII

Воскресенье служил (в Опт. п.) о. Архимандрит Исаакий.

24/VII - 6/VIII

По приказанию властей в казенных учреждениях празднуется Преображение Господне и занятий нет. Молитва церковная о бездождии (непогода не дает убирать хлеб).

25 июля Вторник

Св. прав. Анны, матери Богородицы. Литургия — игумен Нил, иеромонах Маркел (оба с рыбной дачи), о. Тихон, о. Аверкий (престол в храме Марии Египетской). Похороны монахини Любви. — О. Никон ходит, поправился от болезни.

26 июля Среда

Литургия — о. Тихон и о. Серафим. — Был ливень. В скиту установка бака и котла для кожного производства.

27 июля Четверг

Литургия — о. Никон (впервые после болезни) и о. Пантелеймон. О. Варсис и о. Пантелеймон в Москве служили с Патриархом Тихоном. Вернулся из Москвы о. Макарий (иеромонах), ездивший по поручению епископа Михея. Т. начал работать в библиотеке, приведение в порядок внешнего вида.

29 июля Суббота

Канун памяти (1-я годовщина) о. Анатолия Потапова. Литургия — о. Тихон и о. Айфал. Панихида — о. Тихон и о. Айфал. Панихида — о. Тихон, о. Памва и о. Аверкий. За литургией отказали одному рабу Божию в причастии, потому что он (по неведению) вкусил перед тем (почти непосредственно) антидора. Впервые встал за левый клирос за всеобщей Т.

30 июля Воскресенье

Память старца о. Анатолия. Литургия — о. Пантелеймон и о. Серафим. Панихида — о. Пантелеймон, о. Иосиф, о. Палладий, о. Аверкий, о. Мелетий, о. Виктор, диакон.

2 августа Среда

Литургия — о. Тихон и о. Серафим. Каждый день дождь.

5 августа Суббота

Около 2-х часов Панков и Палагин в канцелярии музея предъявили требование о выселении из Оптиной Пустыни в 2-х дневный срок всех "монашествующих", в том числе и музейных сторожей, и предупредили общину верующих о запечатании храма. По этому случаю после бдения сряду, т. е. с 12-ти часов служили обедню.

6 августа Воскресенье

В 6 ч. утра Сварнаков, Лапшинов и Палагин запечатали церковь Казанскую и колокольню.

7 августа Понедельник

Сутки без церковной службы. Музейное дело (?), канцелярию, кожевенный завод, кустарные мастерские и пр. осматривали (ревизовали) козельский прокурор т. Тредьяков и калужский прокурор Богомолов.

8 августа Вторник

Службы церковной нет. Неожиданно приехал Л. И. Гиринский для занятий в библиотеке. Прохладно, погода осенняя.

15 августа Вторник

Гиринский уехал.

17 августа Четверг

Пом. нач. милиции проверял документы с опросом всех живущих в Оптиной Пустыни. Погода летняя четвертый день. — Окончательно приняты и переданы вещи собственные о. Нектария.

19 августа Суббота

о. Исаакий был вызван на допрос по старому делу Артели, т. к. его тогда выделили и не допрашивали.

21/VIII - 3/IX

"Ревизия" музейной усадьбы работы зав. отд. труда т. Манифеевым — множество придинок. 19-го взят патент на мастерские музея-усадьбы.

20 октября

19-го прибыл землемер (В. В. Иноземцев) для остолбления музея-усадьбы. 20-го в канцелярии музея собрались: землемер, зав. семхозом Архипов, представитель треста Машеров, зав. козельским лесничеством Перверзев, Л. В. Защук, М. М. Таубе. Протокол.

21 октября Воскресенье

Произведено остолбление (поставлено 8 столбов по границам).

22 октября Понедельник

Работы по остолблению, измерение расстояний между столбами и углов. Погода дождливая. Первые заморозки. Послан в сем. хоз. — новый завед. — Фокин (Архипов и Мельников — уволены).

30 октября Вторник

Морозец (до — 5 гр.). Обмер и остолбление "спорных" музейных участков. 5-й день болезни (сильная простуда — бронхит?) Л. В. Защук. Первый снег.

1 - 10 ноября

Теплая погода.

29/X - 11/XI

Землеустроитель предъявил проект своих работ представителям заинтересованных сторон.

15/28 ноября

От 12 ч. ночи до 4-х ч. утра слушалось в нарсуде Козельска дело по обвинению Моисеева и Защука в несоблюдении правил кодекса труда. Не окончено для доп. допроса.

19/6 декабря

Прибыл завед. всеми заповедниками и отделом охраны природы Франц Францевич Шиллингер (пом. нач. упр. ремонтстр. работ москворецкой системы для отбора 2-х вершк. сосен). Ввиду протеста т. Шиллингера отбор не состоялся.

1924 год.

4 января

Нач. милиции Палагин произвел дополнительный опрос свидетелей по делу Защук (о нарушении правил охраны труда, согласно придишкам необоснованным инспектора труда Матвеева).

17 января

Отъезд в Москву сотрудн. Таубе.

2 апреля

Неожиданное свержение Защука с требованием передачи музея и дел т. Беловой (из Калуги). Опечатаны все музейные помещения.

17 мая

Подписан акт передачи всего музейного имущества Е. П. Карповой-Беловой.

12 - 20 мая

Новая заведующая музеем Карпова-Белова в Москве утверждена в должности.

ВИЗАНТИЙСКАЯ «ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ» ИЛИ ТАЙНА ГОРЫ АФОНСКОЙ

Название «Эйфелева башня» дал кто-то из посетителей афонскому монастырю Симонопетра. История называет его «Камень Симона»: «Симона» — по его основателю, а «камень» — потому, что монастырь из камня вырос и на камне создан.

Богосумасшедший Симон Пустынный

Когда я в первый раз шел от афонской пристани Дафни в направлении Симонопетритского монастыря, увидев его и удивившись чудесной картине, я сказал своему спутнику: «Это только безумие могло построить!» — «Какое безумие!» — ответил он: «Знаешь ли ты, что это строил святой человек?» — «Да» — сказал я. И, употребив как объяснение выражение современного греческого языка, дополнил: «Строил богосумасшедший Симон Пустынный».

Без сомнения, «богосумасшедший», что значит Бога ради юродивый. Богом напоенный и опьяненный. Кто он был? Его житие не помнит ни его рода, ни его отечества, ни его могилы. Все скрыто черным покровом монашеского и пустынноческого смирения. Существует предание, что он был серб по происхождению, что не невероятно, поскольку ктитором его монастыря был сербский король Иоанн Углеша, который вместо первоначального маленького монастыря построил большой из благодарности за исцеление его дочери св. миром, истекающим из мошей св. Симона. Тут жил и его сын и подвизался как инок Иоасаф.

Но зачем искать земной род и отечество слуги Божьего Симона? Зачем искать то, что он всю жизнь старался скрыть? Единственная забота его жизни, как и всех подвизающихся на Горе Афон, была: стяжать себе Бога отцем, Церковь Православную — матерью, Ангелов и Святых — сродниками, а Гору Афонскую и Горный Иерусалим — отечеством. Этого он искал через пост и молитву, стези и подвиги в афонской пустыне, — и получил.

Мы знаем только что он, приехав на Афон, жил тяжелой подвижнической жизнью, сначала под руководством опытного духовного старца, а потом в одиночестве, в пещере. Пещера существует до сих пор, слева перед входом в монастырь. Однажды, когда он собирался уйти оттуда, потому что многие начали ему досажать, во время молитвы небесный свет наполнил его пещеру и он услышал голос: «Симоне, Симоне, верный друже и служителю Сына моего, оставайся здесь, потому что ты получил великий свет и именем твоим прославлю место сие». Накануне Рождества два раза видел он светлую звезду, которая упала на камень перед его пещерой, и услышал голос: «Здесь, Симон, построй монастырь для спасения душ».

Таким образом на этом камне родилась «византийская Эйфелева башня», плод веры Симона и его небесного видения.

Тайна Горы Афонской

Вся жизнь св. Симона — чудо; чудеса совершались и от его целебного мира. Но монастырь, чудодействующий до сегодняшнего дня, самое главное его чудо. Он один из самых красивых на Афоне, как по окружению, в котором он находится, так и по архитектуре. Но прежде всего он прекрасен тем, что все его красоты свидетельствуют об одной еще более внутренней красоте, на которой создана вся Гора Афон и в которой заключается ее тайна.

В чем же состоит эта глубинная красота и тайна Афона? В жажде к преображению человека и мира. Не случайно на вершинах Афона, к которым стремится Симонопетра всем своим духовным и физически-архитектурным бытием, создан храм Преображения Господня. К этому храму, Святой Святых его, стремится весь священный Афон: его природа, его десятивековые жители, его храмы и башни, монастыри и скиты, его келии и пещеры убогих пустынножителей, его фрески и иконы. Все, что было создано и что существовало на Афоне, все что его прошлое и настоящее, все это свидетельствует и шепчет о познании одной тайны, одной действительности: человек, такой, какой он есть, плачевно мал, неокончен и беден; его надо дополнить, продолжить и закончить. Но чем и кем? Бесконечностью Бога. Человек, такой какой он есть, трагически немощен, темен и ограничен слепотой; ему надо подарить больше сил, просветить и преобразить его. Кем и чем? Божественной Силой и божественным несозданным Светом. Природа, такая как она есть, полна дикости

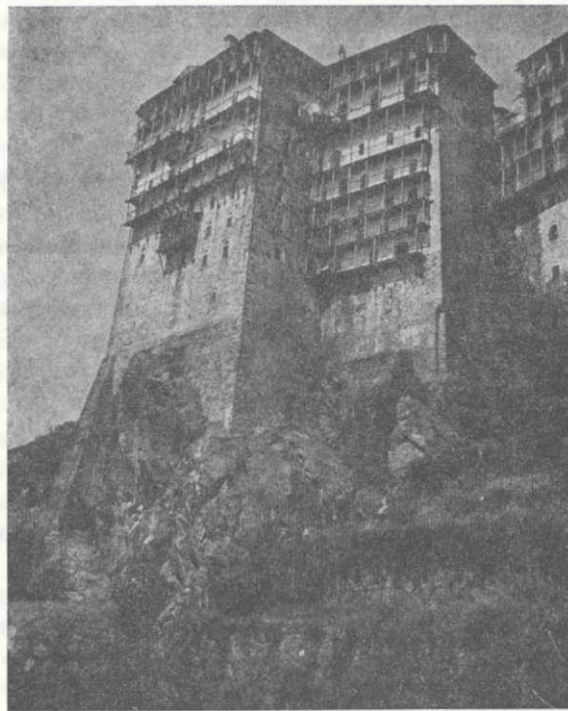
и свирепости. Поэтому и она нуждается не просто в подчинении человеку через насилие, а в преобразении и обновлении ее через творческое освобождение ее сокрытых сил. Кто может это осуществить и как? Преображенные и святые люди, которые сострадательной любовью обнимают всю тварь, возводя ее к небу и собирая ее через себя в Боге. И вот, Афон именно и был, и остался «кочагом добродетели» и местом этого преобразования человека и твари. И приглашением к этому преобразению.

Тайна же Горы Афона в действительности является тайной Православия, тайной Церкви Богочеловека, именно эту тайну воплощает и открывает собою и камень св. Симона Пустынника. Для непонимающего эту глубинную красоту и тайну Афона Симонопетра и весь Афон не что иное, как плод чистого безумия, если не просто плод человеческого бунта против природы и ее законов. Какой смысл имеет постройка огромного здания в неприступной пустыне, на камне, висящем над пропастью? Зачем было выбирать для него именно самое неудобное место, которое ставит неразрешимые трудности даже для современной архитектуры с ее усовершенствованной техникой? Потребность защиты от сарацин и турок только частично объясняет этот странный феномен. Объяснение надо искать в личности самого старца Симона. Действительно, его чудный монастырь не что иное, как реальное выражение веры и его жизненного подвига. Святой скрыл себя, свое происхождение, свои мощи и подвиг, но все это воплотил навсегда в камне. Движение к небу, преобразование природного камня через осмысленное человеческое творчество — это душа симонопетритской архитектуры. Но это нелегкое дело. Это подвиг, парение над пропастью, пролитие крови. Из этого именно и было соткано все внутреннее бытие и жизнь Симона Пустынника. Все в его жизни было осмысленно пламенем любви к Богу, смирением перед Ним и неудержимым стремлением к Нему. Через подвиг и молитвы, пост и покаяние, и «пролитие крови».

Ибо по афонской философии жизни Дух стяжается только пролитием крови своей. Пролитие крови не обозначает уничтожение природы и насилие над ней. Оно означает освобождение природы от ее похотного внеприродного состояния и страстей, освобождение от растленности и сатанинской тирании и ее органическое возрастание и вращение в Божественную бесконечность и свободу.

Симонопетритский монастырь именно и есть изображение в камне, икона этого таинственного внутреннего процесса. Все то,

что находится внутри его, служит, возводит и богослужит. Камень служит зданию, здание служит храму и собранным в нем душам. Собранные души служат Богу, принося и камень, и здание, и храм, и самих себя на жертвенник Живого, Чудесного Бога, от Девы рожденного. За свои приношения и дары они оживляются Чудесным Богом и преобразуются. Так осуществляется радостное таинство жизни обоюдного дара. Тут все соткано из смирения и осмысленно смирением. Афон — тоска по этому обоюдному дару и смирению.

Монастырь Симонопетра на Афоне

Не в этом ли и основная разница между этой византийской и гордой Эйфелевой башней? Здесь все связано в гармоническое целое: природа и искусство, органическая и неорганическая материя, ум созидющий и цель его творчества; там, в Эйфелевой башне, — насилие технического бездушия над природой.

В византийском симонепетритском монастыре все имеет душу. Даже камень, на котором он был создан, открывает свою тайну через свое вращение и приношение высшей небесной логике. Эйфелева башня не приношение никому, она только выражение человеческой суеты. Это триумф самовлюбленной статки, бесплотный скелет, голая техника, монотонная сталь, оскверняющая землю, на которой она стоит, неорганическая материя, обработанная холодным умом.

Симонепетритский монастырь и весь Афон — раскрытие и образ трисвятой тайны Бога, природы и человека и призыв к ее исконной гармонии единства. Эйфелева башня — вызов самоуверенного человеческого ума, самолюбивое попираание природы и ее тайны и забвение — если не отрицание — Бога. Эйфелева башня имеет свою гармонию, но это гармония не жизни, а смерти.

Напрашивается вопрос: не представляет ли собой симонепетритский монастырь свидетельство об основных течениях, законах и стремлениях византийско-славянской православной культуры и не есть ли Эйфелева башня яркий пример и конечный плод основ и стремлений гуманистической западной культуры? Если это так, то куда нам идти? Остаться ли при Эйфелевой башне или идти богочеловеческим путем по стопам преподобного Симона Пустынника?

Остаться при Эйфелевой башне значит идти через древний Рим и идолопоклонство Афин в землю лжебытия. Идти по стопам Симона Пустынника значит возвращаться к предвечному триипостасному Свету, купаясь в лучах его подающей радость вечности. Этот путь ведет через Афон, через стяжание Духа по примеру св. Серафима Саровского, к Святой Софии и Иерусалиму. А значит — к Христу Богу воскресшему и на Фаворе преобразившемуся, и во в Нем открытой и осуществленной гармонии Бога, мира и человека.

Новособранные ученики святого Симона

Уже более 800 лет собираются возле преподобного Симона, в его монастыре, души, жаждущие Бога и изголодавшиеся по Нему. Если бы камни могли говорить, то камень, на котором стоит монастырь, смог бы поведать нам неисчислимые тайны многих душ, в течение веков возжигавших на нем кадило веры и самих себя приносивших к престолу Господа как горящие свечи.

Пожар не раз уничтожал монастырь, его библиотеку, его живопись, но любовь его жителей сохранила самое важное: два креста с честным Древом, голову св. Павла Исповедника, Константинопольского патриарха, замученного турками, голову св. мученика Сергия, на которой до сего дня видны следы его мученичества, и многие другие святые мощи.

Для афонских жителей нет ничего дороже мощей святых. Почему? Потому что им они свидетельствуют о реальном присутствии Бога в крещеной и преображенной твари и раскрывают соборную тайну Церкви. И направляют их на непрестанный подвиг, подобный подвигу святых, мощи которых сохраняют. Мощи для них — неоспоримая истина, свидетели воскресения Христова и благовестники всеобщего воскресения мертвых. Поэтому не удивительно, что монахи новопетритского монастыря и все афонские монахи вообще берегут святые мощи, как зеницу ока, ощущая через них всю историю Церкви как один день. Этим самым они поддерживают в себе пламя мученического права.

В монастыре Симонепетра подвизались не только византийские и греческие монахи, но и сербские короли и монахи сербского происхождения, воевода Влахин и русские мужики. В XVIII веке его игуменом был знаменитый старец Паисий Величковский. В это время, по словам Никодима Святогорца, монастырь стал «прибежищем владов заявцев».

В наше время монастырь неожиданно снова оживает. Более 30 молодых образованных монахов во главе с о. Емилианом приехали недавно из Фессалии, чтобы обновить старое братство новой кровью, очищаясь через афонское вековое монашеское предание и опыт. Братство о. Емилиана на самом деле часть стихийного духовного движения, существующего в современной Греции, ищущего нечто более подлинное, чем религиозный пие-тизм, который посредством так называемых «церковных братств» («Зои», «Сотир» и др.) определял в течение последних десятилетий судьбы церковной жизни в Греции. Дело идет о поисках византийского предания во всех областях жизни: в монашестве, в богословии, иконописи, архитектуре, философии. Поскольку же Гора Афон представляет собой живое продолжение духовной Византии, приезд на Афон обозначает именно приезд на источник искомого византийского предания.

Это в последнее время не единственный случай обновления афонского монастыря. Раньше Симонепетра обновился монастырь Ставроникита, монастырь Филофей, а в Григориатский мо-

настырь только что прибыл о. Георгий Капанис с его молодыми послушниками — недавно ставший монахом доцент Афинского Университета. Ожидается вскоре обновление еще двух монастырей. Многие греческие кельи и скиты также оживлены новыми монахами, которые приезжают из все более и более шумного мира на этот почти единственный в нем оставшийся остров тишины и спокойствия.

Таким образом, начавшийся в начале этого столетия постепенный упадок афонского монашества не только внезапно остановился, но и появляется надежда подлинного духовного возрождения Афона. А как известно, духовный подъем афонского монашества всегда был признаком и началом духовного возрождения православных народов. Тем более, что это афонское движение не одиноко в современном православном мире: существует какое-то глубокое внутреннее сродство между ним и исканиями русской интеллигенции во главе с проповедующим всему миру покаяние Солженицыным; между ним и «добротолубным» движением о. Иустина Поповича в Сербской Церкви. Страшные испытания Православия в XX столетии, встреча с Западом и искушения экуменизма и вообще современного мира пробуждают, как ни странно, веру Православия в его всемирную миссию и его глубинное самосознание.

Конечно, не может быть полного возрождения Афона без обновления в страшном упадке находящегося славянского, особенно русского афонского монашества. Но все-таки подлинные искания обновленных греческих афонских братств, их всеправославное самосознание и ощущение, как и начинающееся настоящее духовное движение в других православных странах порождают радостные надежды и в этом направлении.

Гора Афон, 1974 г.

ИЗ АФОНСКОЙ РУКОПИСИ НЕИЗВЕСТНОГО МОНАХА *

— О упражнении в молитве Иисусовой

Во всякое время, во всяком месте и при всяком деле, которое ты делаешь, непрестанно содержи в уме своем, что Бог видит всякий помысл твой и всякое дело твое, которое ты делаешь душою или телом — и тогда ты ни в каком деле не погресишь. Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся... да не согрешаю.

Земная жизнь наша — очень кратка, не видать, как и пройдет, не видать как подойдет и смерть — конец! Но человек обольщается и тратит время на пустые дела и делишки.

Кайся всякий день и во всякое время, и будь готов всегда к смерти!

Прежде видимой смерти, умирай невидимо для греха: умерщвляй плотские похоти разумом, да живешь духом для Господа.

Отрывай сердце свое от земного пристрастия, да будешь вместилищем для Св. Духа, дабы быть тебе уверенным в своем спасении. Начало душеспасения — доброе произволение человека, твердая решимость исправиться, перестать грешить, подвизаться и жить свято, исполняя волю Божию.

Возненавидь злые греховные помыслы и воля Божия исполнена!

Начало Богоугодной подвижнической жизни или жития — с верою и благоговением, усердное и непрестанное призывание Божественного имени Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия на помощь; так как Он Сам сказал, яко без Мене не можете творити ничесоже.

— Любовь

Кто любит Бога, тот старается и угодное Ему творить.

Имея пред глазами чудеса, в памяти завещание Господа Иисуса Христа, в сердце пламенную любовь ко Господу Иисусу Христу, верные Христиане первенствующей Церкви Христовой постоянно, тщательно, с огненною ревностию Херувимов и Серафимов упражнялись в молении именем Господа Иисуса Христа. Таково уже свойство любви! Она непрестанно услаждается именем любимого.

Так как, по словам Св. Дионисия Ареопагита, Божественная любовь не видит и не знает ничего кроме предмета

* Недавно найденной в одном из Афинских скитов.

любви своей. Любовь хранит имя своего любимого в сердце своем.

Кто что любит, тот с тем и быть желает всегда. И отвращается от всего, препятствующего этой любви.

И из этого явно потому, что и Бога любящий вожделевает всегда пребывать с Богом и с Ним беседовать непрестанной и усердной молитвой.

Если кто любит Бога, то должен заботиться о чистой молитве, и всякую греховную страсть, полагающую ему в том препону, извергать из себя.

Должно монаху, как сыну, от всего сердца и всем помышлением любить Бога; как рабу — благоговействовать пред Ним и повиноваться Ему, и со страхом и трепетом исполнять заповеди Его.

Кто с пламенной ревностью днем и ночью взывает Бога в сердце своем, призыванием Божественного имени Его, и искореняет в сердце своем приращения вражие, бывающие от врага — тот страшен демонам, а вожделен Богу и ангелам Его.

— Покаяние

Нужно ходить всегда в присутствии невидимого Бога и страхе Божиим, непрестанно бодрствуя и внимая самому себе — молитвою Иисусовою. Соблюдать свою мысль всегда плачевного и печального, с болезнующим сердцем о грехах своих, о ничтожестве своем... и вопиять день и ночь ко Господу Иисусу Христу о помиловании и спасении души своей, грешной и прокаженной.

При напряженной и усиленной Молитве Иисусовой душа подвижника Христова постоянно погружается в самовоззрение и созерцание грехов своих. А такое постоянное самовоззрение вводит подвижника в непрерывный подвиг развития в себе самом нищеты духа, покаяния и плача.

Таково уже действие молитвы Иисусовой на душу и сердце подвижника.

Дар Божий самовоззрения и зрения или созерцания грехов своих, своего падения, своего общения с духами падшими и отверженными, непостижимо обилдовал в великих Святах-Преподобных Отцах подвижниках Христовых и, несмотря на множество духовных даров, которые ясно свидетельствовали об их святости — возбуждал их к непрестанному покаянию и плачу горькому и неутешному, к непрестанному омовению себя слезами покаяния и сердечной слаженной печали о грехах своих.

Покаяние и плач о грехах своих доставляет подвижнику вечное блаженство.

Все Святые отцы в плаче покаяния о грехах своих переходили в загробную жизнь, говорит Св. Исаак Сирий.

Зрение или созерцание грехов своих и рождаемое им от этого покаяние — суть подвиги духовные, не имеющие окончания на земле. Созерцанием или зрением грехов своих возбуждается чувство покаяния, а покаянием доставляется очищение ума. Тогда ум начинает видеть в себе недостатки, слабости и повреждения духовные во всем своем существе человеческом, которых он прежде, в омрачении своем совсем не примечал, потому что видел себя самого добрым и хорошим человеком, св. подвижником и почти что уже безгрешным, стяжавшим себе хорошую репутацию, славу, уважение и почет от современного ему общества почетных и именитых людей.

Святые Отцы пустынножители и подвижники, когда достигали высоты духовных подвигов, тогда все их подвиги сливались в одно целое и непрестанное делание — покаяние непрестанное и плач о грехах своих. Подвиг покаяния обымал всю подвижническую жизнь их: это было плодом зрения и созерцания грехов своих. Зрение своих грехов — Дар Божий; и оно, это зрение грехов своих, служило для подвижников Святых Отцов всеоружием, развивая в них непрерывно дух подвига, непрестанного покаяния и оплакивания грехов своих.

И преп. Сисой Великий, после продолжительной жизни (более ста лет), при смерти своей просил Св. ангелов, пришедших за его душой, оставить его на три дня для покаяния... (Иеросх. Антоний Карейский).

Когда душа ощутит сладость молитвы Иисусовой, тогда ни во что считает жизнь, не желает красоты и сладости земной, забывает о себе и о всех живущих на земле. Это познается только опытом.. Молитва отвлекает душу от всех помыслов земных.

Приучи мало-помалу сердце свое говорить убедительно, искренно и сознательно от души — о каждом встречающемся с Тобою человеке: по истине он лучше меня пред очами Божиими...

Таким образом мало-помалу, с помощью Благодати Божией, приучишься искренно и сознательно в душе своей считать себя грешнейшим всех человеков.

Тогда Св. Дух, вселившись в тебя, начнет жить с тобою. Если же укоришь человека или осудишь его, то отойдет от тебя Благодать Божия и дастся тебе дух во осквернение плоти, оже-

сточится и окаменеет сердце твое, удалится умиление и слезы, и ни одному духовному благу — из духовных благ не будет в душе твоей места (или в сердце).

Не нужно обращать никакого внимания на грехи и слабости, вообще на поведение ближних, а неуклонно внимать себе одному.

— Смотреть и созерцать, и оплакивать грехи свои.

Наше состояние плена душевного и рабства у мысленного Фараона под игом самодержца Сатаны (самый тяжкий и горький плен быть у него во власти), остается для многих неведомым, и остается невидимым и признается удовлетворительнейшею свободой. Но тогда только он обнаруживается для нас, когда мы приступим к исполнению Евангельских заповедей: тогда-то разум наш с ожесточением восстает против разума Христова, а сердце дико и враждебно взирает на исполнение воли Христовой, как-бы на смерть свою и на убийство свое. Тогда-то мы опытно познаем горестную потерю свободы духовной, свое рабство и плен у дьявола, свое страшное падение; тогда только мы усматриваем всю глубину этого падения, нисходящую до пропастей адских.

Тогда только мы и возможем придти в смирение духа, когда ощутим и увидим в самих себе падение человечества, его плен и рабство у сатаны, жестокое тиранство, господство и крепостное право над нами демонов и вечной смерти. Тогда-то только можем возопить к Богу молитвою покаяния, и плачем из глубины сердца, от всея души, и таким воплем, таким сознанием своей гибели, своего душевного плена и жестокого рабства под игом сатаны; и нерасторгнутого союза с ним, и нашей беспомощной немощи привлечь к себе в помощь Божественную благодать.

Опытное познание плена души своей чрез ощущение плена, рабства и насилия сатаны, опытное познание душевной смерти через ощущение смерти, усиливает и упрочивает душевную скорбь и плач кающегося грешника. Кающийся грешник усиливается поступать по евангельским заповедям, а грех и диавол, получившие власть над грешной душой, стараются удержать своего раба — пленника у себя в плену, в рабстве, в оковах, в темнице...

При этом открывается внутренняя война, в душе и сердце кающегося человека.

Потому, что предшествовавшая покаянию греховная жизнь по собственной воле и разуму грешника, лишила человека духов-

ной свободы и предала его в плен и жестокое и горькое рабство греху и дьяволу, лишив его благодати и славы Божией, и таким путем отлучив его от Бога и поработив его смрадным страстям и гнусным (Св. Макарий).

Величайший успех монаха подвижника увидеть, узреть себя сознательно грешником из грешников!... и конечно в этих чувствах сердечных погружаться в умиление и плач покаяния.

Хотя-бы пламенели нечистые пожелания сладострастия, хотя и возбуждаемая плоть скачет, хотя искушает всякое дьявольское помышление и ухищрение, — то все это мы победим верою, надеждою, терпением и молитвою, а главное всегдашним призыванием Бога на помощь через молитву Иисусову (Св. Нил Син.).

Истинное преспеяние души состоит в том, чтобы ежедневно делаться покорнее Богу, и сознательно от души думать и говорить о себе, что каждый человек — воистину лучше меня пред Богом... Без этой мысли, если кто и чудеса творит, и мертвых воскрешает, — далеке отстоит от Бога. (Св. Макарий Егип.).

С умалением чувства покаяния затрудняется шествие к духовному преспеянию; с уничтожением чувства покаяния затрудняется спасение и совращается человек с спасительного пути на путь самомнения и самообольщения. Он делается чуждым Св. Любви к Богу, а также — и к ближним своим братьям.

Нужно всегда тужить, скорбеть и носить в сердце своем печаль и сетование о грехах своих, и таким образом неуклонно смотреть на грехи свои только, а на чужие деяния не обращать внимания.

Св. Серафим Саровский говорит Архим. Никону: Благословен путь твой, но смотри, напиши следующие слова мои не на бумаге, а на сердце: учись умной, сердечной молитве, как учат Св. отцы в Добротолубии, ибо молитва Иисусова есть светильник стезям нашим и путеводная звезда к Нему; к обыкновенной молитве Иисусовой прибавляй: Богородицею помилуй мя грешного.

Одна молитва внешняя недостаточна; Бог внемлет уму, а потому-то те монахи, которые не соединяют внешнюю молитву с внутренней, — не монахи, а черные головешки.

БОРИС ЗАЙЦЕВ О МОНАСТЫРЯХ

В своей тетралогии «Путешествие Глеба», по существу автобиографической, Б. Зайцев говорит о равнодушии родителей к религии, ко всему, что связано с церковью. В семье искренне верили, что все эти богослужения и разные там требы нужны только простому народу, и мальчик Глеб, то есть сам автор, невольно воспринимал эти воззрения. Еще только гимназист калужский, он уже полон сомнений. Объяснения школьного законоучителя его уже удовлетворяют, и он часто, не без колебаний, их отвергает.¹

Но сомнения, как они ни сильны, не мешают исканиям, и на этом пути уже для молодого писателя-интеллигента более убедительным окажется В. Соловьев, чьими работами молодой Зайцев будет зачитываться и затем будет полагать, что это чтение способствовало его религиозному развитию.²

В ранних произведениях Б. Зайцева чувствуются и сомнения и поиски. Но эти поиски скорее религиозно-мечтательны и мечтательно-элегичны. Они еще очень далеки от Церкви. И когда в его зарисовках появляется церковь-храм, то она чаще всего лишь элегическое украшение пейзажа, перенесенное, казалось бы, с полотен любимого живописца — Нестерова.

Оглядываясь на свою молодость, Б. Зайцев был склонен видеть в себе пантеиста. Видели в нем пантеиста и многие критики. Однако более верным кажется мне взгляд Архим. Киприана Керна, который увидел в настроенности молодого Зайцева не пантеизм, а

«скорее какое-то подсознательное, неуловимое ощущение божественной иконы мира, его неомраченных световых источников».³

И вот это ощущение, неуловимое, видимо, и для самого Зайцева, не могло не беречь и обрекало на поиски, и Зайцев искал, и на этом пути исканий увлечение Соловьевым — лишь один из этапов.

¹ Борис Зайцев, *Тишина*, Возрождение, Париж, 1948, стр. 118 и след.

² Борис Зайцев, *О себе*, Возрождение, № 70, Париж, 1957, стр. 26.

³ Архим. Киприан Керн, *Литература и жизнь. Борис Зайцев*, Возрождение № 17, Париж, 1951, стр. 160.

Либерально настроенный, Б. Зайцев революцией не занимался и тихо шел стороной, занятый своим творчеством. Но революции суждено было разразиться, изломать жизнь, казалось бы нежданно-негаданно поразить жестокостью. Искалечив, исказив человеческий образ, она показала в нем зверя. Русская либеральная интеллигенция, никак не ожидавшая звериного лика, в ужасе отшатнулась. Многие из них в те годы пришли в Церковь. Ускорила революция вступление в Церковь и Б. Зайцева. Об этом входе-воцерковлении говорят почти все последующие произведения писателя, и чем далее, тем это воцерковление ощутительнее.

Связанное с этим внутреннее перерождение души от нас сокрыто. Об этом приходится только догадываться. Но Б. Зайцев утверждает на своем новом пути и как художник и видит теперь то, чего раньше не видел, или, видя, не так понимал. Из старого своего 'хозяйства' он кое-что отбрасывает. Меркнут, скажем, краски эроса. Когда-то очень яркие, они постепенно сходят на нет. Неизбывная у Б. Зайцева тема вечности проясняется, становится уловимее. Отныне путь в эту вечность — не иначе, как через Церковь и в Церкви. Как человек Б. Зайцев ищет прикосновения к святости. Как художник он для своих зарисовок находит на этом пути новые краски, новые нужные ему оттенки. Однако, художник по-прежнему независим. В своем творчестве он вполне свободен. Как и прежде, он ничего не проповедует.

«Как в России времен революции был я направлен к Италии, так из латинской страны (из Франции, ПГ) вот уже двадцать лет все пишу о России. Неслучайным считаю, что отсюда довелось совершить два дальних странствия — на Афон и на Валаам, на юге и на севере ощутить вновь родину и сказать о ней. В 'Жизни Тургенева' — прикоснуться к литературе русской, а в 'Преподобном Сергии Радонежском' — к русской святости.»⁴

Поездка Бориса Зайцева на Афон состоялась в 1927 году. Писатель приехал туда «православным человеком» и «русским художником» (стр. 83).⁵ «Прикасаюсь к святости», человек искал жизненных сил, а художник — нужных ему образов и кра-

⁴ Б. Зайцев, *О себе*, там же.

⁵ Б. Зайцев, *Избранное*, Нью Йорк, 1973. *Афон*, стр. 83. Далее при всех цитатах из *Афона* и *Валаама* указываются страницы этого издания.

сок. Создание живописцем картины требует множества предварительных набросков. Того же требует, — мы все это знаем, — и работа над романом. И не с этих ли афонских высот сходит на страницы романа «Дом в Пасси» (1934 г.) скромная фигура отца Мельхиседека, неустанного утешителя блуждающих по жизни русских парижан.

**
*

Но вот писатель на Святой Горе. Это

«земной удел Богородицы». «Вторую тысячу лет не знает эта земля никого, кроме монахов. Около тысячи лет, постановлением монашеского Протата, не ступала на нее нога женщины» (стр. 86).

Куда ни бросишь взгляд, всюду

«Горы, ветры, леса, кое-где виноградники и оливки, уединенные монастыри с монахами, уединенный звон колоколов, кукушки в лесах, орлы над вершинами, ласточки, стаями отдыхающие по пути на север, серны и кабаны, молчание, тишина, море вокруг... и Господь надо всем, — это и есть Афон»...

«особый мир», где приходится, не задумываясь, подчиняться сложившемуся здесь укладу жизни и своему проводнику-монаху, где «все равно своей волей и соображениями ничего не прибавишь» (стр. 86).

Следуя за писателем по монастырям, встречает читатель монахов греческих и русских, знакомится с историей Афона и его святых, слушает незатейливые рассказы о подвижниках нынешних. Попутно с этим может читатель вникать в богослужения, любоваться старыми храмами и афонской природою, может вдыхать ароматы, прислушиваться к шумам, радостно откликаться на 'малиновый' перезвон колоколов русских. Не забывая о греческом, «русский художник» все же больше говорит о русском и, прикасаясь к святости, ищет он и отражений старой России, тех самых, что хранятся здесь и в обстановке пустующих ныне гостиниц, и в размеренно-строгом укладе монастырской повседневности, и в древнем ритме славянских богослужений.

Монахи, после привычного светского окружения, поражают смирением, искренностью, простотой. Всматриваясь, «русский художник» запоминает их черты. Вот попадаетея ему навстречу приятно загорелая голова «нашего калужского типа» (стр. 86), а вот «создание и более высокой церковности» — «крепкий и чистый лесной русский тип, заквашенный на Византии, родивший своеобразную высоту древнего зодчества, русской иконописи»... Таким «мог быть посол российский времен Иоанна Третьего, живописец Рублев или мастер Дионисий» (стр. 127). Правда, запомнился и молодой монах-лодочник, с головой «поленовского Христа» (стр. 124), но все же молодость — исключение, и чаще мы видим таких, как, скажем, отец Иосаф, «с седоватой бородою и старинно правильным лицом», какие часто можно было встретить «в русском семнадцатом веке» (стр. 119).

Монашеский подвиг при скользящем взгляде извне — не замечен, ибо здесь «нет горя, нет острых радостей (вернее: наслаждений), особенно нет наркотического, опьяняющего и нервозного, что в миру считается острой приправой, без которой жизнь скучна» (стр. 114). Однако, «православный человек» Зайцев чувствует напряжение монашеского подвига: «ночью люди молятся, днем работают, очень мало спят и очень дурно питаются — загадка, как они выдерживают?» (стр. 108). Но загадочно это только для нас, прагматиков, а монахи смиренно несут этот подвиг вопреки всем тяготам, и какое в них «удивительное благочиние и сравнительно с миром большая незлобность и доброта», и хотя эти люди чаще всего «простого звания», «какая в них воспитанность в высшем смысле» (стр. 109).

Вслушивается, вникает «православный человек» и в богослужение. Улавливает разницу с приходским; там оно как бы иное. В монастырской службе больше покоя, она здесь равномернее, отрешеннее. Нет в ней 'чудесного хора', в песнопениях нет ни «рыдательности», ни «восторженности» (стр. 96). Для монахов богослужение — это часть их внутренней жизни. Они идут в храм не отдыхать душой и, конечно уж, не слушать 'чудесное пение'. Богослужение для них — это «урок в битве за душу, за возвращение и воспитание высшего человека за счет низшего» (стр. 98). Да, некоторые из монахов могут собирать редкостные книги, могут читать Плотина, но вот эта церковная служба — в их жизни самое главное.

**
*

Афонская природа с ее виноградниками и оливковыми рощами не позволяет забывать о Греции, а Греция — о Древней Элладе.

И не поэтому ли, когда тает ночь, замечает «русский художник», как «теплым кармином» трогает «Эос верхушку Святой Горы, церковку Преображения» (стр. 143), а знойным днем на монастырской лодке, — «не в полдень ли Великого Пана», — невольно видится ему «Афродита-Морфо», с покровом на голове, дремлющая в очередной приютившей путников бухточке. Приближаясь к воротам монастырским, «православный человек» настраивается на строгий лад. Серьезен и «русский художник». Влюбленный в Италию, в ее искусство, не может он не вспомнить о Данте, о том, как «пришел он раз, в изгнании, на заходе солнца со свитком первых песен 'Ада' к монастырскому привратнику, постучал в дверь и на вопрос: чего надобно? — ответил: мира» (стр. 93).

**
*

За этим же миром, можно думать, поехал в 1935 году на Валаам и сам Борис Зайцев, и задай ему кто-либо вопрос о цели поездки, он, вероятно, повторил бы в ответ слова флорентийского поэта. На Валаам, — это ясно чувствуется, — Б. Зайцев ехал уже не «прикастаться» к святости, а, скорее, поклониться ей. И «православный человек» и «русский художник» — оба они неразделимы в русском паломнике, приехавшем в монастырь с женой и «с группой дам, туристов, молодежи» (стр. 193). Женщинам вход на Валаам не заповедан, и нет им только доступа в некоторые отдаленные скиты.

Последний этап пути к Валааму — на монастырском пароходике. Отчаливают от Сердоболя и выходят на простор Ладожского озера. Небо хмуро. На воде «прохладно. Невеселое предвечерье севера». Впереди, еще очень «далеко, но уже белея Собором, сам знаменитый Валаам». «Возраст всего этого — сотни лет. Корень — Россия. Поле деятельности — огромный край» (стр. 193). А первыми делателями и основателями монастыря — преподобные Сергей и Герман. В монастыре их можно видеть на многочисленных иконах. Сведений о их жизни сохранилось мало. Вглядываясь в историческую даль четырнадцатого века, только и ощущаешь их величие и уже легендарность (стр. 195). А самый остров Валаам, что громоздится на гранитных глыбах

над озером, — это уже не Афон с его солнечными виноградниками и нежней зеленью оливковых рощ.

«Здесь бьют волны, зимой метели ревут, северные ветры вальят площади леса. Все громко, сильно, могуче. Лес — так вековой. Скалы — гранит и луда. Монастырь — так на тысячу человек»... (стр. 195).

Попутчик, — педагог из Таллина, — предупреждал, что «внутренняя, духовная и поэтическая» сторона Валаама раскрывается не сразу: К Валааму, — говорил он, — «нужно подходить молитвенно», «направляться к нему духовно» (стр. 196). И сказано это было очень кстати, ибо в первые моменты встречи Валаам расхолаживает: кроме чисто мирской, казалось бы, хозяйственности, слишком уж монументален Собор, — «огромный и роскошный, но какой холодный» (стр. 195). Старый, построенный в начале прошлого века, был снесен при Александре Третьем, а новый, воздвигнутый на его месте, увы, отражает «бедную художнически эпоху» и убеждает лишь в том, что в его строителях несякло «исконно православное художническое чутье» (стр. 195).

Однако за монументальностью этого фасада, за всей хозяйственной суетой, открывается паломнику все та же милая его сердцу смиренно-молитвенная Русь. Ее жизнь — в скитах отшельников, в скромных часовенках и храмах, что уединенно прячутся в лесной гуще Валаама, в зеленых зарослях ближайших островков. И следуя за паломником по скитам, опять, как и на Афоне, мы наблюдаем все им увиденное и слышим все, что довелось ему услышать. Опять те же монашеские лица и такие же тихие простые их речи.

Умиленный русский паломник об Италии как бы и забывает: слишком он поглощен своим, русским. Поэтому о Валааме все пишется в едином ключе, в одной настроенности. Здесь нет пряностей Востока, не чувствуется загадочности, нет тайн. Но, как и прежде, запечатлевая в памяти монашеские лица, вспоминает паломник-художник то любимые полотна Нестерова, то русское средневековье.

Первые, слишком суровые впечатления о природе Севера воспринимались как бы извне, с палубы пароходика. В монастыре, при взгляде 'изнутри', они смягчаются и светлеют. Пробираясь с женой от скита к скиту, по тропинкам или проходя вдоль

берега лодкою, паломник-Зайцев смотрит и не может насмотреться:

«Какой мир, какой воздух, как прекрасно плыть мимо редких камышей, за которыми вековой бор — сосны, ели столетние. Кое-где береза. И сколько зелени, какие лужайки! Все светлое, очень тихое и нетронутое» (стр. 196).

**

В 1936 году на книгу о Валааме откликнулся Г. Адамович и восстал против «гипертрофии нежности и сладости, по существу очень заразной». В Борисе Зайцеве, как и в прошлом, он увидел больше мечтательности, чем действительного благочестия. Писатель де приезжал «насладиться покоем, полюбоваться древней скудостью быта, подумать о вечности. Отдохнуть, одним словом». «Зайцевский рай, — думает критик, — легкий рай». Писатель де не отдает себе отчета в трудности подвига, о котором свидетельствует.⁶

Как я ни ценю тонкости и глубины суждений покойного критика, в данном случае мне трудно с ним согласиться. Если человек может любоваться красивыми вещами, картинами, которых не способен создать, то почему же ему, как мне кажется, не любоваться красотой духовной, любоваться тем, что самому недоступно? И почему же не думать человеку о вечности? Не на ветер же было сказано — 'помни последняя твоя и ввек не согрешись'. А ведь этой «скудостью быта» Б. Зайцев не только любит. Видя этот подвиг, он и сам, — мы это чувствуем, — земно кланяется, просит молитв, готовится к исповеди и причастию. Он вмещает то, что может вместить, и с умилением склоняется перед теми, кто способен вместить большее. И при этом, почти ни слова о себе — все только о впечатлениях. И, разумеется, расстроган он не только духовным подвигом, ибо довелось ему здесь увидеть чудом сохранившийся осколок утерянной когда-то им Руси и, увидев, испытать радость и душевно согреться.

«Путь духовной жизни в том и состоит, что чем выше поднялся человек в развитии своем внутреннем, тем он кажется

⁶ Г. Адамович, Валаам, Б. Зайцев, Последние Новости, Париж, 14 окт. 1936.

себе греховнее и ничтожнее, тем меньше сам в своих глазах рядом с миром Царствия Божия, открывающегося ему» (стр. 249).

Не зайцевские это слова. Это говорил игумен, постригавший одного из монахов в схиму. Но вот паломник Зайцев эти слова запомнил и записал, и значит, понял, проник мыслью и чувством в самую суть православного молитвенного подвига. Где же тут место зайцевскому «легкому раю»?

Однако, эта сосредоточенность мысли и чувства не мешает художнику оставаться, как всегда, объективным и вполне владеть своим материалом — всеми образами, картинами-сценами и той атмосферой, тем своеобразным 'воздухом', который все это пронизывает и окружает. Не всякому доступная, эта атмосфера вызывает у писателя известную душевно-духовную настроенность, которая сказывается в особой тональности его стиля, языка. Это именно тональность, ибо, как мне кажется, этой настроенности и всех связанных с нею чувств никакими словами и метафорами не передать...

Проверить мои впечатления на цитатах — трудно. Проще 'взять Зайцева' и углубиться в чтение, и тогда читающий, — вероятно, не всякий, — эту зайцевскую тональность 'услышит', а за нею почувствует и его настроенность. И вот тут-то он увидит, что Г. Адамович прав: тональность книги, действительно, заразна. Однако заразительность эта благотворна: она, то что говорят, очищает. Видимо, и Юлий Айхенвальд испытывал те же впечатления, когда говорил, что зайцевскому творчеству присущ «аристотелевский катарсис».⁷

Надо еще добавить, что и у самого писателя эта его настроенность утончает восприятия и все более просветляет взгляд на жизнь, на людей. После «Валаама» она проступает особенно явственно, — все в той же тональности, — в тетралогии «Путешествие Глеба» (1937-1953), в новелле «Царь Давид» (1945), в книге о Чехове (1954). Особенно сильно ее проявление в очерках «Звезда над Булонью» (1958), и уже, действительно, светит она каким-то невидимо-немеркнущим светом в последнем рассказе — «Река времен» (1964 г.).

⁷ Ю. Айхенвальд, Силуэты русских писателей, том Третий (новейшая литература). Изд. Слово, Берлин, 1953. Борис Зайцев, Наброски. Стр. 204.

Но при всей этой настроенности, — я еще раз это подчеркиваю, — Б. Зайцев по-прежнему объективен и ничто не мешает ему, когда надо и можно, весело улыбаться, добродушно посмеиваться, оживляя свои зарисовки искорками смеха. В данном случае, — я понимаю, — слово 'юмор', да еще в сочетании с 'умилением', многих могло бы смутить, а некоторых даже и покоробить, может быть — оскорбить. Поэтому, думаю, был так осторожен и Мих. Цетлин. Откликаясь на роман «Дом в Пасси», он улавливает эти же 'искорки' в фигуре отца Мельхиседека и тут же, вполне справедливо, оговаривается, что они «без остатка поглощаются благоговением». ⁸

**

В 1930 году, говоря в своих «Комментариях» о Борисе Зайцеве, Г. Адамович увидел в его сочинениях тему «возвращения», тему, скажем, того же лермонтовского «Ангела», присущую, как считает критик, всей русской литературе от Пушкина до Блока. ⁹ После же появления «Валаама», уже в 1937 году, может быть еще лучше сказал о зайцевском творчестве Юрий Мандельштам. Он почувствовал, что для Б. Зайцева в жизни существенно лишь то, что отражает «некое таинственное странствие человеческой души в мире». ¹⁰

И вот на последнем этапе жизни писателя, когда связь с Церковью, видимо, особенно углубляется, все это «странствие-возвращение» становится особенно целеустремленным. Отсюда и впечатления проф. Л. Ржевского, который ощутил в этом странствии наличие «ведомости» — присутствие Чьей-то незримой, но явно ведущей руки. ¹¹

В это же время и Г. Адамович, беседуя по радио с Россией, уже убедительно говорит о том, что Борис Зайцев

«христианин и притом христианин церковно-послушный, смиренный, без всякого вольномыслия, без умственной гор-

⁸ Мих. Цетлин, Б. Зайцев. Дом в Пасси, Современ. Записки, № 59, Париж, 1935.

⁹ Г. Адамович, Комментарии, Числа № 1, Париж, 1930.

¹⁰ Ю. Мандельштам, Б. Зайцев. Путешествие Глеба, Возрождение, Париж, 27-7-37.

¹¹ Л. Ржевский, Тема о непреходящем, Мосты № 7, Мюнхен, 1961.

дыни, без поправок к Православию, которым на свой лад, вслед за бурей, поднятой Львом Толстым, предавались многие русские писатели». ¹²

Эта беседа о писателе Борисе Зайцеве как нельзя лучше определяет всю тональность его книг и настроенность в ней отраженную. Если весь жизненный путь Бориса Зайцева был постепенным его воцерковлением, постепенным приобщением к богочеловеческому организму Церкви, то не следует ли нам думать, что АФОН и — еще в большей степени — ВАЛААМ были особенно значительными этапами на этом пути, этапами, плодотворными и для «православного человека» и для «художника русского» — Бориса Зайцева.

Вашингтонский Университет,
Сиэтл, Вашингтон.

Дек. 1975 г.

¹² Г. Адамович, Текст радио-беседы (№ 28), март 1960, Мюнхен.

Гильберт ЧЕСТЕРТОН

Св. Франциск Ассизский

3.

СВ. ФРАНЦИСК ВОИТЕЛЬ

По преданию (может быть, — неверному, но очень достоверному), само имя св. Франциска — не имя, а прозвище. Такому простому, негордому человеку очень подходит откликаться на прозвище, как отзывается школьник на кличку — «Французик». По этому преданию, его звали Иоанн, Джованни, но товарищи окрестили его «Francesco» за любовь к французской поэзии. Более вероятно, что мать назвала его Джованни в отсутствие отца, а тот, вернувшись из торговой поездки во Францию, вспылал такой любовью к французскому вкусу и обхождению, что назвал сына Франком или Французом. В том и в другом случае имя не лишено значения; Франциск с первых же дней оказался связан с краем, который навсегда остался для него романтической, сказочной страной трубадуров.

Отец его, Пьетро Бернардоне, был зажиточный горожанин, член гильдии торговцев тканями в городе Ассизи. Трудно объяснить, что это значит, не объясняя, чем была тогда гильдия и чем был город. Бернардоне не был похож ни на современного торговца, ни на купца, ни на дельца, вообще — ни на кого из наших капиталистов. Он мог нанять работников, но не был предпринимателем; другими словами, он не принадлежал к классу, отделенному стеной от класса наемников. Мы знаем, что он использовал труд своего сына; нетрудно догадаться, что любой делец в последнюю очередь связался бы с таким человеком, если была бы возможность нанять кого-нибудь другого. Он был богат, как бывает богат крестьянин, живущий трудом своей семьи, и обречал свою семью на труд, который ничуть не легче крестьянского. Он был уважаемым горожанином, но общественный строй его времени не дал бы ему выдвинуться выше; этот строй удерживал

людей его класса на их невысоком уровне. Никакое богатство не давало сыновьям торговцев той возможности избежать черной работы, благодаря которой в наше время они так часто сходят за лордов или, хотя бы, за джентельменов. Это было правилом, и даже исключение подтверждает его. Франциск принадлежал к тому типу людей, которых любят везде, он был простодушен, общителен, подражал трубадурам, следовал французской моде и, благодаря всему этому, стал романтическим вожаком местной молодежи. Он сорил деньгами и по доброте и по чудачеству, как и следует ожидать от человека, который до конца жизни не понял, что такое деньги. Его мать приходила в отчаяние, и любовалась им, и говорила, как могла бы сказать жена ремесленника: «Он будто принц, а не наш сын». Но одно из первых известных нам событий его жизни произошло на рынке, когда он торговал. Не знаю, считала ли его мать, что это свойственно принцам. Эта первая картина — юноша на базаре — символична во многих отношениях. То, что там произошло, помогает нам понять одну замечательную его черту задолго до того, как ее преобразила вера. Он продавал бархат и тонкое шитье какому-то видному горожанину, когда к нему подошел нищий и попросил милостыню — по всей вероятности, невежливо. В том грубом и невежественном обществе не было законов, запрещающих голодному просить нишу — они возникли в более гуманное время; и, пользуясь отсутствием организованных блюстителей порядка, подобные лица могли безнаказанно докучать богатым. Однако, во многих местах, традиция запрещала посторонним вмешиваться в частную сделку; и вполне возможно, что именно из-за этого нищий попал в глупое положение. Франциск всю свою жизнь особенно сильно любил людей, попавших в безвыходно глупое положение. В данном случае он раздвоился между своими собеседниками и отвечал им рассеянно, а может быть, и раздраженно. Наверное, ему было особенно не по себе потому, что от природы он был безукоризненно вежлив. Все согласны в том, что вежливость его бросалась в глаза, просто била в нос, как маленькие фонтаны на солнечных итальянских рынках. Он мог бы написать сам и сделать своим девизом стихи Беллока:

Мне говорят, что мужество и честь
Достойнее, чем вежливости лесть;
Но думаю, когда хожу гулять,
Что в вежливости --- Божья благодать.

Св. начало в Вестнике РХД, № 116, стр. 109.

Никто не сомневался, что Франческо Бернардоне мужествен и честен в самом простом, и даже воинственном смысле; и недалеко было время, когда все признали, что его осеняет благодать. Но сам он был шепетилён только в делах шепетильности. Если такой смиренный человек гордился чем-нибудь, он гордился своей вежливостью. Конечно, за его безукоризненно-естественной воспитанностью крылись куда более важные и даже отчаянные свойства; и первый их проблеск мы видим здесь, на базаре. Каким-то образом Франциску удалось покончить дело с купцом; и тут он увидел, что нищий ушел. Франциск перепрыгнул через прилавок, бросил без всякого присмотра рулоны бархата и шитья, и помчался через рынок. Он пронесся по лабиринту узеньких извилистых улочек, случайно наткнулся на своего нищего и, к удивлению последнего, дал ему много денег. Потом он выпрямился и поклонился перед Богом, что никогда не откажет в помощи бедному. Стремительная простота всего этого в высшей степени характерна для него. Никто на свете не боялся так мало за свои обещания. Его жизнь была истым разгулом безрассудных обетов.

Первые биографы Франциска, вполне естественно потрясенные великим религиозным переворотом, естественно не искали в его ранней жизни знамений и знаков, предвосхищавших это землетрясение духа. Но мы отошли от него дальше и, думаю, эффект не уменьшится, а увеличится, если я признаю, что в то время не было никаких знаков, и ничего особенно мистического не было в молодом Франциске. В отличие от многих других святых, он далеко не сразу осознал свою миссию. Главным образом, он мечтал прославиться стихами и еще — подвигами на поле брани. Добрым он родился; он был смел, как большинство мальчиков; но и доброта его и смелость кончались примерно там же, где кончаются они у большинства мальчиков. Например, он, как все, очень боялся проказы, и в таком страхе нет ничего стыдного. Он любил яркие, веселые цвета — вполне во вкусе геральдического Средневековья — и, повидимому, одевался пышно и пестро. Но когда юноша в ярких одеждах бежал за человеком в лохмотьях, проявились те черты его личности, о которых нужно сказать сразу.

Во-первых, он бежал быстро. В сущности, он так и не оставил всю жизнь. Почти все его дела были делами милосердия, кротость действительно и в высшей степени была ему свойственна, но ее легко неправильно понять. В нем не было тихости. В отличие от других святых, его можно было бы изображать, как

изображают иногда ангелов — с крыльями на ногах (вспомним текст о том, что ангел — и ветер, и вестник, и пламя). Он был смел до безрассудства, он был опрометчив; конечно, он никогда не был резок, но стремительность его граничила с нетерпением. Если мы постигнем эту психологическую истину, мы поймем как неверно употребляют сейчас слово «практичный». Повидимому, теперь считают, что практичен тот, кто выбирает самое выгодное, т. е. самое легкое. В этом смысле слова св. Франциск был совершенно непрактичен и его цели — не от мира сего. Но если называть человеком дела того, кто действует сразу, не рассусоливая и не откладывая, — он был таким. Некоторые сочтут его сумасшедшим, но бесплодным мечтателем он не был. Никто не назовет его деловым; но человеком действия он был, в молодости — даже слишком. Он действовал слишком сразу, слишком быстро; в ущерб благоразумию. И на каждом повороте своего небывалого пути он сгибал углы так же резко и неожиданно, как сгибал их, гоняясь за нищим по кривым улочкам Ассизи.

Проявилась тут и другая черта, которая жила в нем как инстинкт, раньше чем превратилась в мистический идеал. Повидимому, эта черта всегда хоть в какой-то мере существовала в маленьких республиках средневековой Италии. Многие не могут ее понять; южане понимают лучше, чем северяне, католики — лучше, чем протестанты. Для него само собой разумелось, что все люди равны. Не надо путать это с францисканским человеколюбием — на практике это чувство нередко выражалось в поединках. Ни один дворянин не может назвать себя поборником равенства, если он не способен по-настоящему поссориться со слугой. Именно это стало одной из основ францисканского братства, и в этом происшествии его мирской, молодой поры оно проявилось сполна. Я думаю, Франциск действительно не знал, кого слушать — купца или нищего; и, послушав одного, счел нужным послушать и другого. Они были для него двумя людьми. Такие вещи необычайно трудно объяснить обществу, где их не знают; но в этом-то и было дело; именно поэтому народное движение возникло в этом краю и начал его этот человек. Его милосердие росло всю жизнь и достигло звездных высот, которые могут показаться нам туманными и даже безумными; но строил он на высоком плоскогорье равенства.

Я взял один из сотни рассказов о юности св. Франциска, но пока мы не увидим их сути, они будут казаться нам не совсем солидными. Св. Франциску не к лицу покровительственный ве-

нец «похождений». Их много, и слишком часто из них делают сентиментальный средневековый гарнир, не понимая, что в действительности это — вызов нашему веку. Путь человека Франциска был очень серьезен. Следующая наша история — совсем другая. Но и она, как бы случайно, открывает нам бездны его сознания, а может — и подсознания. Франциск все еще был обычным молодым человеком; но если мы посмотрим на него так, мы увидим, каким необычным человеком он был.

Вспыхнула война с Перуджией. Теперь принято иронизировать, что войны между городами-республиками средневековой Италии не столько вспыхивали, сколько тлели вечно. Но даже если бы одна из них не прекращалась сто лет, вряд ли погибло бы столько людей, сколько убиваем мы за год на нашей современной научной войне между современными индустриальными империями. Конечно, отсталые граждане средневековых республик отстало умирали за то, что любили — за свои дома, за святыни, за хорошо знакомых правителей. Они не могли прогрессивно умирать за последние слухи о дальних колониях, переданные анонимными журналистами. А если, основываясь на собственном опыте, вы решите, что те войны парализовывали цивилизацию, вспомните, хотя бы, что воюющие города дали нам паралитика Данте и паралитика Микель Анджело, Ариосто и Тициана, Леонардо и Колумба, не говоря о Екатерине Сиенской и герое данной книги. Если местный патриотизм — прискорбный пережиток Темных веков — почему же три четверти великих людей вышло из тех городов и участвовало в тех стычках? Еще неизвестно, что выйдет из наших столиц; но с тех пор, как они разрослись, о великих людях не слышно. И мальчишеская мечта не дает мне покоя: что если их не будет, пока Клефем не опояшет стана и не забьет в ночи набат, призывая к оружию жителей Вимблдона?*

Во всяком случае, в Ассизи он забил, граждане взялись за оружие, и среди них был Франциск, сын торговца. Он выступил в поход с отрядом всадников и, в какой-то стычке, все они попали в плен. Повидимому, не обошлось без измены; дело в том, что с одним из пленных товарищи отказались общаться, а в таких обстоятельствах это равносильно обвинению. И тут кто-то заметил не очень значительную и скорее отрицательную вещь. Франциск разговаривал с товарищами со свойственной ему любез-

* Клефем — Южный пригород Лондона, Вимблдон — Юго-западный.

ностью и даже равнодушием — «свободно и весело», как кто-то сказал о нем; он явно хотел поддержать их и себя. И вот, обращаясь к отверженному — к трусу или изменнику, не знаю — он просто ни в чем не изменил тона, не проявил ни холодности, ни сострадания и говорил с ним с такой же веселой простотой. Но если с ними был человек, умеющий видеть насквозь, он понял, что родилось нечто новое, почти анархическое, и глубокое течение несет их всех в бескрайние моря любви. У Франциска действительно был недостаток, в том смысле, что ему недоставало одного качества. Он был слеп к одному, и мог видеть поэтому лучшие и красивейшие вещи. Все ограничения мужской дружбы или этикета, все запреты общественной жизни, отделяющие недолжное от должного, все общественные предрассудки и условности, естественные и даже неплохие у обычного человека, все правила, связывающие воедино немало вполне пристойных обществ, были ему неведомы. Он любил по-своему. Вероятно, он любил всех: но особенно любил он тех, из-за кого не любили его самого. И проникательный человек увидел бы во тьме темницы красный нимб, он услышал бы еще тихий голос неслыханного благословения, которое многие сочтут хулой: «Он внемлет даже тем, кому сам Бог не внемлет».

Проницательный зритель увидел бы это, но Франциск не видел. Он действовал так по бессознательной щедрости сердца — которую можно было бы считать незаконной, если бы она не подчинялась высшему, божескому закону: и очень сомнительно, знал ли он, что этот закон — божеский. Он явно не собирался оставить армию и не думал о монастыре. Пацифисты и снобы не понимают, что тут нет противоречия; можно любить людей и сражаться с ними, если ты сражаешься честно и за доброе дело. Но, мне кажется, здесь было не только это; повидимому, Франциск считал себя прирожденным воином. И вот, первая неудача пересекла его путь — он в первый раз заболел той болезнью, которая много раз вставала препятствием на его отчаянном пути. Болезнь сделала его серьезней, но серьезней он стал относиться к тому же воинскому делу. А пока он выздоравливал, путь славы и чести открылся перед ним. Некий Готье де Бриенн оспаривал корону у Сицилии — многие оспаривали ее тогда, и папа призвал народ на помощь Готье. Этот призыв нашел отклик в сердцах многих юношей Ассизи, и Франциск решил отправиться в Апулию на помощь графу (может быть, роль сыграло и французское его имя). Не надо забывать, что, хотя мир того времени

был миром маленьких вещей, эти маленькие вещи были связаны с очень большими. В испещренных крохотными республиками землях было больше интернационализма, чем в огромных, однородных, непроницаемых наших странах. Власть Ассизских правителей вряд ли простиралась дальше выстрела из лука с городской стены; но их сердце могло быть с норманами в Сицилии или с трубадурами в Тулузе, с императором в германских лесах, и с паной, умирающим в Салерно. Когда век живет верой, он по сути своей многообразен. Что многообразнее Вселенной? Религиозная жизнь той поры не всем понятна теперь. Например, такие давние времена представляются нам очень ранними, детством мира. Мы смутно чувствуем, что все это было на заре христианства. Но Церковь уже перевалила через первое тысячелетие. Другими словами, она была старше современной Франции и много старше Англии. Она и казалась старой, почти такой старой, как сейчас, а может быть, и старше. Она была похожа на Карла Великого, одолевшего язычников в тысячах схваток, которому, по легенде, ангел приказывал сражаться дальше, без конца. Церковь отражала первую тысячу лет и начала вторую; она прошла через Темные века, когда одно оставалось ей — отчаянно биться с варварами и упрямо твердить Символ Веры. Его твердили до сих пор, но многие начали сбиваться на скороговорку. Церковь казалась старой, как и сейчас. И некоторые, как сейчас, думали, что она умирает. На самом же деле вера не умерла; она стала скучнее, во всяком случае — некоторым она стала казаться скучнее. Трубадуры и труверы уже попали в плен восточных выдумок и парадоксов уныния, которые кажутся европейцам особенно свежими, когда их собственный здравый смысл немного застоится. После веков безнадежных сражений и безрадостного аскетизма вполне могло показаться, что официальное благочестие несколько застоялось. Свобода и свежесть раннего христианства казались тогда, как и сейчас, безвозвратно утерянным Золотым веком. Рим был разумней других городов; церковь была мудрее мира — но устала она больше. И, конечно, от безумной философии Востока могло захватить дух. Темные тучи пессимизма собирались над Средиземноморьем, чреватые междуусобицей и расколом. Только на холмах Рима лежал свет, но был он белый, холмы — невысокие, и неподвижный воздух стоял над святым городом.

В высоком темном доме, в Ассизи, Франческо Бернардоне спал и грезил битвой. И вот, в темноте, ему явилось видение: сверкающие мечи крестоносцев, и пики, и щиты, и племы, все

со знаком креста. Он принял сон за зов, за клич, проснулся и кинулся к коню. Франциск любил рыцарские забавы и не уступал рыцарям ни в чем. Несомненно, он понимал рыцарство по-христиански; но тогда он прежде всего жаждал славы, хотя для него она мало чем отличалась от чести. Его не миновала мечта о лаврах, завещанная Цезарем всем латинянам. И, когда он уходил на войну, высокие ворота в толстой стене Ассизи огласились его похвальбой: «Я вернусь великим героем».

Но в дороге болезнь вернулась к нему, и свалила его. Более чем вероятно, что, по нетерпеливому своему нраву, он встал много раньше срока. И во мраке второй, куда более тягостной отсрочки, он снова видел сон и слышал голос: «Ты не понял видения. Вернись в Ассизи». Больной Франциск поехал в Ассизи. Он был разочарован, разбит, может быть — осмеян. Одно оставалось ему — ждать, что будет. Тогда он впервые опустился в темную яму, которую зовут долиной унижения. Она показалась ему голой и неприютной, но позже он отыскал в ней много цветов.

Не только разочарование и позор мучили его. Он был сбит с толку. Он твердо верил, что его сны — вещие, и никак не мог понять, что же они предвещали. И вот, когда он гулял (или даже слонялся) по улицам Ассизи и в полях за городской стеной, странная вещь приключилась с ним. Повидимому, он не сразу связал ее со снами, но для меня она связана с ними крепко. Он ехал верхом — вероятно, в открытом поле — и увидел, что кто-то идет к нему, и остановился — он понял, что это прокаженный. И еще он понял, что ему брошен вызов — не так, как бросает вызов мир, а так, как бросает вызов Тот, кому ведомы тайны души. Не копья и знамена Перуджии шли на него — их он не боялся; не войско претендента на корону Сицилии — к грубой, простой опасности он относился так же, как всякий храбрый человек. Его тайный страх шел к нему по дороге; тот страх, что приходит не извне, а изнутри, стоял перед ним, белый в солнечном свете. И, в единственный раз, его душа застыла. Потом он спрыгнул с коня, кинулся к прокаженному и обнял его. Так началось его служение прокаженным, а служил он им немало; этому, первому, он отдал все деньги, вскочил на коня и поехал дальше. Мы не знаем, далеко ли он отъехал, и о чем думал; но говорят, когда он обернулся, дорога была пуста.

СВ. ФРАНЦИСК — СТРОИТЕЛЬ

И вот, мы дошли до перелома в жизни св. Франциска, до дней, которые останутся темными для тех, кого Господь не сломал, чтобы создать заново.

Я не сразу решил, как мне писать об этой трудной поре — ведь я хочу, чтобы даже несклонные к религии люди поняли меня. Наверное, правильной всего — рассказать о событиях и только слегка коснуться собственных догадок об их смысле. А случилось следующее. Летописцы немало говорят о старенькой, заброшенной и запущенной церкви св. Дамиана. Франциск ходил туда в те смутные и пустые дни, когда рухнули его честолюбивые планы и, что еще хуже для таких чувствительных людей, многие смеялись над ним. И вот, молясь перед Распятием, он услышал голос: «Франциск, разве ты не понял? Мой дом развалился. Иди, почини его».

Франциск вскочил и пошел. Он всегда был готов вскочить, пойти и сделать. Может быть, он не совсем понял, что именно делает. Во всяком случае, он поступил решительно и очень опрометчиво и явно во вред своей репутации. На грубом языке непосвященных, он украл. С высоты его собственной точки зрения — он дал своему отцу, Петру Бернардоне, ни с чем несравнимую, неоценимую возможность участвовать (к сожалению — непредумышленно) в восстановлении Дамиановой церкви. Сперва он продал своего коня, а потом — несколько штук шелка из отцовской лавки, причем на каждой штучке начертал крест. Петр Бернардоне смотрел на вещи иначе. Он не понял, какой ветер и пламень духа несет его сына; и, вместо того, чтобы сказать (как сказал потом епископ), что красть нельзя даже с самыми благими намерениями, пришел в ярость. Подобно античным отцам, он применил силу — посадил сына под замок, как простого вора. Кажется, на бедного Франциска набросились многие из тех, кто раньше его любил. Так, попытавшись отстроить заново дом Божий, он только разрушил свой собственный дом и был погребен под обломками. Какое-то время юный Франциск в буквальном смысле слова пробыл под землей, в погребе или в пещере. Это была самая тяжелая пора его жизни. Весь мир ополчился на него, весь мир на него навалился. Потом он вышел на свет Божий, но не сразу поняли люди, что случилось. Епископ позвал на суд обоих Бернардоне, потому что Франциск отказался подчиниться мирским властям. С тем

исключительно здравым смыслом, которым оттеняет церковь самые дикие поступки своих святых, епископ сказал ему, что деньги надо немедленно вернуть. Он сказал, что хорошее дело нельзя осуществлять дурными средствами; короче и грубее говоря, он дал понять, что если молодой фанатик рассчитается со старым дураком, вопрос будет исчерпан. Франциск в это время был уже не тот. Он уже не подчинился отцу, тем более — не пресмыкался перед ним. Но мне кажется, в том, что он сказал, нет ни обиды, ни праведного гнева, ничего похожего на сведение счетов. Они скорее похожи на загадочные слова его великого Образца — на «Что мне и тебе?» и даже на страшное: «Кто Матерь моя?»...

Франциск встал перед всеми и сказал так: «Я звал отцом Петра Бернардоне, теперь я слуга Господень. Я верну отцу его деньги и платье, которое он мне дал». Он снял с себя богатые одежды, и все увидели власяницу.

Он сложил одежду в углу, а наверх положил деньги. Потом подошел под благословение, и вышел в холодный мир. По преданию, действительно было холодно и шел снег. Рассказывая об этом переломе в его жизни, летописцы приводят очень важную подробность. Он шел почти обнаженный в зимнем лесу, по мерзлой земле, среди голых деревьев. У него не было отца, не было денег, не было, по всем людским законам, ни ремесла, ни планов, ни будущего, и вот, под белыми деревьями, он запел.

Замечательно, что пел он по-французски, точнее, на том провансальском наречии, которое тогда называли французским языком. Этот язык не был ему родным, а прославился он, как поэт, стихами на родном языке — в сущности, он один из первых в Европе писал на своем говоре. Но именно с французским языком были связаны его мальчишеские мечты, это был для него язык романтики. Мне кажется, очень странно и очень важно, что он запел по-французски. Почему важно — я скажу позже. Вся философия св. Франциска состояла в том, что он видел естественные вещи в сверхъестественном свете, и потому — не отвергал а полностью принимал их. А сейчас, пока мы перечисляем факты, запомните одно: в зимнем лесу, во власянице, он пел на языке трубадуров.

Но пора вернуться к той разрушенной или просто заброшенной церкви, ради которой он пошел на невинное преступление и потерпел блаженное наказание. Он не бросил ее и она насыщала целиком его ненасытную страсть к действию. Но теперь он действовал иначе. Он больше не пытался преступить законы коммерческой этики. Ему пришел на ум один из тех великих

парадоксов, которые оказываются общими местами. Он понял: чтобы построить церковь, совсем не надо нанимать рабочих, тем более — за чужие деньги. Чтобы отстроить церковь, надо строить.

Он пошел выпрашивать камни. Он просил их у каждого встречного. В сущности, он стал тем небывалым нищим, который просит камень вместо хлеба. Может быть, сама необычность его просьбы привлекала внимание — так много раз бывало с ним. Богатых и праздных людей занимало его чудачество — как могло бы увлечь забавное пари. Он строил сам, своими руками, таскал на себе камни, как выючная скотина, не гнушался самой черной работой. Об этой поре его жизни есть много рассказов. Мне хочется, чтобы все поняли его путь, и потому я расскажу подробней, как он вернулся в мир через тесные ворота труда. Во всем, что он делал, было второе значение, словно тень падала на стену. Вся его жизнь была похожа на аллегорию и, вполне возможно, тупоумный человек захочет когда-нибудь доказать, что сам он — только аллегория. В этом смысле можно сказать, что он делал два дела. Он не только учился понимать, что его слава не в разрушительных битвах, а в том, чтобы творить, утверждая мир. Он действительно строил что-то еще, во всяком случае — начал строить. Он строил то, что часто приходило в упадок; то, что никогда не поздно чинить. Он строил церковь. А ее всегда можно построить заново, если от нее остался один камень; и ворота ада не одолеют ее.

Потом он принялся чинить еще одну церковь, маленькую церковку Марии от Ангелов, в Порциункуле. Чинил он и церковь св. Петра. И та особенность его жизни, которая делала ее похожей на символическое действие, побудила преданных биографов отметить знаменательность числа три. Но две из них были знаменательны в прямом, практическом смысле. В церкви св. Дамиана, много позже он со своей духовной невестой ставил неповторимый опыт — создавал женский орден кларисс. А церковка в Порциункуле останется навсегда одним из величайших зданий — именно там он собрал друзей, и она стала домом многим бездомным. Но в ту пору он вряд ли думал об ее будущем. Трудно сказать, конечно, когда великий план созрел в его уме. Если описывать события извне, просто несколько человек, один за другим, присоединились к нему, потому что, как и он, стремились к простоте. Очень знаменательно, что стремились они к той самой простоте, к какой призывает Новый Завет. Франциск поклонялся Христу давно. Но подражать Христу он начал здесь.

Те двое дальновидных, которые первыми поняли, что происходит в мире духа, были Бернардо де Квинтавалле, почтенный горожанин, и Пьетро, настоятель соседней церкви. Их заслуга велика. Франциск к тому времени скатился на самое дно, к нищим и прокаженным, а этим двоим было что терять; один пожертвовал удобствами жизни, другой — церковной карьерой. Бернардо, в полном смысле этих слов, продал все и раздал бедным. Пьетро сделал еще больше — он поступился духовной властью (а был он, наверно, человек взрослый, с устоявшимися привычками) и пошел за молодым чудачком, которого почти все считали маньяком. Что именно сверкнуло перед ними, я расскажу позже, если об этом вообще можно рассказать. Сейчас мы должны увидеть только то, что видел весь город, а видел он, как верблюд со славой проходит сквозь игольное ушко и Бог совершает невозможное, потому что Ему все возможно. Он видел, как священник уподобился мытарю, а богач ушел с радостью, потому что не имел ничего.

По преданию, эти три странных человека построили себе хижину неподалеку от убежища прокаженных. Там они и беседовали, когда позволяли им тяжелый труд и опасность (потому что в десять раз больше мужества нужно для ухода за прокаженными, чем для битвы), беседовали о своей новой жизни, как беседуют дети на тайном своем языке. Мы мало знаем об их дружбе. Зато мы знаем, что они остались друзьями до конца. Бернардо де Квинтавалле стал для Франциска сэром Бедивером, «первым и последним из рыцарей». Мы видим его одесную святого, у смертного ложа, где он получает особое благословение. Но это было уже в другом мире, очень далеко от оборванных чудачков в развалившейся хижине. Они не были монахами, разве что в том буквальном и древнем смысле слова, когда монахом называли отшельника. Просто три беглеца поселились вместе, но общества они не составляли. В том-то и дело, что все это было до крайности частным, личным делом, с внешней стороны, без сомнения, — почти таким же личным, как сумасшествие. И первое обещание того, что это станет движением, первый знак миссии мы видим в ту минуту, когда они обратились к Новому Завету.

Они погадали на Евангелии. Многие протестанты гадают на Библии, хотя и ругали это, как языческий предрассудок. Конечно, открыть Библию наугад — совсем не то же самое, что изучать ее. Франциск именно открыл ее наугад. По одному преданию, он просто начертал крест на книге, открыл ее трижды и прочитал

три текста. Первым выпал рассказ о богатом юноше, чьи колебания послужили причиной великого парадокса о верблюде и игольном ушке. Вторым — наставление ученикам не брать с собой ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха. Третьим — текст о том, что последователь Христа должен отвергнуть себя и взять крест свой. По другому преданию, Франциск услышал один из этих текстов в церкви, когда читали Евангелие на этот день. Повидимому, это случилось очень рано, в самом начале его уединенной жизни, почти сразу после ссоры с отцом; кажется, именно после этого Бернардо раздал имение бедным. Если это так, значит, первое время Франциск жил в хижине один, как отшельник. Но это ничуть не значит, что он бежал, скрылся от мира. Св. Симеон Столпник на своем столбе был, в сущности, очень на виду, но все же его положение нельзя назвать обычным. Можно предположить, что большинство считало положение Франциска необычным, а некоторые — даже слишком необычным. Правда, любому католику, хотя бы подсознательно, много легче понять такие вещи, чем язычнику или пуританину. Но в ту пору сограждане мало сочувствовали ему. Я уже говорил, что к тому времени и церковь и все с ней связанное состарилось, устоялось, в том числе — и монашество. Здравый смысл в Средние века встречался чаще, чем в наш поверхностный газетный век; но люди, подобные Франциску, не встречаются часто нигде, и одним здравым смыслом их не понять. XIII-й век был, конечно, прогрессивным веком, может быть единственным прогрессивным веком в истории. Его можно с полным правом назвать прогрессивным именно потому, что прогресс шел очень равномерно. Это действительно была эпоха реформ без революций. И реформы эти не только прогрессивны, но и очень практичны, и в высшей степени шли на пользу отнюдь не отвлеченным вещам: городам, гильдиям, ремеслам. Но почтенные жители города и члены гильдий были в те времена очень почтенными. Они были гораздо более равны в экономическом смысле, они гораздо справедливей управлялись, чем современные люди, мотающиеся между голодом и сверхприбылями; но, по всей вероятности, большинство этих горожан были твердолюбы, как крестьяне. Поступок почтенного Пьетро Бернардоне не говорит о сочувствии тонкой, почти изысканной духовности. Нам не понять, как прекрасно и ново то, что случилось, если у нас не хватает юмора и простоты, чтобы увидеть все это глазами обыкновенного человека той поры. В следующей главе я попы-

таюсь (вероятно, безуспешно) показать изнутри, что же происходило в трех церквях и в маленькой хижине. Сейчас я хочу показать их извне. И, кончая эту главу, я прошу читателя хорошо представить себе, как выглядело это все с точки зрения грубого, здравомыслящего человека.

Молодого дурака, а может быть и негодяя, поймали, когда он обобрал отца и попытался продать то, что должен был охранять. В свое оправдание он говорит, что какой-то голос приказал ему починить какую-то стену. Затем он объявляет себя независимым от всякого закона и пользуется мягкостью епископа, который, правда, тоже вынужден сказать ему, что он неправ. Он раздевается при всем честном народе, буквально швыряет одежду в лицо своему отцу и говорит при этом, что тот ему не отец. Потом бегаёт по городу и выпрашивает у всех встречных камни, повидимому — в связи со своей старой манией насчет той стены. Конечно, стены чинить нужно, но вряд ли этим должны заниматься сумасшедшие. И наконец, порочный юноша скатывается на самое дно — в буквальном смысле слова, копошится в грязи. Вот как выглядело то, что делает св. Франциск, почти для всех его соседей и приятелей.

Вероятно, они не совсем понимали, на что он живет. Повидимому, он просил не только камень, но и хлеб, и всегда очень заботился о том чтобы хлеб был самый черный, самый черствый, а объедки — хуже тех, что дают собакам. Он жил хуже нищего. Нищий ест лучшее, что может достать, а святой — худшее. Он действительно был готов отказать себе во всем. А это гораздо уродливей на деле, чем утонченная простота, которую вегетарьянцы и трезвенники называют простой жизнью. То же самое можно сказать о его одежде. Здесь он тоже довольствовался самым плохим. По одному преданию, он обменялся платьем с нищим и, конечно, охотно обменялся бы с пугалом. По другому преданию, какой-то крестьянин дал ему старую коричневую рубашку, и он взял ее потому, что она была очень старая. Обычно у крестьян мало лишней одежды, и они не слишком расположены отдавать ее, пока она хоть на что-нибудь годится. По преданию, он отбросил кушак (может быть, с особенным, символическим вызовом, потому что, по моде того времени, на нем висел кошель) и подпоясался первой попавшейся веревкой, как бродяга подвязывает штаны бичевкой. Через десять лет эта случайная одежда стала формой для пяти тысяч людей, а через сто — великого Данте похоронили в ней.

(продолжение следует)

Богословие, Философия

Лев РЕГЕЛЬСОН

ДА НЕ БУДЕТ У ТЕБЯ ИНЫХ БОГОВ...

(Размышления над первой заповедью)

Основным стержнем духовного развития человечества был и остается постепенный переход от познания необъятно многочисленных сил, проявлений и атрибутов Божества, к познанию Самого Единого Сущего (Яхве), Который является источником и носителем всех этих сил, атрибутов и проявлений.

Мы знаем, каким долгим и мучительным был этот путь в истории, знаем также, с каким огромным трудом совершается этот путь в духовном становлении отдельного человека.

Нужны были потрясающие теофании Ветхого Завета, чтобы вывести из бесчисленных тупиков язычества маленькую часть человечества в лице богоизбранного народа, да и в том народе лишь «небольшой остаток» оказался способным вместить эти краткие, но огненные слова: «Аз есмь Сущий, Аз есмь Бог твой, да не будет у тебя иных богов, кроме Меня».

Даже после того, как монотеизм стал освящен вековой традицией, утверждён непререкаемым авторитетом закона, пронёс всю жизнь израильского народа многочисленными формами Богопочитания, даже после этого реальность монотеизма осуществлялась лишь в немногих избранных среди избранных.

Оказалось, что кроме язычества существуют и другие тупики на пути к истинному Богу.

Они думали о Боге так, как Бог велел им, они выполняли заповеди, которые дал им Бог, они молились так, как Бог научил их, они верили в те обетования, которые были возвещены через пророков, и вот — несмотря на все это, Бог разгневан на них. «Необрезанные сердцем», «устами своими чтут Меня, сердца же их отстоят далеко от Меня»: что это? Сплошные парадоксы, сплошная несправедливость? Что-то туманное и неопределённое, что-то непонятное требует от человека Единый Сущий. Как можно

«обрезать» сердце, что значит «сердце отстоит» далеко или близко, что вообще означает это таинственное «сердце»? Разве сущность человека не сводится к его мыслям и поступкам, разве может быть так, что не «от избытка сердца говорят уста»? Неужели возможно такое раздранье в человеке? Оказывается, возможно.

И вот — заповедь оказывается важнее Дающего заповедь, закон — важнее Законодателя, молитва — важнее Того, к Кому она обращена.

Пришел Испытатель, пришел обетованный Мессия — и вот — не узнал, ибо, как очевидно каждому, кто умеет думать, не похож на того, который описан пророками, ибо, как очевидно каждому, кто правильно верует, дерзновенно нарушает закон.

А когда немногие упрямые чудаки, «чающие утешения Израиля» (как будто только они чают!), вопреки фактам и здравому смыслу, говорят: исполнил обетования; не только похож, но и есть подлинный Мессия; не нарушил, но исполнил закон — то иудеи резонно спрашивали, и поныне спрашивают у них: к чему эти пророческие криптограммы, зачем двусмысленность, что за жестокую игру ведет с человеком любящий Бог? Зачем нужно, чтобы исполнить дух Закона можно было, лишь нарушая его букву; чтобы узреть Мессию можно было, лишь отрекшись от здравого смысла и чистосердечной верности каждому пророческому слову; чтобы поклониться Сыну Божию можно было, лишь сломав в своем сердце столь дорогие и священные формы Богопочитания?

Кажется жестоким и несправедливым, что Бог лишил человека всякой точки опоры в столь важном религиозном акте, как опознание Мессии, самом важном, единственно важном акте...

Может быть, это вызвано уважением к человеческой свободе, нежеланием покорять человека насильственной властью чуда и авторитета? Но ведь речь идет не о том, чтобы Мессия был не таким, каким Он был, но лишь о соответствии закона и обетований — признакам явившегося Мессии. Ведь обо всем этом можно было предупредить избранный народ: и об уважении к свободе, и о явлении в зраке раба, и о воскресении из мертвых. Было, конечно, сказано все это, но вскользь, приглушенно, в противоречии со всей массой обетований славы и величия.

И вопрос остается: зачем эта неопределенность, чего от нас добывается Бог, ставя в такую критическую, для души смертельно опасную ситуацию? Настолько опасную, что человек идет на

отчаянные религиозные решения, лишь бы избежать этой невыносимой и пугающей мысли: не разделится ли Бог Сам в Себе, подлинно ли Он Единый Суший? И вот, иудеи, ради того Бога, Который им открылся в законе и пророках, Мессию не признают за Мессию, а на другом полюсе — гностики, исповедующие Иисуса Христа, говорят, что в Ветхом завете действовал другой бог...

Попытаемся представить себя на месте тех иудеев, среди которых жил и совершал свое служение Иисус Христос. Пусть бы мы, подобно Савлу, или апостолам, ходившим с Иисусом, хранили ревностную верность Божественному Откровению, закрепленному в отеческом предании. Как бы мы решали вопрос: Мессия или не Мессия?

Ведь тогда не было еще апостольских посланий и многотомных святоотеческих творений, в которых дается истолкование каждому слову Ветхого Завета, в которых путем смелой, иногда парадоксальной и неожиданной экзегезы устанавливается соответствие Ветхого и Нового заветов. Не было ничего этого... Было Писание, воспринимавшееся со всей серьезностью и конкретностью и был живой Иисус из Назарета, который называл себя Мессией и букве Писания видимым образом не соответствовал.

Иудей видел мир, раздираемый злом и несправедливостью, верил в необходимость такого Мессии, который с помощью своего избранного народа, призванного царствовать и священствовать, установит в мире веру истинного Бога, даст людям братство, гармонию, справедливость, покончит с войнами, болезнями, нищетой; все чувства правоверного были прикованы к благословенному мессианскому царству, вся воля его была направлена к тому, чтобы праведностью и молитвой приблизить пришествие Мессии и превращение всего мира в землю обетованную.

И вот, вместо всего этого, — непонятная покорность Иисуса внешней силе, позорная смерть на кресте, не предсказанная ни в одном пророчестве. Если бы еще сошел с креста, то и это можно было понять, ибо о страданиях Мессии пророки говорили, но смерть...

Голгофой все разрушено: разум двоится, воля парализована, чувства в смятении, все признаки недостоверны, все чудеса зачехнуты смертью. Мог ли человек устоять в эту страшную минуту, неужели ничего не оставил ему Отец?.. Тогда, действительно, какая-то бессмыслица была в том, чтобы созидать в его сердце ветхозаветный храм Богопочитания, разрушив его одним ударом. Зачем? Что хотел Бог от человека, ради чего Он разру-

шил в нем все прежние религиозные ценности и поставил на грань духовной катастрофы?

В эти минуты предельного страдания человек действительно потерял все, остался лишь он сам, и также Иисус потерял все, лишь Сам остался... И осталась любовь человека Иоанна к человеку Иисусу, и Бог, Который в этой Любви присутствовал Сам, Бог, Который больше Писания, Который больше разума, Который может и из мертвых воскресить...

Итак, в те минуты и часы, когда совершалось дело Искупления, когда Спаситель погрузился в бездну ада, сокрушая его могущество, когда Он, побеждая смерть вторую, приближался к той грани, которая отделяет бытие от небытия, Человек познал себя самого как Сущего, подобно Самому Яхве, Человек реально пережил в опыте предельного страдания и предельной любви, что есть он Сам, — тот, который есть, тот, который обладает всей полнотой человечности, но не сводится ни к одному из своих частных проявлений. И вот этот Сам — и есть тот, которого ищет в Своей Любви Единый Суший. И нет другого пути для человека стать тем, что он есть, кроме пути страдания, на котором сокровенная личность человека, теряя все свои атрибуты, постигает и осуществляет себя как нечто более глубокое, чем все, что из нее исходит и чем она обладает.

Этот крестный путь, на котором становится жизненной реальностью онтологическое достоинство человека как личности, продолжается и ныне и далек от своего завершения.

Человек торжествующе явил свою сущность в актах мученичества, в которых он жертвенно отрекался от всего богатства, связанного с жизнью тела, и тем показывал изумленным язычникам, что человек не есть тело, но есть тот, кто обладает телом.

В аскетическом подвиге затворничества Человек отказался от своих чувств и своей воли и тем показал, что человек не есть чувства и воля, но есть тот, кто обладает чувствами и волей, и стоя один на один с Богом, показал, что Любовь к Богу открывается как трансцендентный акт, как высшее чудо.

В подвиге юродства христианский мир с благоговейным изумлением созерцал праведников, которые даже обычный рассудок почитали ненужной роскошью, становились дурачками из любви к Богу, и благословение Божие почilo на них явно для всех, кто имел глаза, чтобы видеть. Итак, человек не есть даже и разум, но есть тот, кто обладает разумом, кто глубже, чем разум,

глубже, чем самосознание, ибо юридические забывали о себе в полном смысле этого слова.

Сын Мой, дай Мне твое сердце — от времен Эдема вызывает Бог к каждому человеку.

И если человек откликается на этот зов и вступает на путь любви, то легко забывает он о всех ценностях, сотворенных Богом, отрекается от самого себя, становится равнодушным ко всему, кроме Бога, и не хочет слышать ни о какой радости до тех пор, пока не достигнет своей единственной цели — встречи и соединения с Тем, Которого возлюбила душа его.

Такому человеку рай покажется хуже преисподней, если там он не обретет Бога, и мрачное подземелье станет раем, если там он встретится с Любимым. И когда он встретится с Ним, то вечная радость поселяется в его сердце и думает человек: что бы еще он мог принести в жертву своей Любви? Но если человек не может дать Богу ничего, кроме своего сердца, то Бог неизмеримо богат и вместе с сердцем отдает человеку Свое Богатство. Навстречу бескорыстия любящего Человека устремляется безмерная щедрость любящего Бога, и умерла любовь в том, кто этой щедростью пренебрегает...

Достигая единства с Богом, Человек приобщается к Божественной жизни, которая наполняет его сердце любовью ко всему, что любит Сам Бог, Человек переживает великое чудо — откровение личности своего ближнего, в которой он узнает Христа и в личности Христа — узнает своего ближнего. Он видит в сиянии Божественной Славы собор спасенного человечества, овлаченного любовью церковной, где каждый с каждым и все со Христом пребывают в глубочайшем единстве, существенном, личностном и нерасторжимом. Пережив крестную муку самоотречения, человек обретает незыблемое утверждение своей личности, которое непрестанно подтверждается свободным актом взаимной любви. «Ты еси» — говорит ему каждый из любящих; «ты еси» — отвечает он каждому из них из глубины сердца. «Ты Бог мой» — «и ты мой Бог»; так говорят друг другу любящие и Сам Бог Единый признает за ними это имя.

И только после всего этого, после принятия Голгофы в сердце, после отказа от всего земного, после приобщения к опыту личной и бескорыстной любви к Богу Человек готов к тому, чтобы царствовать в творении, к тому, чтобы заново возделывать всю землю как эдемский сад, готов к тому, чтобы достойно встретить исполнение обетований, которых напрасно жаждали иудеи...

Готов ли?

Что означают эти скорбные слова Спасителя: «Другой придет во имя свое, и его примете»?

Неужели после всего, что было, Человек еще может прельститься чем-то, неужели он еще может изменить Тому, Кем живет и дышит?

Увы, может.

Попрежнему род человеческий ищет не Самого Бога, но лишь тех благ, которые от Него можно получить.

Попрежнему Человек легко склоняется к тому, чтобы поклониться иным богам, если они посулят ему более легкое и верное достижение благ, которых он жаждет, или поклониться самому себе, если сочтет себя достаточно сильным, чтобы построить рай своими руками.

Человек становится атеистом, если уверен, что Бог ему не нужен; богоборцем, если убедится, что Бог ему мешает; расчетливым религиозным законником, если решит, что Бог может быть ему полезен...

Отрицающий существование Бога — отрицает и существование человека. Он видит в человеке лишь материальный, психический, социальный, культурный феномен, но в существование самого человека, т. е. в его онтологическую личность — последовательный атеист не верит.

Богоборец — в сердце своем всегда человекоубийца, ибо, даже признавая реальное существование другого человека, он его ненавидит или презирает. Он хочет устранить его из бытия, как соперника, мешающего ему сделать весь мир своей собственностью, или, что не менее преступно, он хочет сделать собственностью его самого. Обладая такой степенью безумия, чтобы помышлять о возможности противостоять Богу, он также достаточно безумен, чтобы попытаться лишить бытия или свободы бессмертную и богоподобную человеческую личность.

Наконец, «верующий», которому Бог нужен лишь как средство для достижения каких-либо целей, полагает, что главное для человека: обладание по возможности большим количеством ценностей. Он духовнее атеиста, потому что в число этих ценностей он включает фарисейское сознание своей праведности, которое дают ему ритуальные формы богопочитания, он рассудительнее богоборца-индивидуалиста, потому что понимает, что ценности нужно как-то между людьми поделить, и любит выступать судьей в этом дележе...

Всякий, последовательно отвергающий путь любви, рано или поздно, каждый по своему, но неизбежно погружается в гордыню самозамкнутости — третьего не дано! И тогда, какому бы идолу он ни поклонялся, он ко всему существу не может испытывать ничего, кроме похоти, потому что жажда обладания без любви — это и есть похоть. Отъединивший свое «Я» от всего мира и от своих собственных проявлений, он похотствует на Бога, на людей, на природу, даже на самого себя, обрекая себя «питаться прахом во все дни жизни своей», ибо ничто истинно существующее для похоти недоступно.

И вот на этой основе лжепророки строят то царство, которое они хотят предложить человеку вместо обетованного царства Христа. Они спорят с Богом о Человеке, утверждая и проповедуя, что подлинная природа человека есть грех.

Одно за другим извращаются все начала и проявления человеческой сущности, чтобы затем из этих извращенных начал сконструировать универсальный синтез. На все вопросы будет дан ответ, все потребности будут удовлетворены, все конфликты будут ликвидированы, все пророчества истолкованы и исполнены, все культурные и культовые нужды обеспечены всем необходимым, все протесты совести — заглушены, все недовольные и несогласные — уничтожены, изолированы или «вылечены».

Весь мир по замыслу этих «строителей» будет представлять собой как бы громадный улей с крошечными сотами, в каждой из ячеек которых замурована неистребимая, но изолированная от всякого контакта с реальностью человеческая личность. Колочая проволока станет необходимой лишь для очень немногих, ибо каждый человек становится сам себе тюрьмой.

Он в плену у своего разума, потому что его мысли — это не его мысли, но универсальные идеологические штампы; он в плену у своих чувств, ибо это — не его чувства, а внушенные ему психические комплексы; он в плену у своего тела, потому что пища и кровь — не принадлежат ему, а выдаются на определенных условиях; он в плену у своей деятельности, потому что это не его деятельность, но — детерминированное функционирование социальной единицы.

Он не различает правду от лжи, потому что ему уже **нечем** понимать; он не протестует, потому что ему **нечем** протестовать; он не хочет другого, потому что ему **нечем** хотеть; он даже не знает, хорошо ему или плохо, потому что ему **нечем** почувствовать свое страдание.

Разве это далеко от того, что уже есть?

И как необходимая вершина всей этой жуткой пирамиды — презренный самозванец, вселенский соблазнитель, «человек греха, сын погибели», как пророчествует апостол: «противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога».

Разве так уж незначительны были его предшественники, один за другим прошедшие и проходящие перед нашими глазами, чтобы и стало правдоподобным скорое появление того, для кого они растлевали человеческое сердце?

Конечно, сломить человека не так просто, слишком много здоровых начал вложено в него Творцом, но и силы зла многому научились за время человеческой истории. Обособляя эти начала одно от другого, противопоставляя их друг другу, отвлекая внимание от того главного, вокруг чего идет борьба, и прежде всего — отрывая человека от личной укорененности в Боге, от готовности идти крестным путем, от сознания своего царственного достоинства, силы зла, цепляясь за всякую человеческую слабость, не брезгая никакой подлостью, торопливо готовят минутное торжество своему последнему идолу.

Последнее испытание для Человека: опять, как во времена Евангелия, нужно распознавать истинного Бога среди сонмища ложных богов; нужно узнать Иисуса, Того Самого Иисуса, Который был тогда на Кресте, узнать среди множества грядущих лжехристов...

И снова будет двоиться разум, и снова будет Человек стоять на грани отчаяния, на грани религиозной катастрофы, ибо ни в чем, что казалось таким надежным, уже не будет точки опоры.

И лишь одно способно устоять: то, что устояло перед Голгофой — сердце отданное Богу и ничего не требующее взамен; любовь, которая не ищет ничего кроме Любимого, в какой бы нищете он ни пришел; богоподобная личность, для которой всякое самоутверждение ничтожно, кроме утверждения в Едином Сущем, Который сказал: «Аз есмь Бог твой, да не будет у тебя иных богов, кроме Меня».

Лев Регельсон

Москва, сентябрь 1974.

ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ

От переводчика. Статья Семёна Людвиговича Франка (1877-1950) была напечатана в октябре 1933 г. в мюнхенском католическом журнале Hochland (1.1933-34). Мой отец писал ее по-немецки. Он владел этим языком в совершенстве. Поэтому русского подлинника статьи нет и я её перевел с немецкого. Хотя анализ легенды о великом инквизиторе касается духовных вопросов вечного экзистенциального характера, статья эта также носила тогда злободневный характер. В Германии в январе 1933 г. пришел к власти Гитлер, и хотя первый период нацистского владычества еще не отличался теми апокалиптическими злодеяниями, которые разразились несколькими годами позже, мой отец создавал страшную угрозу для всего человечества, потенциально заложенную в нацизме. Как увидит читатель, размышления С. Л. по поводу смысла «Легенды» Достоевского можно понимать как критику демонического характера как коммунистической, так и нацистской диктатуры. Так эти мысли и были истолкованы одним сотрудником Гестапо, русским немцем, который присутствовал на публичной лекции о Достоевском, прочитанной моим отцом в Берлине в начале 1934 г. «Скажите вашему отцу», шепнул он мне у выхода, «чтобы он вел себя осторожнее. Мы прекрасно понимаем, что он имеет в виду в своей лекции.»

Виктор Франк (†).

«Легенда» Достоевского, вплетенная в фабулу его романа «Братья Карамазовы», принадлежит к тем великим символическим творениям духа, толкование которых, как, впрочем, и толкование самой реальности, всегда останется спорным и в конечном итоге зависит от глубины и ширины духовного опыта читателя.

Содержание «Легенды» и ее непосредственный смысл известны. Христос является в Своем земном облике в Севилье XVI века в период владычества испанской инквизиции, творит чудеса и приветствуется народом в трепетном страхе и ликовании. Престарелый Великий Инквизитор велит страже взять его на глазах у толпы, привыкшей к слепому повиновению, затем ночью навещает Его в тюрьме и обращается к нему с пространной речью, в содержании которой и заключается весь смысл легенды. Содержание это состоит в резком противопоставлении Христовой идеи искупления программе спасения, задуманной Великим Инквизитором и соответствующей советам Сатаны Христу в пустыне, причем эти предложения толкуются не как искушение, а как непостижимо мудрые советы; только они — как показал опыт пятнадцати столетий — могут принести человечеству подлинное, дей-

ственное избавление. Вместо того, чтобы взять в основу достоинство человека и чаять спасения путем отказа ото всех внешних приманок и принуждения, путем свободно-принятого решения человека следовать Христу, надо, сознавая слабость среднего человека и из сострадания к этой слабости, прибегнуть к тем трем средствам, которые предлагал страшный и умный дух: признать действительным и убедительным могущество «хлеба» над массой, воздействовать на нее посредством «чуда, тайны и авторитета», а также захват земной власти. Только с помощью этих трех крайних средств, превращая людей в невинных, послушных детей, можно вести их к счастью и единению. Всю трагичность добровольной ответственности, весь грех принуждения и обмана должны взять на себя вожди, ради конечной цели — истинного спасения масс. Конец сцены образует безмолвный поцелуй, которым Христос, слушавший Великого Инквизитора с горестным состраданием, отвечает на его речь. Потрясенный Великий Инквизитор отворяет чудесному образу дверь из тюрьмы, но предупреждает Его никогда вновь не возвращаться. «Поцелуй горит на его сердце, но старик остается в прежней идее».

В чем же смысл этой «Легенды»? Было бы крайне поверхностным думать, как это часто делается, что речь здесь идет о критике католической Церкви. Правда, как известно, Достоевский относился к католицизму односторонне полемически, и это его отношение отразилось на внешней форме «Легенды». Но эта полемика не только не исчерпывает смысла «Легенды», но даже не затрагивает ее ядра. Очевидно «Легенда» касается гораздо более общей духовной темы: Она охватывает собой, например, и революционный социализм, который по пророческому прозрению Достоевского несовместим со свободной личностью и неминуемо ведет к тоталитарной деспотии и даже к всеобщему порабощению (см. программу Шигалева в «Бесах»). Содержащаяся в легенде критика направлена вообще против целей той утопии, которая неоднократно формулировалась в истории человечества (от Платона до Ренана) — против намерения передать ответственность за судьбы общества в руки избранного мудрого слоя и достигнуть счастья человечества посредством деспотической власти над безответственной, воспитанной в рабском повиновении массой.

Но и все политически-философские размышления проходят мимо более глубокого смысла «Легенды». Этот смысл заложен в области чисто духовного. Он раскрывает перед нами некую извечную проблематику человеческого духа.

Прежде всего, важно постигнуть, что хотя автор явно согласен с о д н и м из двух противопоставленных друг другу взглядов и борется с другим, речь идет не о поверхностной полемике, а о раскрытии внутренней а н т и н о м и и. Мысль Достоевского вообще диалектична. Он знает и переживает великие вечные противоречия жизни; он знает, что человеческое сердце широко и многообъемлюще; знает он также, что то, что в конечном итоге выявляется как искушение и заблуждение, проистекает из самых глубинных потребностей человеческого естества, а следовательно, в каком-то смысле и в какой-то форме, содержит в себе какую-то, хотя бы и относительную правду. Заблуждения или зло, которых он сам не испытал, не интересуют Достоевского. Его борение — всегда трагичное борение с самим собой. Это верно и по отношению к соблазну, содержащемуся в тезисе Великого Инквизитора. Об этом свидетельствует хотя бы и то, что «Легенду» сочинил и рассказал Иван Карамазов — образ, в котором ярче всего отражаются те отрицания и те сомнения, через которые прошел сам Достоевский.

Главный упрек, который Инквизитор по воле Достоевского делает Христу, заключается в том, что Христос на пути Своего спасения не только не освобождает человека от проблематики жизни, от бремени свободного принятия решений, но что Он, считаясь с достоинством человека, налагает на его плечи неслыханное бремя. Но, как считает Великий Инквизитор, истинное спасение человека заключается именно в его освобождении от проблематики жизни. Ибо эта проблематика и есть то проклятие, которое тяготеет над родом человеческим в результате грехопадения. Несмотря на то мятежное начало, которое было тем самым вложено в человеческое сердце, заветной мечтой человека остается освобождение от проблематики жизни, возврат к райскому состоянию младенческой невинности и простодушия.

Таким образом, основная мысль, определяющая понимание и программу Великого Инквизитора, — это идея з е м н о г о р а я. Спасение означает для него избавление человека от всяческого трагизма, от борьбы и междоусобицы, от сомнений и мук совести, т. е. осуществление и увековечение наивного, простодушного младенческого самосознания, находящегося по ту сторону добра и зла. Мечта о рае на земле, которая представляет собой как бы *restitutio in integrum*, восстановление первоначальной абсолютно гармонической райской жизни, в которой по-

следствия грехопадения попросту аннулируются и отменяются, образует — по личному опыту Достоевского — глубочайшую, сокровенную мечту человеческого сердца. Это тяготение Достоевский излагал неоднократно — и не только в «Легенде о Великом Инквизиторе». В «Подростке», например, главный герой романа, Версиков, предсказывает конечное состояние умирающего человечества: после утраты веры в Бога и идеи бессмертия, человечество охватывает чувство отчаяния, сиротства и предчувствие близкого конца, а отсюда доброта и нежность; страх и жалость друг к другу объединяет людей, которые тем самым обретают под конец грустно-мирное счастье, как бедные, но все же блаженные дети (полная аналогия с развитой Ницше впоследствии в «Заратустре» картиной «последних людей», но без характерного для Ницше презрения к людям). С величайшим восторгом как об исполнении последнего вожелания, мечты о земном рае, о блаженстве младенческой невинности и детского незнания, говорит Достоевский о двух «подлинных» снах — о сне Ставрогина («Бесы») и, в особенности, в рассказе «Сон смешного человека», в одном из глубочайших творений Достоевского. В качестве негативного контрапункта сюда же относится еще один сон, сон Раскольников о странной душевной болезни, поразившей людей, при которой люди, одержимые каждый своей особой верой в добро и зло, истребляют друг друга в страшных религиозных войнах, во всеобщей анархии — как бы картина ада на Земле, прямо противопоставленная сну о земном рае.

Всем этим описаниям земного рая присуща одна общая черта: это — идеальное состояние достигается ценой о т к а з а от творческой тревоги духа. Достоевский не скрывает от нас, что достижение этого райского состояния требует сознательного самоограничения духа, решительного признания духовной неполноценности и незрелости человека. «Нет, широк человек, слишком широк. Я бы его сузил» говорится в «Братьях Карамазовых» при размышлении о страшной божественно-демонической природе эротической красоты. Истинное блаженство лежит только в возврате к младенческой невинности — а для духовно зрелого человека это означает отказ от духовного достоинства. Оно требует возврата к первоначальному состоянию; это движение р е а к ц и о н н о е в глубочайшем, духовном смысле этого слова. Человек каким-то образом заблудился; он должен вернуться к исходному пункту, где он знал блаженство, потому что не был наделен духом или творческим стремлением.

Таким образом, дух противостоит покою и блаженству. Ибо дух есть тревога и мѹка, подрывное начало, делающее человеческую жизнь проблематичной, превращающее ее в трагедию, влекущую за собой мѹки свободной ответственности и внутреннего принятия решений. Соблазн огромной, почти неотразимой силы заложен в мысли, не является ли это мучительное брожение каким-то заблуждением, от которого человек может попросту освободиться как от ненужной и зловредной обузы. Разве противоположное состояние простодушного, недуховного блаженства и покоя не образует единственной и конечной цели человека, к которой влекут его прирожденный природно-животный инстинкт и религиозная тоска его сердца? Сны о земном рае — явное свидетельство о том, что Достоевский сам остро испытал соблазн этой идеи и признался в этом с присущим ему духовным мужеством.

Одновременно, однако, он познает — с огромной, быть может, еще небывалой дотоле силой — потенцию, противостоящую этому почти непреодолимому соблазну. Есть в человеческом сердце темная, нестижимая сила, еще более мощная, чем тяга к спокойному блаженству. Это — сознание собственной с о б о д ы, в смысле внутренней иррациональности и творческой тревоги. Оно то и образует глубочайшее естество человека. Эта чистая, неопределенная потенция, это незавершенное, всемогущее в человеческом духе, эта способность ставить самому себе цели и определять по собственному усмотрению направление своей жизни — разве это нестижимое, иррациональное свойство не есть высочайшее, единственное достояние человека, от которого он просто не м о ж е т отказаться, не совершая акта самоубийства, потому что оно совпадает с его существом как человека. Человек стремится не к счастью и не к покою. В конечном итоге он стремится только к возможности жить воистину как ч е л о в е к, т. е. осуществлять самого себя по своему усмотрению, во всей иррациональности и бессмысленности своей природы. Это безоговорочное восстание против всего нормативного и разумного в жизни, во имя достоинства и незаменимости анархического принципа, Достоевский провозглашает словами угрюмого, ожесточенного человека, героя «Записок из подполья». Предположим, говорит он, достигнуто последнее совершенство гармонии, благоразумия и справедливости в жизненном распорядке людей. Разве не появится тогда нахальный чудак, который скажет: «А не толкнуть ли нам все это благоразумие с

одного разу, ногой, прахом, единственно с той целью, чтобы все эти логарифмы отправились к чорту, и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить?». Причем у этого нахала непременно найдутся последователи. Ибо величайшее благо, к которому стремится человек, самая «полезная польза», которая опускается всеми благоразумными людьми в их расчетах полезности, состоит в том, чтобы он мог каждое мгновение сознавать себя подлинным ч е л о в е к о м, а не клавишей фортепиано, на котором играет кто-то другой.

С точки зрения этой врожденной потребности к неограниченной внутренней свободе, тяга к простодушному блаженству, как к абсолютному покою духовного равновесия — ничто иное как выражение апатии, тяготения к духовной смерти. Правда, говорится в речи Великого Инквизитора, что люди — прирожденные бунтари, но бунтари слабые, трусливые, рабские. Больше всего их страшит бремя их собственной ответственности; они — стадные животные, которым дает удовлетворение только подражание, однообразие приписанного всем мышления. (В другом месте Достоевский как-то говорит, что распространенный между людьми страх перед собственным мнени ем — самое дьявольское искажение человеческого духа.)

Истинный смысл «Легенды о Великом Инквизиторе» познается только в свете этой великой антиномии между младенчески-простодушным блаженством и свободной духовностью. Прежде всего, представление о земном рае обогащается здесь одной важной чертой. Достоевский приходит к заключению, что идеал земного рая, как всеобъемлющего состояния, к которому причастны все люди, вообще неосуществим. Ибо к этому идеалу человека нужно в е с т и, как ко всякому идеалу. Сам же ведущий должен ставить себе эту цель свободно, по собственному внутреннему решению; таким образом, он должен оставить за собой и развивать в себе свободную духовность, прямо противостоящую простодушному блаженству. Так человечество распадется на меньшинство вождей — людей свободных, избирающих добро или зло по внутреннему убеждению, и на подавляющее большинство, образующее послушное стадо счастливых рабов. Для того, чтобы масса человечества достигла этого райского состояния на земле, избранное меньшинство вождей должно взять на себя трагизм духа во всей его тяжести. Человечество только тогда может вкусить блаженство младенческого простодушия, когда оно вос-

питано в духе слепого повиновения ничем не ограниченной власти.

Удел павшего человека — трагика познания добра и зла, необходимость нести ответственность за собственную судьбу — таким образом, в сущности, неизменим. Единственное, что можно сделать — это уберечь б о л ь ш и н с т в о, то-есть рядового человека, от этой трагики, за счет меньшинства, вынужденно возложить на себя это бремя. Более того, с этой целью ведущее меньшинство должно было бы, помимо бремени принятия самостоятельных решений, добровольно взять на себя еще и грех обмана и принуждения других. Ибо цель, то-есть рай земной для всего человечества, достижима лишь при помощи принуждения и обмана, а предпосылкой к этому является пренебрежение к личности большинства людей.

Так обнаруживается трагическая диалектика всякого стремления к простодушному блаженству. Состояние младенческой, не затронутый духом невинности по ту сторону добра и зла, по своей сути предполагает величайшую, граничащую с бесчеловечностью напряженность самовластной духовности, предпосылает взятие на себя г р е х а, вступление на путь, который предлагает нам «страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия». Глубочайшая суть этого греха состоит в п р е з р е н и и к ч е л о в е к у: ибо сожаление о нуждах человечества и выводимая отсюда версия его избавления, освобождения человека от бремени принятия свободных решений основывается на убеждении, что бремя это ему не под силу, что человек — это существо слабое, безрассудное и нуждающееся в покое и опеке. Иными словами, преследование цели блаженного неведения для большинства людей требует уничтожения человека как образа и подобия Божия, требует, так сказать, убийства его духа.

Как же обстоит дело со вторым звеном антиномии — с иррационально-анархической свободой, которая есть своего рода главный признак человека как одухотворенного существа? Истинную антиномию никогда нельзя разрешить путем безоговорочного отрицания наличия одного звена и признания закономерности другого звена. Достоевский далек от того, чтобы безоговорочно утверждать ценность анархически-мятежной свободы. Он до самой глубины разглядел присущую ей диалектику. Ряд трагических персонажей его книг — Раскольников, Ставрогин и Кириллов, а также Иван Карамазов, задуман с тем, чтобы свидетельствовать об этой диалектике. Нагое, лишенное содер-

жание понятие свободы неизбежно перерастает в сознание себя сверхчеловеком, в убеждение, что «смелому все позволено, что ему нигде нет преград» (Достоевский определяет это понятием «Человекобога», в противоположность к «Богочеловеку» — Христу). Диалектика подобного понимания свободы в сверхчеловеке состоит, однако, в том, что абсолютная духовная безграничность, которая, казалось бы, сулит человеку неисчерпаемое богатство, в действительности лишает его всякой внутренней опоры, опустошает и растворяет его существо. Из чистой, бесформенной потенциальности нет исхода, нет перехода к позитивному принятию решений. Абсолютный произвол равен для человека абсолютному бессилию, поскольку он лишает его твердой почвы под ногами. В качестве абсолютного принципа элементарная свобода сама по себе оказывается демоническим потенциалом небытия и саморазрушения.

На выход из этой дилеммы имеется намек в обращенных к Христу словах Великого Инквизитора: «Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за Тобой, прельщенный и плененный Тобою». Свобода, а именно элементарная свобода чистой духовности, способность преодолевать пределы собственной личности, есть неотъемлемая предпосылка духовной и творческой жизни, ибо она есть то единственное, ничем не заменимое состояние, при котором Бог касается человеческого сердца, а человек соприкасается с Богом. К этой предельной глубине человека и обращается Бог. Но свобода становится плодотворной и ведет от потенциальности к положительной актуальности лишь тогда, когда человека воспламеняет л ю б о в ь, то-есть непосредственная любовь к Богу, как к абсолютно прочному началу, красота которого «пленяет и прельщает» человека. Свободно избранная любовь, внутренняя «плененность и очарованность» — вот синтез, преодолевающий противоречие между принуждением извне и безграничной свободой, то, что Гегель называет «aufgehoben». Тем самым устраняется и антиномия идеалов младенческого бесхитростного блаженства и свободной духовности. Преодолеть проклятие, лежащее на человеке со времени грехопадения, после того, как он вкусил плод от дерева познания добра и зла, не в силах ни бездумное блаженство простодушия, ни замкнутое в себе самом беспредметно свободное волнение духа. Напротив: с а м о п о с е б е и т о и д р у г о е демонично. Ибо повсюду, где человек ищет высшего совершенства в с а м о м с е б е, отрешась от Бога — будь

то ради младенческого простодушия и блаженства, будь то ради сверхчеловечности, человекобожественности — повсюду человек поддается соблазну, ступает на обманчивый путь, ведущий к его гибели.

Широкого, легкого пути в рай земной, по которому блаженства можно достичь непосредственно, без труда — такого пути не существует. Человеку не избежать труда и тревоги духовной борьбы, потому что в этом и состоит достоинство и богоподобие человеческого существа. Борьба же эта — в ее замкнутой, изолированной форме, ничто, кроме бесплодной, пожирающей и уничтожающей человека тревоги не дающая — становится творческой, коль скоро ее преобразует добровольная любовь к Богу, дарующая человеку твердую опору. Истинный путь — это не отрицание наличия добра и зла, как бы некоего ненужного, воображаемого бремени. Но этот путь, и не в мрачно гордом восстании против наличия добра и зла. Путь этот — преодоление их трансцендентности, когда добро и зло правят человеком как чуждые силы посредством принуждения, приказаний и запретов. Преодоление трансцендентности, одновременно с которым достигается и свобода и блаженство, коренится в любви — а именно в любви к Богочеловеку, в «свободной плененности» Его красотой. Богочеловек — то-есть одновременно и Бог, и человек — сочетает трансцендентное с имманентным, выводит человека из его изоляции и состояния покинутости Богом — без всякого принуждения, без отрицания свободного, творческого естества человека. Здесь, в его свободной, творческой духовности, не ограниченной и не связанной ничьей властью, и происходит августиновское *transcende te ipsum*, спасательное самоопределение человека, ведущее его к истинной, положительной свободе и блаженству.

Этому истинному, но узкому пути, следовать которому призывает человечество Христос, противопоставлен обманчивый широкий путь Великого Инквизитора. Неправильность этого второго пути — в чем и состоит глубочайший смысл, приданный «Легенде» Достоевским — объясняется в конечном итоге тем, что этот путь основан на взаимодействии обоих вышеупомянутых демонических явлений. Оба эти явления — демоничность сверхчеловека и демоничность блаженства при условии духовного порабощения, самоуничтожения, обуславливают друг друга. Считая себя сверхчеловеком, идя сверхчеловеческим путем, требующим от него презрения к остальному человечеству — именно этим

оправдывает Великий Инквизитор свое намерение вести человечество к тупому блаженству духовного самоуничтожения; отсюда же он черпает и свою уверенность в достижимости этой цели. Однако, если человек, именно б у д у ч и ч е л о в е к о м, не готов нести ответственность за собственную духовную борьбу и самоопределение, не внимая при этом призывам Бога к истинному спасению, без уважения к достоинству каждого человека — то он поддается соблазну в виде двойной, взаимосвязанной демоничности: сверхчеловечность с одной стороны и пребывание в блаженно тупом состоянии порабощенности — с другой. Познание взаимосвязанности этих двух видов демоничности проливает свет на непосредственную тему «Легенды»: проблематичность возможности осчастливить человечество, разделив его на ведущих и ведомых. Правда, быть ведомым — божественный принцип: он необходим человеку, потому что будучи предоставлен собственной изоляции он обречен на самоуничтожение. Однако истинное, окончательное ведение человеком есть ведение его Богом, вернее Богочеловеком, который взывает к каждой человеческой личности, созданной по образу и подобию Божию, для того, чтобы человек умел с а м с о б о й р у к о в о д и т ь. А это, опять таки, возможно лишь с помощью Богочеловека. Всякое иное руководство человеком — при помощи авторитета, строгости, воспитания, привития ему порядка и дисциплины — все это хорошо, необходимо, полезно — но только при условии, что это руководство основано на первичном ведении человека Богом, выводит оттуда свою власть и компетентность. В любом другом случае — это демоничность. И Алеша Карамазов правильно определяет то, в чем Достоевский открыто признается устами Ивана: в зловредности Великого Инквизитора. Алеша разгадывает его единственную тайну, а именно то, что Инквизитор не верует в Бога.

(Перевод статьи был сделан Виктором Франком. К сожалению последние страницы перевода были потеряны. Последняя часть статьи — со слов «удел павшего человека» была переведена Наталией Алексеевной Берггаус в Мюнхене в октябре 1975 г.). Т. Франк

Прот. Александр МЕНЬ *

ЕВРЕИ И ХРИСТИАНСТВО

(Интервью данное сотруднику самиздатского журнала
«Евреи в СССР» (№ 11, 1975) А. Шойхет)

Вопрос: В чем Вы видите причину усилившегося в последнее время притока евреев, преимущественно интеллигентов, в русскую православную церковь?

Ответ: Я не располагаю статистикой в этом отношении, да и вряд ли она вообще существует. Причина же обращения для меня ясна: это поиск высших духовных ценностей. Надо заметить, что движение к вере интеллигенции России вообще началось давно, еще до революции. Среди тех, кто внес свой вклад в «религиозный ренессанс» нашего века, было несколько евреев — философ С. Л. Франк, критик М. Гершензон, литературно-общественный деятель И. Фундаминский и др. Христианизации же евреев в наши дни способствует то, что она теперь не имеет прямой связи с национальной проблемой. Если до революции крещеный еврей автоматически становился «русским», то теперь этого нет. Слова «еврей» и «юдаист» уже больше не синонимы. Еврей-христианин не только не перестает быть евреем, но еще глубже начинает понимать смысл духовного призвания своего народа.

Вопрос: В чем же Вы усматриваете это призвание?

Ответ: Для человека, который верит Священному Писанию, это призвание относится, бесспорно, к религиозной миссии. Это не значит, что евреи более религиозны, чем другие народы. Но в силу того, что через них было дано Откровение и совершено Воплощение, этот народ навсегда посвящен Богу. Таков смысл слов, сказан-

* Протоиерей Александр Мень — по происхождению еврей. Родился в 1935 г., был крещен в раннем детстве и воспитан в православии. Получил высшее биологическое образование, затем окончил духовную академию в Загорске. Является автором ряда крупных богословских трудов, получивших широкое признание. Разговор с о. Александром состоялся во дворе его церкви в г. Пушкине.

ных некогда на Синае: «Вы будете царством священников и народом святым». «Святым» (кодеш) — в данном случае означает посвященность Богу. Когда еврей изменяет этой посвященности, он предаёт себя и легко оказывается во власти темных сил. Избрание — это великая и страшная ответственность.

Вопрос: Какие трудности (объективные и субъективные) испытывают новообращенные евреи в русской православной церкви?

Ответ: Может иметь значение недостаток связи с русской национальной культурой, которой пронизаны традиции русского православия; хотя многие крещеные евреи, в том числе и я сам, высоко ценят духовные сокровища русской культуры: это Сергей Радонежский, Серафим Саровский, Тихон Задонский и русская икона, и русская классическая литература, и передовая русская религиозная мысль. Помехой тут может служить и антисемитизм, который, к сожалению, еще не изжит в некоторых православных кругах.

Вопрос: Испытывали ли Вы его на себе?

Ответ: Пожалуй, нет. За четверть века служения церкви, в том числе семнадцать лет в духовном сане, я его непосредственно не испытывал, хотя мне известно, что некоторые из моих собратьев не свободны от антисемитских настроений. Со стороны же прихожан, которые всегда знали о моем еврейском происхождении, я до сих пор встречаю доброе отношение и даже любовь.

Вопрос: Как Вы относитесь к культам русских православных святых Гавриила и Евстратия, якобы «умученных от жидов»? Не является ли это одним из препятствий для пребывания евреев-христиан в лоне русской православной церкви?

Ответ: Ни одно официальное постановление православной церкви не поддержало ритуальных наветов на еврейство. На процессе Бейлиса выдающиеся православные богословы (такие, как гебраист проф. Троицкий) решительно опровергли эти измышления. Я надеюсь, что эти святые будут деканонизированы. Процессы деканонизации известны русскому православию.

Вопрос: Не могут ли служить также препятствием резкие выпады против евреев, которые есть в христианском богослужении?

Ответ: Эти тексты есть пережиток средневековых нравов. В количестве их уже изъяли. Надеюсь, когда придет время для пересмотра православных богослужебных текстов, эти выпады и здесь будут изъяты.

Вопрос: Некоторая часть евреев-христиан, не желая отрываться от иудейских корней, продолжает совмещать христианские таинства с иудаистскими ритуалами (суббота, древнееврейская пасха и др.). Не есть ли это двоеверие? Не приводит ли это к противоречию, нарушающему религиозную цельность личности?

Ответ: В чем же тут противоречие? Каждый христианский народ, кроме религиозных праздников, имеет и освященные церковью национальные праздники, например, связанные с воспоминанием о чудесном освобождении от вражеских нашествий. Почему бы и евреям-христианам не считать праздником, скажем, день победы Маккавеев — Хануку? Замечу, что и в русской церкви чтят память мучеников маккавейской эпохи (14 августа по новому стилю). В ту эпоху, когда церковь состояла, в основном, из евреев, многие христиане считали, что крещение должно предваряться принятием иудаизма. В связи с этим в 51 году н. э. был созван собор, который постановил, что иудаистские обряды (обрезание, суббота и др.) не обязательны только для христиан из язычников, но сохраняют прежнюю силу для евреев-христиан. Решения этого апостольского собора не отменены. Да и вряд ли можно «отменить» слова апостолов. О частности, относящихся к нашему времени, я судить не берусь. Вопрос этот также подлежит соборному рассмотрению.

Вопрос: Другие еврей-христиане стремятся полностью слиться с русской православной церковью, однако, учитывая сугубо национальный характер этой церкви, не приводит ли подобный шаг всего лишь к элементарной ассимиляции через религию?

Ответ: Ассимиляция происходит и без христианизации. Последняя вовсе не есть отречение от своего народа. Приводя еврея от неверия к вере, христианство возвращает его и к Библии, то есть, к традициям его отцов. Но если крещеный еврей хочет считать себя русским, это его личное дело. Принуждение здесь не должно иметь места. Во всяком случае, для христианина-еврея родство по плоти с пророками, апостолами, девой Марией и самим Спасителем — великая честь и знак двойной ответственности, как члена Церкви и как члена Народа Божьего.

Вопрос: Вряд ли иудаисты согласятся с Вашими словами, что крещение может вернуть еврея к традициям его отцов. По их мнению, еврей-христианин — абсолютный отщепенец, в то время как еврей-атеист все равно остается евреем.

Ответ: Подобная точка зрения для меня совершенно неприемлема, хотя ее происхождение мне понятно. Она — пережиток и

предрассудок той эпохи, в которой, как я уже говорил, крещение всегда означало ассимиляцию. На самом же деле, еврей-христианин и еврей-иудаист связывает не только общность национального происхождения, но и вера в Единого Бога, вера в Священное Писание, общая религиозная этика. Между тем еврей-атеисты ничем, кроме крови, с еврейством не связаны. Если же они при этом подчеркивают свое национальное самосознание, то ведь последнее может быть присуще и еврею-христианину. Об этом я тоже уже говорил.

Вопрос: Наконец, третья группа новокрещеных евреев находит выход из этих трудностей в отказе от всего национального, — как еврейского, так и русского, — и принимает католичество, считая такой путь наиболее последовательным выполнением д у х а заповедей Иисуса Христа. Как Вы к этому относитесь? Известно, что и многие русские (Чаадаев, Печерин, Лунин и др.) шли по этому пути.

Ответ: Мне кажется, что принятие в России католичества (как бы не смотреть на этот шаг) лишает человека постоянного участия в церковной жизни. Не станет же он ездить каждое воскресенье в Прибалтику, где сосредоточены главные католические центры. Правда, чем-то западная церковь, действительно, близка еврейскому сознанию, в частности, духом активности, энергии, деятельным практическим характером. Но в то же время и в Восточной церкви есть много общего с духом еврейства. В общем же, еврей-христиане, как и христиане любой национальности, должны ориентироваться не на конфронтацию с церковью, а на единую Вселенскую церковь будущего.

Вопрос: В последнее время появились планы создания Еврейской Христианской церкви с богослужением на иврите. Созрели ли для этого уже возможности?

Ответ: Да, действительно, есть несколько храмов этого рода в Израиле. Эта община носит имя святого Иакова, Брата Господня, первого епископа Иерусалимского; Богослужение там идет на иврите и приближено к синагогальному. Община святого Иакова входит в католическую юрисдикцию. Имеет ли она сегодня перспективу, мне трудно судить. Строго говоря, иудаизм никогда не был монолитен, и в нем было немало различных течений. Иудаисты могут смотреть на общину святого Иакова как на одно из них.

Вопрос: Должна ли эта церковь, по Вашему мнению, находиться в юрисдикции одной из вселенских церквей или же представить

собой совершенно автокефальную единицу, наподобие Армянской церкви?

Ответ: Конкретное место Еврейской церкви в ряду прочих церквей я предвидеть, разумеется, не могу. Убежден лишь, что она должна иметь апостольское преемство. Никакая «самодеятельность» в этом отношении недопустима. Поэтому пока общины евреев-христиан немногочисленны, они должны входить в юрисдикцию одной из апостольских церквей. Их отношения между собой и с евреями-христианами различных протестантских конфессий, которые есть и в Израиле, могли бы определяться Национальным советом евреев-христиан Израиля (по типу Национального совета церквей Америки), как интегрирующей экуменической организацией, обнимающей все еврейское христианство. Со временем эти общины смогут соединиться в автокефальную еврейскую церковь.

Вопрос: Должна ли Еврейская христианская церковь повторять структуру уже сложившихся христианских конфессий? Какие отвергнутые ими еврейские мотивы и ритуалы она может, на Ваш взгляд, ввести в свое богослужение? В частности, я имею в виду синагогальные напевы и молитвы, а также отставленные церковью на задний план дни памяти пророков и патриархов.

Ответ: Это вопрос второстепенный и решить его должна сама поместная (еврейская) церковь. Многие еврейские молитвы вполне соответствуют христианскому духу и их, вероятно, захотят включить. Но это их дело. Напевы же во всех национальных церквях повсюду своеобразны. Здесь нет никакой унификации. Даже католики от этого отказались.

Вопрос: Считаете ли Вы перспективным диалог между русской православной церковью и руководителями еврейской общины в СССР? Какую роль в этих экуменических контактах могут сыграть православные евреи, которые по своим корням принадлежат к обеим ветвям «религии Авраама»?

Ответ: В Советском Союзе бывают контакты между русской церковью и синагогой по вопросу борьбы за мир. Больше мне по этому поводу сказать нечего. Впрочем: пожалуй, община святого Иакова или подобные ей организации, смогут, вероятно, в будущем сыграть свою роль при возникновении диалога христиан и иудеев.

Вопрос: Христианская церковь присвоила себе наименование «Новый Израиль», тем самым подчеркнув, что отныне только ей

принадлежит избрание и обетования, а еврейский народ отвергнут Богом. Как Вы на это смотрите?

Ответ: Израиль возник не как нация, а как религиозная община (кагал), и в дальнейшем он более представлял собой «церковь», нежели расу. Христианство раздвинуло границы этой «церкви», включив в нее все народы. В этом оно исполнило чаяния пророков. На вопрос, отвергнут ли с тех пор Израиль, я могу только привести слова апостола Павла: «Неужели Бог отверг народ свой? Никак. Не отверг народа Своего, которого Он наперед знал». Даже указывая на вражду подавляющего большинства иудеев к Христу, апостол говорил, что они, тем не менее, «в отношении к избранию — возлюбленные Божии, ибо дары и призвания Божия непреложны». Хотя с приходом Христа все народы стали сынами Божиими, Израиль, как народ, по слову апостола, сохраняет свое избранничество, оставаясь сыном-первенцем.

Вопрос: Что Вы скажете о возрождении русского шовинизма в неофициальных православных кругах (журналы «Вече», «Московский сборник», «Земля»)?

Ответ: Мне всегда претил любой шовинизм, будь он русский, еврейский или китайский. А для христиан он вообще позорен. Что же касается антисемитизма тех православных, которые именуют себя «почвенниками», то это старая песня. В любую эпоху люди не любили говорить о собственной вине, а охотнее искали разных «козлов отпущения». И нечего здесь спекулировать на православии. Именно христианство учит любить не только свой народ и свою родину, но и с любовью относиться ко всем, независимо от их веры или нации. И кроме прочего культура России, Европы, Израиля и большинства других стран строилась на основе синтеза. Шовинизм это игнорирует и тем самым подрывает ее живые творческие корни.

Вопрос: Могу ли я поделиться Вашими соображениями со своими друзьями?

Ответ: Я думаю, в нашем разговоре нет ничего секретного. Все сказанное вытекает из моих глубоких убеждений, веры и сана. Я этого никогда не скрываю.

ЗАМЕТКИ К СТАТЬЕ Д.В. ГРИШИНА
«БЫЛ ЛИ ДОСТОВСКИЙ АНТИСЕМИТОМ?»

Статья проф. Д. В. Гришина очень обстоятельна, автор ее использовал и редкий газетный материал, а вместе с тем по ее прочтении нет ясного представления об антисемитизме Достоевского, но остается в силе знак вопроса. С одной стороны указано на пропуски в издании писем Достоевского, если они отдавали юдофобством, подчеркнута мысль писателя о «Status in Statu» и у наших русских евреев. А если так, то как же они могут не стать, хотя отчасти, в разлад с корнем нации, с племенем Русским?.. Вы ненавидите Русских, и именно потому только что Вы Еврей». После этих слов Достоевского Д. Гришин цитирует с другой стороны слова писателя: «Когда и чем заявил я ненависть к еврею, как к народу?» Далее Д. Гришин говорит о ненависти Достоевского к банкирам и предпринимателям евреям, добавляя: «Но это только одна сторона дела. Есть и другая, которая объясняет почему Достоевский враждебно относился к евреям» (курсив мой). Оказывается — «Все евреи эксплуататоры». Или: «Если все до единого лгут (на евреев) и обуреваемы такой ненавистью, то с чего-нибудь да взялась же эта ненависть» (слова Достоевского). На стр. 81-82 профессор Гришин подчеркивает: «Взгляды Достоевского не отличались последовательностью, а скорее противоречивостью... Его отношение к евреям предопределяла одна идея, идея о том, что евреи готовятся к захвату власти над миром». Разве этого не достаточно? — спросит читатель, не объясняет ли это и всю ненависть писателя к евреям? Далее проф. Гришин справедливо замечает: «Достоевский верил в эту легенду, верил в то, что евреи являются грозной опасностью не только для России, но и для мира... Обвинения Достоевского произвольны, но, как видно, он был всецело во власти определенной теории, которая существовала с незапамятных времен» (Д. Гришин, стр. 84). По моему мнению и по статье проф. Гришина, Достоевский явный антисемит. Сказать правду, я не думаю, что Достоевский знал книгу Б. Дизраэли-Биконсфильда «Lord H. Bentinck: a Political Biography. London, 1852». Р. Гришин говорит о том,

*) См. Вестник РХД № 114, стр. 73. Ответ Р. Плетнева был уже набран, когда пришло известие о смерти в Мельбурне проф. Д. Гришина.

что Дизраэли посвятил целую главу еврейству: «Эта глава была очень мало связана с содержанием книги». Последнее не совсем верно и вот почему: Во-первых, точный титул книги Б. Дизраэли «Lord George Bentinck: a Political Biography...». Лорд Бентинк был крупнейшим английским политическим деятелем, сильнейшим противником Роберта Пиля и его внутренней политики, а равно и так наз. «хлебного закона». Советником же лорда Бентинка и был Бенджамэн Дизраэли. Лорд Бентинк поддержал своим авторитетом в парламенте билль, устранявший «неполноправность евреев» («Jewish disabilities»). Этим и объясняется особая глава в книге Б. Дизраэли о евреях. Во-вторых, кроме этого не столь существенного замечания, мне кажется необходимым ясно суммировать впечатление от всех нам известных высказываний Достоевского. Да, он был антисемитом, но нередко искал выход из своих противоречивых утверждений.

В «Дневнике писателя» (март, 1877 г.) в двух отделах третьей главы писатель говорит о докторе Гинденбурге и его похоронах в городе М. (= Минск). Барон фон Гинденбург (Бенекендорф) был полиглотом и прекрасным врачом-бессеребренником. Это был добряк — благодетель бедняков любой нации. О нем, родном дяде моей бабушки по матери, я написал некогда большую статью*). Меня интересовала идея примирения, выдвинутая Достоевским при рассказе о «святом докторе-протестанте». Сам по себе Достоевский часто то бранил немцев, то ими восторгался. В упомянутых отделах «Дневника писателя» Достоевский говорит между прочим и следующее: Доктор однажды, не имея в бедной хате пеленок для новорожденного еврейчика, снимает с плеч свою рубашку. «Все это видит сверху Христос, и доктор знает это: этот бедный жидок вырастет и может снимет и сам с плеча рубашку и отдаст христианину, вспоминая рассказ о рождении своем», — с наивной и благородной верой думает про себя старик... А доктор в праве верить, потому что уж на нем сбылось: «исполнил я, исполнит и другой; чем я лучше другого?» Далее писатель указывает на роль и значение доброго доктора: «Этот общий человек, хоть и единичный случай, а соединил же над гробом своим весь город. Эти русские бабы и бедные еврейки целовали его ноги в гробу, теснились около него вместе, плакали вместе... Да ведь в это мгновение почти разрешен хоть бы этот самый «еврейский вопрос!» Ведь пастор и раввин соединились в

*) «Руль» № 3099.

общей любви... Эти-то «общие человеки» побеждают мир, соединяя его... А уверовав в то, что это действительно победители, и что такие действительно «наследят землю»**)... Нужно очень немного таких, чтобы спасти мир, до того они сильны. А если так, то как же не надеяться?» Писатель мечтает, что доброта, христианское служение ближним до забвения о себе, смогут, может быть, решить даже еврейский вопрос, победив любовь и ненависть и презрение.

Следует еще отметить и вольные или невольные изменения Достоевским в тексте апокрифа о «Хождении Богородицы по мукам». В части второй «Братьев Карамазовых» Иван пересказывает, с цитатами, легенду «с картинами и со смелостью не ниже дантовских... И вот, пораженная (муками грешников в аду) и плачущая Богоматерь падает перед престолом Божиим и просит **всем** во аде помилования, всем которых она видела там, **без различия...** Она велит всем святым, всем мученикам, всем ангелам и архангелам пасть вместе с Нею и молить о **помиловании всех без разбора...**» (курсив мой). Тут много от фантазии писателя и кажется не его одного! В ценной статье С. Левицкий говорит о Бердяеве и его этике («Новый журнал», № 119). С. Левицкий цитирует Н. Бердяева: «Спасение может быть только всеобщим», а от себя добавляет: «Эта мысль, близкая Оригену и русскому нравственному сознанию (вспомним апокриф о Богородице, сходящей в ад), снова оживает в этике Бердяева» (стр. 241). Увы, во всех известных мне древне-русских текстах апокрифа о «Хождении Богородицы по мукам» и в греческо-византийском оригинале в издании Г. Дестуниса, все не по Достоевскому или Левицкому. Первое научное издание текста апокрифа по церковно-славянски было в 1862 г. в памятниках изд. графа Кушелева-Безбородко, III, стр. 118. Там читаем: Богородица вопиет — **«Не молюся за неверные жиды, но за крестьяны (христиане) молю Твое милосердие».** Мало этого, Богородица, узнав от архистратига Михаила об особом грехе и муках некоего грешника, замечает кратко и ясно: «Яко же сотворил (есть) тако приемлет» (мучения). Евреи исключены Богородицей в текстах изд. Срезневского, Бокадорова, и Дестуниса. Я бы очень хотел найти другой текст в духе Достоевского и Левицкого, но не могу. Оба они вольно ли, невольно ли слегка препарируют текст. Как угодно, а по моему, Достоевский «по христиански» изменил кое-что в апокрифе и убрал из него антисемитизм.

**) От Матфея гл. V, ст. 5.

Прот. Александр ШМЕАН

ОТВЕТ СОЛЖЕНИЦЫНУ¹⁾

1.

Если бы «Письмо из Америки» не было написано автором **Архипелага ГУЛаг** и **Августа четырнадцатого**, на него можно было бы не отзываться. Но его написал Солженицын, человек изменивший воздух, которым мы дышим, сказавший слова, которые очистили и возродили **слово**, прорубивший ложью и подлостью замурованный доступ к совести и правде. Человек, каждое слово, каждая строчка которого заслуживает поэтому предельного внимания. А если так, то молчание — при коренном несогласии с ним — было бы изменой и ему, изменой тому призыву жить не по лжи, что составляет духовный двигатель его писательского служения.

Итак, скажу прямо, что «Письмо из Америки» вызвало во мне глубокую обиду, но только обиду не **на** Солженицына, а **за** него. Правда, в письме этом при желании можно было бы найти немало оснований для обиды — не личной, конечно, а «церковной» — и **на** Солженицына. Так, горестное недоумение вызывают — непроверенность фактов, повторение, очевидно с чужих слов, ложных сведений, голословность иных обвинений и, больше всего, пронизывающее его здесь и там, непонятное раздражение... Однако, после второго и третьего чтения, обида эта как бы растворяется, и исчезает желание спорить с Солженицыным даже о самых вопиющих, допущенных им, ошибках. Почему? Да потому что очевидным становится, что само то письмо, в сущности, не о наших «церковных делах» — успехах, промахах, разделениях и т. д., а о чем то другом. Что все эти ошибки — в фактах, суждениях, оценках — не причина, а результат какой-то неизмеримо более глубокой ошибки, которая и вызывает обиду не **на**, а **за** Солженицына и о которой одной только и стоит говорить.

¹⁾ См. А. Солженицын. Письмо из Америки. Вестник РХД, № 116, стр. 121.

Поскольку, однако, темой письма является Церковь, необходимо начать хотя бы с нескольких слов о **подходе** Солженицына к этой теме. Ибо, как это ни горько сказать, подход этот сродни тому странному, почти всегда бессознательному, но и несомненному, презрению к Церкви, которое издавна присуще русской интеллигенции (не в узком, а в широком смысле этого словосочетания, означающего здесь русский образованный класс) и которое не исчезает даже и тогда, когда русский образованный человек возвращается к религиозному мировоззрению и даже к «церковности».

О причинах этого презрения, многие из которых несомненно укоренены в печальных сторонах русской церковной действительности, здесь можно не говорить. Но сущность его ясна и определить ее можно приблизительно так: в отношении Церкви (подчеркиваю: я говорю именно о Церкви, а не о вере или религии вообще) русский образованный человек не считает себя связанным теми принципами и правилами, которые для него самоочевидны и элементарны в любой другой области. В первую очередь это относится к действительно элементарному, казалось бы, требованию **знать** то, о чем говоришь. Как это ни странно, но в том, что касается Церкви, ее учения, внутренних законов, внутренней «логики» ее устройства и всей ее жизни, простой намек на такое требование вызывает у большинства русских образованных людей, даже верующих и церковных, настоящее раздражение, словно требуют от них чего-то не только невозможного, но, по сути дела, и ненужного. Ненужно же оно потому, что к Церкви такой образованный человек подходит, и ее воспринимает, не знанием, а **чувством**, и это — никаким знанием не проверенное и не очищенное — чувство и есть для него единственное мерило всего в церковной жизни. Я даже не говорю о богословии в прямом смысле этого слова — оно, не без вины, возможно, самих богословов, так никогда и не вошло в ткань русского «образования», осталось ему чуждым. Но такое же удивительное невежество и тот же отказ невежество это считать изъяном и недостатком, характеризуют отношение нашего образованного класса и к богослужению и к церковному устройству, ко всему, что включено в понятие церковной жизни. Это не мешает, однако, русскому интеллигенту с апломбом судить об этой

жизни и о самой Церкви. Тут сказывается вторая присущая русскому интеллигенту черта: отсутствие в нем смирения перед Церковью, нечувствие ее «иноприродности» по отношению ко всем другим областям жизни. Пускай подсознательно, на глубине души, но он убежден, что он **нужнее** Церкви, чем она ему и потому, едва переступив ее порог, он начинает не столько спасаться в ней, сколько **спасать ее...**

И вот, хотя бы и отчасти, но подход этот чувствуется, увы, и в письме Солженицына. Ведь, вот, возьмем ли мы «**Архипелаг ГУЛАГ**» или «**Август Четырнадцатого**», эти две — для меня — вершины солженицынского творчества, нас не может не порадовать, прежде всего, то подлинное **знание**, что лежит в основе этих произведений, и то усилие, что вложено в приобретение этого знания, усилие не только ума и памяти, но и того, что в одной из прежних моих статей о Солженицыне я назвал творческой совестью. Во всем, о чем он пишет в этих книгах, хочет дойти Солженицын до последней правды, до нравственного права сказать, как сказал он в первых строках **Архипелага**: — «все было именно так». В **Августе Четырнадцатого**, например, целые главы посвящены кропотливому, техническому анализу военных действий, для читателя подчас непосильному, однако в сознании и совести автора необходимому для того, чтобы правда вывода была укоренена в правдивости подхода. И именно эта совесть и правдивость делают творчество Солженицына **художественным исследованием**.

Но, вот когда говорит Солженицын о Церкви, почему-то не чувствует он, повидимому, потребности в «исследовании», в изучении и проверке, в узнавании и взвешивании узанного на весах творческой совести. Тут достаточными оказываются несколько впечатлений, несколько эмоционально окрашенных переживаний, несколько разговоров и над всем доминирующее чувство, раздраженно и презрительно противопоставляемое «формалистическим умам». Допустил ли бы он, например, в **Августе Четырнадцатого** то, что допустил в своем письме: смешение двух совершенно различных, и по времени и по сути, событий — возврат, в конце прошлого столетия в Америке, униатов в лоно православия и уход из русской канадской епархии, вскоре после революции, православных, а не униатов, украинцев? Позволил бы себе привести, не проверив ее, чью-то злонамеренную клевету о подписании в Москве молодым американским епископом

какого-то «измененного соглашения»? Я не собираюсь здесь ни перечислять такого рода ошибок, ни отвечать на них. Я только дерзая утверждать, что такого подхода — без проверки, без досконального исследования — Солженицын не позволил бы себе ни в одной другой области, будь то движение русских корпусов в Восточной Пруссии, Ленин в Цюрихе или созревание зловещего архипелага... Там — он все проверил, все, что мог — узнал, взвесил и оценил своей творческой совестью. Здесь — не только говоря о Церкви, но фактически и вынося суд над нею, — он этого не сделал...

Почему? Как же он мог оказаться причастным тому презрению, ни иоты которого не найдем мы у него в отношении даже заклятых его врагов — Сталина, Ленина, «голубых кантов», в освобождении от которого вся сила и вся правда его творчества? Только этот вопрос, и именно потому что затрагивает он самые глубины солженицынского **видения**, и ставит перед нами его «Письмо из Америки», только на него и стоит постараться найти ответ.

3.

Ответа же этого искать следует, по моему глубокому убеждению, не в том, что Солженицын пишет о «церковных делах» и, тем паче, разделах — которые в конце своего письма и называет-то он **ничтожными** — а в его постоянной, напряженной, с первого взгляда даже непонятной, сосредоточенности на **старообрядчестве**. Не случайно, конечно, во всем том, сравнительно с объемом его творчества, немногим, что написано им о Церкви и ее «проблемах», такое центральное место отведено именно старообрядчеству и старообрядцам. И, по-моему, глубоко ошибаются те, кому это кажется каким-то непонятым капризом, чуть ли не блажью, чем-то, что, во всяком случае, не имеет прямого отношения к главной магистрали его творчества. Я убежден, напротив, что тема эта не только не «побочная», но ключевая для понимания того **ответа**, каковым в каком-то глубоком смысле является все творчество Солженицына.

О чем бы ни писал Солженицын, по существу занят он одним вопросом: **как началась гибель России, в чем сущность этой гибели и в чем спасение от нее?** И именно в свете этого вопроса тема о старообрядчестве раскрывается во всем своем значении. В ней ключ не только к подходу Солженицына к Церкви, но и к его восприятию исторической и духовной трагедии России.

Свое «художественное исследование» гибели России Солженицын начинает с рокового лета 1914 года, когда один за другим завязываются узлы уже неминуемого страшного революционного обвала. В том-то все и дело, однако, что для Солженицына начало это есть, на деле, **эпилог**, трагическая развязка другой, неизмеримо более глубокой и продолжительной трагедии, которая свое начало имеет в национально-религиозном кризисе 17-го века. Именно тогда, как утверждает Солженицын в заключительных словах своего письма — «началась гибель России», так что не будь того обвала, — «не в России бы родился современный терроризм и не через Россию пришла бы в мир ленинская революция», ибо — «в России староверческой она была бы невозможна...»

Мы читаем эти слова и сразу же чувствуем: нет, тут не обмолвка, не риторическое преувеличение, не «красное словцо». Мы чувствуем: **тут**, а не в поверхностных, «сверху вниз», рассуждениях о заслугах и грехах зарубежных «юрисдикций», весь интерес, вся страсть, все внимание Солженицына. Там — сердце его не затронуто, а если и затронуто, то только по отношению к этой, главной для него, теме. **Тут** — оно все целиком, во всей своей страсти и боли.

А если так, то бесконечно важным становится вопрос о том, прав или неправ Солженицын в этих своих утверждениях и в стоящей за ними интуиции? Прав ли он, утверждая, что на всех многочисленных «разрывов и связей» русской истории, именно тот давний кризис начал и изнутри определил собой гибель России, есть источник того духовного зла, что в конце концов восторжествовало в ленинской революции?

4.

Необходимо сразу же подчеркнуть, что тема старообрядчества у Солженицына состоит не из одного, а из двух утверждений, которые формально одно с другим не обязательно связаны и не обязательно одно из другого вытекает.

Первое утверждение можно назвать нравственным, потому что в центре его стоит грех гонения на старообрядцев. По Солженицыну, гонением этим «официальная» Россия, и государственная и церковная, совершила страшный грех и этот грех, поскольку она не раскаялась в нем, отравляет ее сознание и совесть, делает ее в глубоком нравственном смысле Россией **пад-**

шей, а потому и бессильной против того зла, что постепенно, как раковая опухоль, распространялся по ее организму. Отсюда — призыв к раскаянию перед старообрядцами, призыв, обращенный в первую очередь к «никонианской» Церкви, как основной виновнице этого нравственного преступления и носительнице этого национального греха.

Суть же второго утверждения в провозглашении правоты «староверия» и, соотносительно, неправоты «официальной» России, уже **по существу**: «в России староверческой ленинская революция была бы невозможна». Что же могут означать эти слова, как не то, что с осуждением старообрядчества и исключением его из русской истории, совершилось самоотречение России, обрыв национальной традиции, утеря Россией своего внутреннего облика, души, призвания? Тогда как старообрядцы, даже и веками оторванные от родной земли, эту подлинную Россию сохранили. Солженицын пишет: «видеть как сохранился их национальный облик, народный нрав и слышать их сохраненную речь — нигде на всем Западе и далеко не везде в Советском Союзе почувствуешь себя настолько в России, как среди них...». Таким образом, именно «от бездушных реформ Никона и Петра... началось вытравление и подавление русского национального духа», так с кризиса 17-го века началась гибель России...

Я назвал два эти утверждения разнородными, потому что они действительно относятся к совершенно разным планам суждений и оценок. Сколь бы ни был нравственно-осудителен факт гонения (первое утверждение), сам по себе он ведь не доказывает правоты гонимых (второе утверждение). Увы, история Церкви и, шире, так называемого «христианского мира», переполнена гонениями на всевозможных «инакомыслящих». И, однако, очевидно, что оставаясь навсегда грехом и стыдом христианской истории, гонения эти не превращают ересь в истину, заблуждение в правду. И, следовательно, отвратительный факт гонения на старообрядцев ни снимает, ни разрешает вопроса об их правоте или неправоте по существу в том трагическом конфликте, который в 17-м веке разделил русское церковное и общественное сознание.

Подчеркнуть же эту разнородность необходимо, потому что сам Солженицын либо не видит, либо не хочет видеть ее. Два утверждения он как бы сливает в одно и неясным становится — в чем же должны мы (т. е. те, кого Солженицын называет «никонианами») каяться — в том ли, что наследственно разделяем

и несем грех гонения на старообрядцев или же в том, что изменили древнему православию и стали «новообрядцами»? И что питает его собственное страстное и вдохновенное обличение и призыв: раскаяние за гонение или же глубокая идейно-утробная солидарность со старообрядчеством? Поставить эти вопросы ребром заставляет меня не «формалистическая» склонность ума, а столь же страстное желание понять Солженицына, ибо, повторяю, слишком огромно и единственно место его в процессе прояснения и исцеления русского сознания, чтобы осталось здесь что-либо неясным, недоговоренным и двусмысленным.

5.

Начнем с первого утверждения Солженицына — о грехе гонения, и с первого призыва — к покаянию перед старообрядцами. Я совершенно убежден, что сегодня не найдется ни одного русского православного человека, который не согласился бы с Солженицыным в его безоговорочном нравственном осуждении государственно-церковного преследования — «огнем и мечем» — старообрядцев. Но именно поэтому и его настойчивое требование раскаяния и покаяния отдает — во всяком случае на мой слух — отвлеченностью и риторичностью. Ибо если под раскаянием общим — государственным, национальным, церковным, в отличие от раскаяния личного, разумеется постепенно совершающуюся в национальном или церковном сознании **переоценку** того или иного события прошлого, и переоценку именно нравственную, то такая переоценка и, следовательно, раскаяние в отношении трагических событий 17-го века **уже совершились**. Я не знаю ни одного церковного историка, ни одного богослова, ни одного православного мыслителя, который не подписался бы под выводом покойного проф. А. В. Карташова: «вся эта неистовая трата драгоценной духовной энергии и религиозного героизма не может не вызвать в нас горестного сожаления. Как много сил потеряла наша русская Церковь от нетактичного проведения книжной sprawy и от всего поведения патриарха Никона» (*Ист. Русской Церкви*, II, 241). Общий очерк этой покаянной переоценки можно найти во введении и к последнему по времени русскому труду на эту тему — в *Русском Старообрядчестве* проф. С. А. Зеньковского (1970). И хотя, как замечает Зеньковский, тут предстоит еще много работы, вряд ли подлежит сомнению сам факт глубокого и именно нравственного осуждения русским и

церковным и общественным сознанием бессмысленного и греховного гонения, воздвигнутого на целый слой русского народа. Не существует уже давно и апологетов патриарха Никона, так что вряд ли термин «Никонианская» справедлив в применении к Русской Церкви. Напротив, уж если что характерно в ставшем общепринятым подходе к нему, так это, как раз, почти преувеличенное*), страстное осуждение его, отдающее ненавистью («нелепые затейки неистового Никона» — С. А. Зеньковский).

Что же касается нашего светского общества, как «прогрессивного», так и «консервативного», то в нем уже в 19-ом веке началось настоящее увлечение старообрядчеством, его бытом и укладом жизни, его архаичной целостностью, сохраненной им традицией древне-русской иконописи и кустарного искусства, а также и его социально-экономическими успехами. Поэтому в словах Солженицына о том, что старообрядцы «зануганы и затравлены», я не могу не видеть по меньшей мере преувеличения. И уж во всяком случае не затравленностью или запуганностью объясняется то, что «они и христианами нас почти не почитают, они и в притворе своего храма не разрешат нам перекреститься ни по своему, ни по ихнему», а чем-то совсем другим, что и переводит нас ко второму солженицынскому утверждению.

6.

«В России староверческой ленинская революция была бы невозможной». Скажу прямо: именно в этом утверждении Солженицына, составляющем как бы средоточие, идейно-психологический «фокус» его письма, вижу я основную ошибку, основную потому, что относится она не ко всегда исправимым частностям, а к солженицынскому восприятию всей русской трагедии. Поэтому и этот мой, поневоле краткий, ответ ощущаю я как одновремен-

*) преувеличенное, потому что далеко не все идеи Никона были неверными. Как пишет о. Г. Флоровский «свою идею священства Никон нашел в святоотеческом учении, особенно у Златоуста. Кажется, он и в жизни хотел бы повторить Златоуста. Может быть не всегда он выражал эту идею удачно и осторожно, и пользовался иногда и «западными» определениями. Но он не выходил при этом за пределы отеческого воззрения, когда утверждал, что «священство» выше «царства». В этом вопросе против него оказались не только греки... В этом вопросе против Никона были и ревнигели русской старины «старообрядцы». И для них «Царствие» осуществлялось скорее в Царстве, чем в Церкви... Это и есть тема раскола» (Пути Русского Богословия, 67).

но и вопрос, обращенный к Солженицыну и продиктованный не раз исповеданной мною верой в его призвание быть «экзорцистом» русского сознания, освободителем его от завладевших им соблазнов.

Между тем, именно таким соблазном звучит для меня утверждение Солженицына. Оно поражает меня в устах писателя, первым сказавшего горькую, но и целительную, правду о духовных изъянах русской судьбы, первым обличившего губительную сущность всяческого «идеологизма». Кто кто другой, но Солженицын — думается мне — не может не понять, что если что-либо сделало ленинскую революцию в России возможной, а может быть и неизбежной, то это как раз то, что впервые с такой силой проявилось в старообрядческом расколе, то, чего раскол был первым, но, увы, не последним «взрывом», и что так метко определил о. Г. Флоровский, назвавший раскол — «первым припадком русской беспочвенности, отрывом от соборности, исходом из истории».

Именно тогда если не возникли, то впервые с такой интенсивностью, проявили себя столь часто присущие русскому сознанию — как искушение, как соблазн — одержимость ложными абсолютизмами, легкость разрывов и отрывов, уход из истории, и это значит — из медленного подвига и делания, из ответственности, из «труда и постоянства» — в апокалиптический испуг и утопию, неспособность к трезвости и самопроверке, к различению духов — от Бога ли они... Потому так соблазнительно нечувствие всего этого теми, кто, зачарованные старообрядчеством, как якобы чудесно сохранившимся куском подлинной, древней, неповрежденной России, за внешней верностью «старому обряду» и «быту» не различают изначального пафоса раскола как пафоса именно испуга и отрицания, не ощущают как раз новизны породившего его мироощущения.

Новизны, прежде всего, самой веры, религиозного опыта. С богословской точки зрения, которую у нас, увы, и всерьез то не принято принимать, меньше всего по отношению к исконной вселенской вере Церкви было в старообрядчестве именно «староверия». Напротив, почти сразу же оно превратилось в радикальное **нововерие**: «убежали от новизны пустяковой и вошли в дебри новизны сплошной догматической» (А. В. Карташов). Ибо для оправдания своего разрыва и с Церковью и с Царством, т. е. основными «координатами» собственного своего мировоззрения, раскол должен был подменить веру Церкви радикальной апока-

липтической схемой, действительно страшным, неслыханным учением об оскудении и «уходе» благодати. Потому старообрядчество «должно было фактически создавать новую «старую» веру, без иерархии, без церквей, без полноты таинств, и придумывать новый «старый» обряд, который во всяком случае в части старообрядческого движения был по существу гораздо более радикальным нововведением, чем все «никонианские» новшества...» (С. А. Зеньковский). Но неужели степень нашего равнодушия к **содержанию** веры такова, что все это еще нужно доказывать? Неужели не ясно, что в плане веры и религиозного опыта раскол был вспышкой — на русской почве и в русском сознании — того, уже на заре христианства осужденного, **соблазна о Церкви**, который красной нитью проходит через всю историю христианства и сущность которого, на последней глубине, в действительно **еретическом** отрицании Богочеловечества, а потому и Церкви, как богочеловеческого организма, вечно изнемогающего в своем земном странствовании, но вратами ада не одолимого «до скончания века...». И потому совсем не обряды и обычаи, и не загнанность и запуганность, а **вера** разделяет старообрядчество и православие, или точнее — **нововерие** старообрядчества, несовместимое с верою и преданием Церкви. Потому и никакое примирение и воссоединение не будет подлинным, если не будет оно основано, как и все в Церкви, на единстве веры...

7.

Новой в старообрядчестве была не только вера. По слову Костомарова, сам «раскол был явлением новой, а не древней жизни». И в истории русского сознания старообрядчество можно определить как первое явление того **идеологизма**, которому суждено было стать одним из самых роковых факторов всей дальнейшей русской истории. Идеологизмом я называю сам факт плененности и одержимости сознания идеологией, сущность которой всегда в сочетании отвлеченной и утопической идейной схемы с абсолютной верой в ее практическую «спасительность» и с фанатическим волевым подчинением ей действительности. И именно идеологией, больше чем религиозной сектой, был и остался раскол в своем основном потоке. В нем можно распознать все те черты, которые в таком страшном изобилии пришлось с тех пор, в века расцвета и торжества «идеологизма», испытать и России и миру.

Как и всякая идеология, раскол в истоках своих был «вспышкой социально-политического неприятия и противодействия, социальным движением — но именно из религиозного самочувствия» (Флоровский). Как и всякая идеология, раскол был, прежде всего утопией — «его мечта была о здешнем Граде, о граде земном, теократическая утопия, теократический хилиазм». Ибо в основе всякой идеологии лежит всегда определенное и целостное истолкование истории, абсолютизация одной историософской схемы, которая, будучи принята как абсолютная истина, уже не подлежит проверке «действительностью», а, напротив, сама становится единственным критерием ее понимания и оценки. Накинув, как и всякая идеология, свой идеологический аркан на историю, старообрядчество оказалось — как и всякая идеология — слепым к истории, к действительности, неспособным ничего в ней увидеть, распознать, оценить и переоценить, твердокаменно-неподвижным как в отрицаниях своих, так и утверждениях. И опять таки, причиной этому не «гонение», которое не помешало старообрядцам в России развить большую социально-экономическую активность и достичь значительных успехов и хозяйственного благополучия, а та глухая стена, которую неизменно воздвигает вокруг себя «идеология» и которой всегда отделена она от живой жизни и реальной истории...

Говоря о том, что старообрядчество оказалось первым явлением в России «идеологизма», я, конечно, ни минуты не утверждаю, что между старообрядчеством и другими идеологиями, позднее пленившими русское сознание, существуют какая-либо причинно-следственная связь или прямое преемство. Конечно нет, тем более, что «утопия» старообрядчества была утопией прошлого, тогда как через пресловутое петровское «окно в Европу» полился к нам западный утопизм будущего. Я утверждаю только, что дальнейшее, прогрессирующее пленение русского сознания этими идеологическими утопиями, сам этот роковой «идеологизм», чем дальше, тем больше раздиравший Россию, были проявлением тех же психологических соблазнов, того же двусмысленного — ибо «светом разума» не проверенного и не очищенного — максимализма, которые как пожар вспыхнули уже в расколе. И этим, возможно, и объясняется то притяжение к старообрядчеству, та парадоксальная симпатия к нему, которую мы находим у русских радикалов как «левого», так и «правого» толка: в старообрядчестве им импонирует именно его «сто процентность» и в отрицаниях и в утверждениях, та **стойкость** и **непри-**

миримость, которые действительно присущи всякому идеологизму, и которые так легко и так часто принимаются за критерий истины и правоты... Чем же как не снова «яростным приступом анти-исторического утопизма» были и нигилизм 60-х годов и народничество 70-х и восторженное, почти экстатическое принятие марксизма в 80-х и 90-х? Как не видеть в них, насквозь пронизывающей их, именно веры, своего рода религиозного испуга? Действительно, по слову одного историка, «вся история русской интеллигенции проходит в прошлом веке под знаком религиозного кризиса», и не случайно, конечно, и Писарев и Добролюбов начали с почти надрывной религиозности. Все это та же стихия, абсолютизирует ли она чин и обряд, или же народ или революцию. «Русский интеллигент — писал С. Л. Франк — сторонится реальности, бежит от мира, живет вне подлинной, исторической, бытовой жизни, в мире призраков, мечтаний, благочестивой веры...». А этот несомненный «религиозный субстрат» русского идеологизма и роднит его, не генетически, а психологически, со старообрядчеством, делает его проявлением одного и того же исторического нигилизма.*) Ибо история тут либо в прошлом, либо в будущем. В настоящем ее нет и, согласно основному догмату всякой идеологии, **быть не может...** И вот старообрядчество, живя в века, отмеченные, как никак, светозарным явлением св. Тихона Задонского, преп. Серафима Саровского, Оптинских старцев, твердокаменно остается при своем, в само себя закованном и самодовлеющем отрицании. А русский «радикал» в эпоху небывалого, несравнимого взлета русского творчества, просто не замечает его в уходе в свой собственный утопический хилиазм... Когда-нибудь будет наконец признано как самоочевидная истина, что все идеологии, независимо от того «левые» они или «правые», направлены ли они на прошлое или на будущее, рождают рано или поздно один и тот же тип человека: человека, прежде всего, слепого к действительности, хотя как будто только к ней, ради ее радикального изменения, и обращенного всей своей волей, всей целостностью своей идеологической веры. Человека, чье

*) Пишет Флоровский (стр. 295) — «Особо нужно упомянуть о тогдашнем влечении к расколу в радикальных кругах (срв. в частности пребывание А. Михайлова у «спасовцев» под Саратовым). В религиозных движениях стараются открыть их социальную основу. Но не были ли, напротив, социалистические движения направлены религиозным инстинктом, только слепым? «Через 200 лет мученикам двухперстия откликнутся мученики социализма (Федотов)...»

сердце, по выражению В. Соловьева, «пламенеет новой верой, но ум не работает, ибо на все вопросы есть уже готовые и безусловные ответы». И не в том ли историческая трагедия России, что слепой, и потому разрушительный, «идеологизм» оказался сильнее, и, в конце концов, восторжествовал над силами светлыми, творческими и созидательными?

8.

Среди же этих светлых и созидательных сил я, ни минуты не сомневаясь, хотя и зная все возражения, на первое место ставлю Церковь, ту самую, которую Солженицын называет «нико-нианской» и определяет как «безвольный придаток государства».

Отдав много лет на изучение и преподавание истории Церкви, я не принадлежу к числу тех, кто идеализирует ее прошлое и считает изменой ей какую бы то ни было критику до-революционного русского православия. Напротив — в такой критике я вижу одну из насущнейших задач русского церковного сознания, слишком часто подверженного, увы, ничем не оправданному триумфализму и горделивому самодовольству. Вместе с подавляющим большинством русских церковных историков и богословов я считаю церковные реформы Петра насильем над церковью, трагически ограничившим ее свободу и воздействие на «народный дух», превратившими ее в казенное «ведомство православного исповедания», а духовенство в «запуганное сословие» (Флоровский). Но не только элементарное чувство справедливости, а и насущно нужная нам сейчас «полнота зрения» требуют, чтобы, признавая все это, мы видели и распознали и другую сторону, другое содержание русского православия т. н. «синодального» периода.

Полная же правда о нем в том, что, какова бы ни была степень ее плененности государством и ее «казенной судьбы», именно в недрах этой синодальной, имперской Церкви и именно в эти два судьбоносных века, совершалось и нарастало возрождение Православия в его вселенской глубине и силе, после столетий застоя, вызванного трагической судьбой православного Востока. Во-первых и превыше всего — духовное возрождение, выразившееся более всего в новом расцвете монашества, этого исконного духовного средоточия России. Я назвал уже св. Тихона Задонского, преп. Серафима, Оптинских Старцев. Но эти вершины и взлеты были бы невозможны без исподволь и на глубине со-

вершавшегося возврата к первоисточкам православного религиозного опыта и умозрения, без подвига Паисия Величковского и им и его учениками созданной сети духовных очагов этого возврата. А наряду с духовным возрождением и в прямой связи с ним, происходило и возрождение творческой церковной мысли, освобождение ее от многовекового «западного пленения» через творческий же возврат к полноте церковного предания... Пускай это было только начало, только провозвестие — но сколь знаменательное и вдохновенное — **воцерковления** русского сознания, преодоления того разрыва в нем между Церковью и культурой, корни которого уходят не только в «культурную революцию», навязанную Петром, но и в сакральный иммобилизм Стоглавого Собора... И, может быть, только сейчас, в свете того, что за последнее полустолетие произошло в России и с Россией, начинаем мы понимать все значение и всю глубину этого возрождения, именно теперь слышим в нем спасительный призыв, обращенный к нам.

А уж если в чем была настоящая, духовная трагедия русской Церкви в эти века, то как раз в неизжитости в церковном сознании и в церковной жизни косной инерции староверия и обрядоверия, в утробном ферापонттовском сопротивлении всему живому и подлинному, в реакционном испуге перед всякой мыслью и творчеством и в гонении на них. Именно эта инерция и этот псевдо-консерватизм уводили буквально сотни тысяч людей в сектантство, именно эта боязнь Духа и Истины, это недоверие к «свободе сынов Божиих» породили и победоносцевское стремление «подморозить Россию», а также и взрыв дешевого, всякой глубины и подлинности лишенного, обновленчества...

И все же именно Церковь и только Церковь оказалась силой, способной противостоять разгулу и торжеству сатанинской идеологии. Она одна не рухнула в страшном, по своей быстроте, крушении Империи. Гонимая, загнанная, разлагаемая и отравляемая беспрестанным давлением, контролем, предательством, ложью, одна она, по свидетельству самого Солженицына, оказалась не **падшей** в страшном падении России.

9.

Поскольку статья эта написана в ответ на письмо, тема которого — Церковь, я только мимоходом коснусь другой созидательной, а не разрушительной силы, другого противодействия в

русской истории постоянному искушению «идеологизма». Это — сама русская культура и, прежде всего, великая русская литература, не случайно же расцветшая в эти имперские века. Не стоит повторять здесь всего сказанного о ней, как в России и русскими, так и иноземцами, для которых именно в ней величие России. Достаточно напомнить, что искушение «идеологизмом» было и в ней, и однако именно в том и величие ее и глубина, что в лучшем ею созданном — от Державина и Пушкина до «Августа Четырнадцатого», — искушение это было каждый раз преодолено. Что осталась она верной как раз той **правдивости**, которую больше всего не выносит идеология, и поэтому постоянной победой над ложью идеологизма.

Чудо всего подлинного в русской литературе — что **была** и остается она **свободной** не только под давлением «внешним», но и **изнутри**, в своей творческой совести, от идеологических идиолов и идолопоклонства.

Нет, не в исходе в какую-то мнимую Россию прошлого, как и не в утопических мечтаниях о будущем, а в духовно-трезвом собирании и претворении в жизнь всего подлинного и вечного, созданного и создаваемого ею — спасение России, превыше же всего — в **«испытании духов — от Бога ли они...»**

Все эти мысли пришли мне в голову при чтении «Письма из Америки». Допускаю, что я чего-то не расслышал в нем, или же услышал то, чего нет в нем. Если так, то признание своей ошибки будет для меня величайшей радостью. В оправдание же написанного скажу то, что сказал раньше: Солженицын — слишком огромное явление и для России и для мира, чтобы просто «пройти мимо» того, что он говорит и к чему призывает.

Поскольку же письмо его — об единственной, и для меня ни с чем несоизмеримой, ценности и реальности — **о Церкви**, не откликнуться на него было бы для меня изменой и церкви и ему.

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО АНГЛИЙСКОМУ РАДИО

Радиостанция Би-Би-Си гостеприимно предложила мне высказаться: как я, иностранец, изгнанник, вижу сегодняшний Запад и, в частности, вашу страну. Посторонний взгляд может нести нечто свежее. Я хочу надеяться, что вам будет не очень скучно выслушать меня. Разумеется, я недостаточно знаю внутреннюю вашу историю, но за внешней, как и многие русские, всегда следил внимательно. Я буду говорить откровенно, не пытаюсь понравиться вам или польстить. Поверьте, я рад был бы наполнить эту беседу восклицаниями восхищения. Четверть века назад в каторжных лагерях Казахстана, готовясь к нашим безнадежным мятежам против коммунистических танков, мы видели Запад солнцем свободы, твердыней духа, сокровищницей разума.

Как раз в тот год ваш министр Моррисон удачной тактикой заставил газету «Правду» бесцензурно напечатать целую страницу его высказываний. Боже мой, с какой жадностью мы, каторжане с обритыми головами, в оборванных грязных телогрейках, стуча тяжёлыми лагерными топалами, ринулись к витрине, где вывешивалась центральная большевистская газета: вот сейчас и в наше подземное царство ворвётся алмазно-светлый и алмазно-твёрдый луч истины и надежды. Небывалый за 40 лет прорыв через бульдозью хватку советской цензуры! что за правду он сейчас им влепит! как он нас поддержит! Но мы читали, читали эту беспомощную водянистую статью — и оседали вместе с ней: то была легкомысленная речь человека, не имеющего понятия о свирепой структуре, о безжалостных целях коммунистического мира. (Потому-то «Правда» и расщедрилась его напечатать.) Нам, испытавшим 40 лет ада, английский министр не нашёл сказать ни одного спасительного слова.

Шли годы и шли десятилетия. Несмотря на железный занавес, сведения о событиях и мненьях Западного мира проникали и проникали к нам, особенно через русские

передачи Би-Би-Си, даже и в периоды жестоких глушений. И чем дальше, тем больше состояние вашего мира вызывало у нас недоумение.

Есть много загадок и противоречий в человеческой природе, их сложность и вызывает к жизни искусство, т. е. поиск не линейных формулировок, не плоских решений, не однозначных объяснений. Среди таких загадок: почему люди, придавленные к самому дну рабства, находят в себе силу подниматься и освобождаться — сперва духом, потом и телом? А люди, беспрепятственно реющие на вершинах свободы, вдруг теряют вкус её, волю её защищать и в роковой потерянности начинают почти жаждать рабства? Или: почему общества, кого полувеками одурманивают принудительной ложью, находят в себе сердечное и душевное зрение увидеть истинную расстановку предметов и смысл событий? А общества, кому открыты все виды информации, вдруг впадают в летаргическое массовое ослепление, в добровольный самообман?

Таким открыли мы за многие годы соотношение духовных процессов, идущих на Востоке и на Западе, — и вы, ваш процесс вдесятеро и вдесятеро быстрее, чем наш, и это почти лишает человечество надежды избежать глобальной катастрофы. Годами мы не хотели этому верить, мы надеялись, что Запад видится нам таким от недостаточности приходящих сведений. Несколько лет назад в нобелевской лекции я говорил об этом уже с большим опасением. И всё же, пока сам не попал на Запад и не осмотрелся здесь два года, я не мог бы представить, до какой крайней степени Запад *желает* быть слепым к мировой ситуации, до какой крайней степени Запад уже обратился в мир потерянной воли, цепенеющий перед опасностью и более всего угнетённый необходимостью защищать свою свободу.

Есть известная немецкая пословица — *Mut verloren — alles verloren*, потеряно мужество — потеряно всё. Есть древняя латинская, где верным признаком гибели считается потеря разума перед тем. Но что должно произойти с обществом, где скрещиваются, одновременно проявляются обе эти потери — и мужества, и разума? Таким нашёл я современный Запад.

Конечно, и этому процессу есть незагадочное объяснение, и не внешнее, как модно в наш век: считать самого

человека безупречным, а всё сваливать на дурное устройство общества. Объяснение — самое человеческое: с тех пор как провозглашено и усвоено, что над человеком нет высшей силы, но человек — венец вселенной и мера всех вещей, — потребности, желания (и слабости) человека естественно понялись как высшие императивы вселенной. И, значит, только то в мире хорошо и следует делать, что убаготворяет наши чувства. Это мировоззрение родилось именно в Европе несколько веков назад, тогда его материалистические крайности объяснялись предыдущими крайностями католичества. Но в беспрепятственном полномочном течении нескольких веков оно заполнило весь Западный мир, уверенно вело его на колониальные завоевания, на захват африканских и азиатских рабов, — всё это в приличном соседстве с наружным христианством и расцветом собственных свобод. И к началу XX века это мировоззрение, казалось, стояло в зените цивилизации и разума. И ваша страна, Англия, всегда бывшая ядром или даже жемчужиной Западного мира, выражала ту цивилизацию особенно сильным ярким блеском — и в хорошем, и в дурном.

И в 1914 году, открывая зловещий XX век, над этой цивилизацией грянула гроза, размеров и дальности которой никто не мог тогда охватить. Четыре года Европа невиданно уничтожала сама себя, а в 1917 на её краю обнажилась и зазяла трещина — впад в бездну. Эта трещина тоже имела незагадочное происхождение: она была самым последовательным проявлением учений, веками блуждавших по Европе с немалым успехом. Но было в этой трещине и нечто космическое: по её ещё не вымеренной, не воображённой глубине; по её непредставимой способности расширяться и поглощать.

За 40 лет до того Достоевский предсказывал, что социализм обойдётся России в 100 миллионов жертв. Цифра казалась невероятной. Я очень рекомендую английской печати сделать для английского читателя доступным трехстраничный бесстрастный подсчёт русского профессора статистики Ивана Курганова. Он напечатан на Западе 12 лет назад, но, как всегда в социальной области, только то принимается нами в познание, что не противоречит нашим эмоциями. Из этого подсчёта мы узнаём, что Достоевский если

ошибся, то в меньшую сторону: социализм обошёлся нынешнему Советскому Союзу с 1917 по 1915 — в 110 миллионов человек!

Когда происходит геологическая катастрофа — не сразу опрокидываются континенты в океан. Сперва в каком-то месте должна пролечь эта зловещая начинательная трещина. По многим причинам сложилось так, что эта первая мировая трещина легла по нашему русскому телу, могла бы — и в другом месте. России, которую принято было считать отсталой, довелось совершить социальный скачок в целое столетие, обгоняя опыт всех стран мира. С нечеловеческой плотностью мы пережили на себе нечеловеческий опыт, о котором Западный мир, вот и ваша Англия, до сих пор не имеют, а точней: боятся иметь подлинное представление. И со странным ощущением мы, люди из Советского Союза, смотрим на нынешний Запад: как будто не соседи по планете, не современники, мы смотрим — из вашего будущего, или — на наше прошлое, 70-летней давности, которое вдруг повторяется. Всё то же, всё то же видим мы: всеобщее поклонение взрослому обществу мнениям своих детей; лихорадочное увлечение молодой молодежью ничтожно-мелкими идеями; боязливость профессоров оказаться не в модном течении века; безответственность журналистов за метаемые слова; всеобщая симпатия к революционерам крайним; немота людей, имеющих веские возражения; пассивная обречённость большинства; слабость привительств и паралич защитных реакций общества; духовная растерянность, переходящая в политическую катастрофу. Следующие события — впереди, но уже близко, и мы по горькой памяти можем без труда «предсказать» их вам.

С тех пор, как в 1917 началась эта мировая катастрофа, — до конца логически развилось и проявилось то несравненное прагматическое мировоззрение, избегающее нравственных решений, на котором воспитана сегодняшняя Европа: коль скоро не существует никаких высших духовных сил над нами, а я, Человек с большой буквы — венец вселенной, то если кому неизбежно погибнуть сегодня, пусть погибают всякие другие, а не самый ценный я и мои близкие. На территории бывшей России уже бушевал Апо-

калиписис, — Западная Европа спешила вырваться из этой проклятой войны, всё забыть поскорей, возобновить благоденствие, моды и новые танцы. Ллойд-Джордж так и сказал: забудьте о России! мы должны заботиться о благосостоянии нашего общества.

В 1914, когда нужна была помощь для западных демократий, Россией не побрезговали. Но в 1919, тем самым русским генералам, кто три года выручал Марну, Сомму и Верден, в напряжении всех русских сил и выше русского разума, — тем самым генералам западные союзники отказали и в военной помощи и в союзе. Уже довольно русских солдат было погребено даже и в земле Франции, а с других русских солдат, приплывших в Константинополь, высчитывали стоимость пайка, конфискуя в уплату солдатское бельё, и толкали их вернуться на расправу к большевикам или ехать полурабам на кофейные плантации Бразилии.

Неблаговидностям обычно находят благовидные или даже блистательные оправдания. В 1919 не говорилось открыто: «да какое нам дело до ваших страданий?», но говорилось: мы не имеем права поддерживать власти даже союзной страны против желания их народа. (Когда в 1945 пришлось миллионы советских людей против их воли предавать на Архипелаг ГУЛаг, аргумент удобно обернули: мы не имеем права поддерживать желание этих миллионов и не выполнять обязательств перед властями союзной страны. Каждый раз избиралась форма, удобнейшая для эгоизма.)

Но нашлось оправдание и выше: происходящие в России события были несомненным продолжением всего XVIII и XIX веков Европы, всеобщего перехода от либерализма к социализму. Итак по инерции идей надо было восхищаться ими. И вот вся *прогрессивная*, вся влиятельная общественность Европы (и в Англии — ярче всего) — восхищалась «невиданным передовым экспериментом в СССР», когда нас уже душили раковые метастазы Архипелага, и зимой в тайгу отправляли умирать миллионы самых трудолюбивых крестьян. Не так далеко от вас, на Украине и Кубани, пухли от голоду в мирные годы, корчились и умирали 6 миллионов крестьян, с детьми и стариками, — и ни одна западная газета не пожелала печатать тех фото-

графий и сообщений, а ваш остроумец Бернард Шоу опровергал: «В России — голод? Никогда я не обедал столь сытно и вкусно, как переехав советскую границу». Ваши правители, парламентарии, ораторы, публицисты, писатели, властители ваших дум умудрялись десятилетиями *не замечать* 15-миллионного ГУЛага! До 30 книг о ГУЛаге напечатаны в Европе прежде моей — и почти ни одна не замечена.

Где-то есть рубеж, господа, где инерция «идейности», «зари новой жизни» переходит в сознательное рассчитанное — лицемерие. Ибо так — удобнее жить.

За последнее столетие, если не дольше, ваш конфликт с Гитлером был тем исключительным выдающимся случаем, когда Англия отбросила философию прагматизма: «что выгодно», признавать во главе стран любую группу бандитов или группу марионеток, лишь бы они фактически контролировали территорию — как это проявляется и декларируется по сегодняшний день. В случае с Гитлером Англия полной душой приняла позицию нравственную — и это подвигло её на одно из самых героических сопротивлений её истории.

Позиция нравственная, даже в политической жизни, всегда сохраняет нам дух, а иногда, как видим, и само наше физическое существование. Нравственная позиция вдруг оказывается дальновиднее всяких прагматических расчётов.

Ваша война против Гитлера однако не имела характера в аристотелевском смысле трагического: ваши жертвы, страдания и смерти оправдывались, не противоречили целям войны: вы защищали и защитили именно то, что хотели защитить. А для народов СССР война была трагической: мы попали в такое положение, что были вынуждены всеми силами (и несравненно большими жертвами, прочтите у Курганова эту цифру, её не выговорить, 44 миллиона) защищая родную землю, тем самым укрепить ненавистное для себя: власть своих палачей, свою угнетённость, свою гибель и, (как видно уже сегодня — вашу завтрашнюю гибель). И когда миллионы советских дерзнули бежать от угнетателей или даже начать народное от них освобождение, — наши свободолюбивые западные союзники, и среди них не последние — вы, англичане, веро-

ломно обезоруживали, связывали этих людей, и передавали коммунистам на уничтожение (в уральские лагеря, на добычу урана, на атомную бомбу против вас же!). При этом не гнушались избивать английскими прикладами 70-летних стариков, индивидуально тех самых союзников Англии по 1 Мировой войне — теперь поспешно выдаваемых на убийство. Только с английских островов было насильственно выдано — 100 000 советских граждан, на континенте — не один миллион. Но самое яркое: ваша свободная, независимая, неподкупная пресса, ваши знаменитые Times, Guardian, New Statesman и все остальные — добровольно участвовали в скрывании этого злодеяния, и молчали бы по сегодня, если б американский профессор Эпштейн не начал бестактного расследования, как демократии умеют действовать фашистскими методами. Заговор английской прессы достиг успеха: наверно многие современные англичане даже не знают об этом злодеянии конца Второй Мировой войны. Но оно — было, и больно врезалось в русскую память.

Мы помогли спасти свободу Западной Европы — дважды. И за это — дважды вы покинули нас в рабстве.

Понятно, вам опять хотелось: поскорей вырваться из проклятой войны, скорей отдохнуть и благоденствовать. И высокая философия прагматизма продиктовала вам еще многое за эту цену *не заметить*: и ссылку целых народов в Сибирь. И Катюнь, и Варшаву, ту самую страну, из-за которой и вся мировая война началась. И не вспомнить Эстонию, Латвию, Литву. И одну за другой отдать в рабство еще шесть своих европейских сестёр и дать разрубить седьмую. В Нюрнбергском трибунале локоть к локтю дружески заседать с судьями, такими же убийцами, как подсудимые — и это не противоречило британской юриспруденции. Возникал новый тиранический режим как угодно далеко на Земле — в Китае, в Лаосе, — Британия была первая, кто спешила его признать, расталкивая конкурентов.

Для всего этого нужна была большая нравственная выдержка — но она не покинула ваше общество. Надо было всё время повторять заклинание — «заря новой жизни» — и вы шептали его, и вы кричали его. А когда уж очень тошно становилось на душе и хотелось перед всем миром наверстать в смелости, самим себе вернуть само-

уважение, — ваша страна проявляла и несравненную смелость: то против Исландии, то против Испании, которые не могут вам ответить. Танковые колонны в Восточном Берлине, в Будапеште и в Праге декларировали «народное волеизъявление» — но в виде протеста не отзывался оттуда английский посол. Неизвестное число узников убивали и убивают секретно в Восточной Азии — и не отзывались английские послы. Каждый день в Советском Союзе шприцами психиатров убивают людей только за то, что они непослушно думают или верят в Бога — и не отзывался английский посол. Но казнили в Мадриде пятерых террористов, реальных убийц, — и с грохотом на всю планету был отозван английский посол, и какой же ураган бесстрашного гнева вырвался с Британских островов! Протестовать надо уметь: очень, очень гневно! — но там, где это не противоречит потоку века и не опасно для авторитета протестующих... Хотя б на минуту, подчиняясь британскому скепсису, который не мог же вас покинуть вовсе — вы бы перенеслись в положение раздавленной Восточной Европы и оттуда нашими глазами оценили бы своё неприличие!.. Убили испанского премьер-министра — всей культурной Европе это понравилось. Убивали испанских полицейских, даже парикмахеров, — и европейские страны ликовали (будто их собственные полицейские застрахованы от централизованного Интернационала Террора). Никакой семье, едущей на аэродром, не гарантировано, что она не будет расстреляна из автомата «борцом» за чьё-либо «освобождение». Никакому прохожему не гарантировано, что он цел пройдёт по улице. Но хором общественного мнения гарантируется террористам: сохранение жизни, реклама и приличные условия содержания, пока его не выручат другие террористы. Общество на защите террористов! — это и было в России перед её крушением, мы тоже прошли через это гибельное.

А трещина геологическая — всё расширяется. Длится по планете. Переходит на другие континенты. В неё грохнула самая многочисленная страна мира. И еще десяток стран. И никем не защищённые племена — курдов, северных абиссинцев, сомалийцев или ангольцев, не перечислить, — великие традиции британской свободы не продрогнули от таких мелочей. Убаюкивающе рисуется вам по сегодня,

что именно ваших превосходных островов эта трещина никогда не расколет и не взорвёт. А между тем — пропасть уже под вами. На глазах всего мира беспрепятственно захватываются по несколько стран в год как плацдармы для следующей мировой войны. Захватываются и непутовы пространства — англичанам ли объяснять, что это значит и для какой цели будет использовано? И что сегодня вся Европа? — картонные декорации, между которыми торгуются, как меньше тратить на оборону, чтобы больше осталось на состоятельную жизнь. Континент с несравненной многовековой подготовкой вести человечество — добровольно разронил свою силу, своё влияние на ход мировых событий, не только физическое, даже умственное. Динамичные решения, ведущие движения стали вызревать за пределами Европы. Что за странность, с каких пор великая Европа нуждается в посторонней защите? То она была так избыточно сильна, что воевала внутри себя, уничтожала саму себя и захватывала колонии. То, не проиграв ни одной крупной войны, вдруг стала беспомощно слаба.

Как ни скрыто бывает для человеческого глаза, неожиданно для практического разума, — но иногда срывает прямая реальная связь между злом, которое мы давно причинили другим, и злом, которое вдруг ударяет по нас. Люди более прагматические могут объяснить эту связь как цепь естественных причин и следствий. Люди, более склонные к религиозному видению, различат здесь связь между грехом и наказанием. Это можно увидеть в истории каждой страны. За то, что деды и отцы стремились заложить уши от стонів мира и закрыть глаза на бездны его — за то пришло расплатиться нынешнему поколению.

Ваши органы печати, знаменитые своими традициями, публикуют немало анализов и комментариев, вызывающих стыд мелкостью мысли, недалёковидностью зора. Что сказать, если ваша ведущая либеральная газета вот недавно сравнила нынешний внутренний процесс русского духовного возрождения... с безнадёжной попыткой свиней летать. Здесь — презрение шире, чем только к возможностям моего народа. Здесь — брезгливое презрение вообще ко всяким порывам духовного возрождения, ко всему, что не вытекает прямо из экономики, а строится на крите-

риях нравственных. Бесславный конец 400-летнего материализма.

Такому падению современной мысли еще очень способствовал туманный призрак социализма. Он помогал мнимо насытить жажду справедливости, успокоить совесть, что сила, накатывающая расплющить вас, есть благо, спасение, — и от этого особенно расцвело общественное лицемерие, и Европа могла не заметить уничтожения 66 миллионов человек на самом своём краю.

Даже не существует признанного единого чёткого определения социализма, лишь расплывчато-радужное представление о чем-то хорошем и благородном, так что два социалиста, разговаривая между собой, вполне могут говорить совсем о разном. И любой африканский диктатор нового типа непротиворечиво объявляет себя социалистом.

Но социализм избегает логики, потому что он — эмоциональный порыв, приземлённая религия, и никто не нуждается хотя бы по разу внимательно прочесть и вникнуть во всех предыдущих пророков. О тех книгах судят по наслышке, выводы принимаются готовыми. Социализм отстаивается со страстной иррациональностью, не подвержен анализу, неуязвим для критики. У него (особенно же у марксизма) есть такой изящный приём: всякая серьёзная критика объявляется «за рамками возможной дискуссии». Как «основу для дискуссии» требуется предварительно 95% социалистического учения признать — и тогда о 5% допускается спорить.

Еще один миф тут — что социализм есть некая новейшая современная формация, выход из гибнущего капитализма. А между тем он существовал на земле задолго и задолго до всякого капитализма. Мой друг Игорь Шафаревич в своем обширном исследовании социализма показывает, что социалистические *системы*, те, к которым нас призывают сейчас как к манящему будущему, — составили даже самую длительную часть предыдущей истории человечества — на Древнем Востоке, в Китае, а потом повторены кровавыми опытами времён Реформации. Что социалистические *учения* возникли гораздо позже того, но тоже тянутся дольше двух тысяч лет. И происхождение их — не рывок прогрессивной мысли, как считается сейчас, но — *реакция*: реакция Платона на афинскую демо-

кратию, реакция гностиков на христианство, реакция: от динамичного мира индивидуальностей вернуться к безликим коснеющим системам древности. И проследивая затем взрывную череду социалистических учений и утопий в Европе — Мора, Кампанеллу, Уинстенли, Морелли, Дешана, Бабёфа, Фурье, Маркса и десятки других, мы не можем не содрогнуться от открытого провозглашения ими черт этого страшного общества. Было бы уместно призвать всех добросовестных социалистов непредвзято хладнокровно прочесть с десятков главных трудов главных пророков европейского социализма и дать отчёт самим себе: действительно ли это есть тот общественный идеал, за который им не жалко отдавать бесцётные чужие жизни и будет не жалко отдать свою?

Социализм начинает с уравнения как будто только материального (но все виды социализма согласны, что для этого необходимо принуждение) — однако логика движения к «идеальному» равенству непременно заставляет применять насилие и дальше: уравнивать сами исходные личности, слишком разбросанные в диапазонах образования, способностей, мыслей, чувств. Английская формула «мой дом — моя крепость» также стоит помехой на пути социализма. И еще создана заманчивая формула — «социалистическая демократия», бессмысленная как «ледяной кипяток»: именно демократию-то дракон и ползёт проглотить — демократию всё более ослабленную и всё более стиснутую на двух неполных материках, когда по всей планете наливаются силою тирании. Я напому, что *принудительный труд* анонсирован у *всех* пророков социализма, и в «Коммунистическом Манифесте» тоже, так что не следует в Архипелаге ГУЛаге видеть азиатское извращение высокой идеи — но неизбежный закон.

Социализм гипнотизирует современное общество и лишает его зрения: увидеть смертельную себе опасность. Самое опасное, что вы потеряли чувство опасности, вы даже не видите, откуда она к вам стремительно катит, вы придумываете её в других местах планеты и туда шлёте стрелы своего тощего колчана. Самое опасное, что вы потеряли волю — защищаться.

И Великобритания — ядро Западного мира, как мы уже согласились, — едва ли не глубже всех испытала на

себе эту общую деградацию мощи и воли. Уже лет 20 голос Англии не слышен на нашей планете, в нем нет характера, нет новизны, и в сегодняшнем мире позиция Англии значит меньше, чем Румынии, или даже... Уганды. Всеизвестная ясность английского практического ума как будто отказала. Сегодняшнее английское общество и в реальном политическом мире и в мире идей живёт самобманными иллюзиями. Строятся хрупкие конструкции, чтобы истолковать самим себе, что опасности нет, что грозный ход её и есть установление прочного мира.

Мы, угнетённые русские и угнетённые восточно-европейцы, с болью смотрим на катастрофическое ослабление Европы. Мы протягиваем вам опыт наших страданий, мы хотели бы чтоб вы переняли его, не платя ту непомерную цену смертями и рабством, как заплатили мы. Но ваше общество отталкивается от предупреждающих наших голосов. И, наверное, надо признать сокрушённо, что опыт вообще непереедаем, всё и всем надо пережить самим...

Да не только Англия и не только Западный мир, но и Восточный, все мы, скованные единым роком, одним железным поясом, каждый по-своему, подошли к последнему краю великой исторической катастрофы, — такого потопа, который проглатывает цивилизации и меняет эпохи. Особая сложность сегодняшней мировой ситуации в том, что на часах Истории совпало сразу несколько стрелок, и нам всем предстоит пройти через кризис не только социальный, не только политический, не только военный, — но устоять на ногах и в великом эпохальном повороте, подобном повороту от Средних Веков к Возрождению. Как когда-то человечество разглядело ошибочный нетерпимый уклон позднего Средневековья и отшатнулось от него — так пришло нам время разглядеть и губительный уклон позднего Просвещения. Нас глубоко затянуло в рабское служение приятным удобным материальным вещам, вещам, вещам и продуктам. Удастся ли нам встряхнуться от этого бремени и расправить вдунутый в нас от рождения Дух, только и отличающий нас от животного мира?..

26 февраля 1976

Литература и жизнь

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ДВА ЛАГЕРНЫХ СТИХОТВОРЕНИЯ

В лагерные годы, лишённый возможности хранить написанное дольше нескольких часов, от обыска до обыска, я по необходимости писал только в стихотворной форме, чтобы наскоро заучить, а бумагу сжечь. Всё написанное в те годы, естественно, не считаю достижением поэтическим, но многие мысли и чувства тех лет сохранялись только в этой форме.

И вот теперь, через четверть века, переглядывая старое, сам удивляюсь: как же устойчивы настроения — в своё время разделённые с кем-то из сокамерников, сегодня — с молодыми друзьями направления „Из-под глыб“. Это даёт надежду, что как будто исчезнувшая духовная Россия, которую я тогда всё же угадывал, — выжила, крепнет, скоро проявит себя сильней.

НА СОВЕТСКОЙ ГРАНИЦЕ

(из стихотворной повести „Шоссе Энтузиастов“)

Всё ближе, всё ближе граница
Подходит железной чертой.

Вот — столб пограничный. И, золот,
На нём знаменитый герб:

Дробящий нам головы молот
И режущий под корень серп.

Разболтанный, полусожжённый
Ворвался и стал эшелон.

Начальник, но не станционный,
Проходит через перрон.

На шапке, на входе белка,
Оленья шерстка унт.
Досочка застругана стрелкой:
„Дорога в Приёмный пункт“.

Расплывчатым чёрным по стрелке:
„Дорога в Приёмный пункт“.

„Сходи!“ — И проживши сызмальства
Послушно свои года,
Все женщины сходят. Начальство
Укажет, кому куда.

Идут, нагружившись, как мулы.
Узлы в напряжённой руке.
Мешки за плечами. Баулы.
Начальник идёт належке...

Отведенный пункту сбора,
Обнесен забором сарай,
Ко внешней двери затворы
Прихлопаны невзначай.

Ко внешней двери запоры
Приболчены невзначай...

Сегодня приедем стоянка
И несколько дней ещё...
На карточки, формы и бланки
Правительство не нищо.

Заполнят они анкеты,
Покажут, где были и с кем,
Как бросили землю Советов
И к ней воротились зачем.

Анкеты своим порядком
Пойдут на особом счету,
А женщины — в Котлас и в Вятку,
И в Кемерово и в Читку,

И будут там ждать решенья,
Не загромождая дорог.
Одним придёт прощенье,
Тем высылка, этим срок.

Меня — не в закут: опознаша
Своих, доверяют своим.
Чиста подорожная наша,
И путь наш неумолим.

Я знать не хочу и не знаю,
Что именно писано там, —
Надменно перроном шагаю,
И двое идут по пятам.

Шагаю перроном, шагаю,
И двое идут по пятам.

Их третий к платформе, где грузы,
Багаж наш общий снёс.
Нас примут в лоно Союза,
Как будет готов паровоз.

Средь их набитых тяжелеет
И мой роковой чемодан:
Сержанты везут трофеи?

Я — приговор, я — Магадан.

Дойдя по платформе до края,
Я делаю поворот, —
Расходятся, уступая
Меж ними мне проход.

И — снова за мной, в напряженьи, —
Полёта ли ждут, прыжка?.. —
Восточный ветер, круженье
Порхающего снежка.

Всё чаще, всё гуще круженье
Порхающего снежка.

А ветер играет, ушами
Военной шапки трепля.
Иду, а внизу под ногами
Отечества земля.

В Европе я мало вызнал,
Промчал меня вихорь лихой...
Земля моей отчизны
Опять под моей ногой.

Хожу — и конвой мне взыбуть,
Мне кажется — я одинок.
Сто сажень лицом на Запад.
Сто сажень лицом на Восток.

Сто сажень лицом на Запад,
Сто сажень лицом на Восток.

А ветер швыряет жмени
И блёстками жжёт свежо.

Земля сорока поколений,
Мне вновь на тебе хорошо!..

Сыт Лондон, пирует Вена,
Наряден и весел Стокгольм.
И нам бы туда,
Забывши лачужную голь...

Так нет, не забыть же, на́ поди! —
Вот едут, — зачем, спроси...
Не жить им покойно на Западе,
Оставив сердца на Руси...

Слепящую непогодиной
Сдвигает всё ближе озор.
Какая ты к чёрту родина,
Какая ты мать, позор...

Позор мой, моё отечество!
В лохмотьях, завистно, грубо,
Во власти прохожей нечисти —
За что ты мне так люблю?

Страна, где орлами-солдатами
За метр платят по сто,
Бессмысленную, проклятую
Люблю я тебя за что?

Где гибкие плечи девушек
Трудом лошадиным грубят,
Охаянную везде уже,
За что я люблю тебя?

Детишки промёрзлой репою
Питаются к февралю, —
Безжалостную, нелепую,
За что я тебя люблю?

Всю, всю сквозь мелькание частое,
Снежинок звездчатых кишь,
Я вижу тебя, несчастную,
Какая ты вдаль лежишь:

Гнилую соломку избную,
Растрёпанную в стрехе,
И баб, запряжённых отчизною
Замест лошадей в сохе.

С утра их — давай количество! —
Сгоняет колхозный чин.

Из окон в век электричества
Мерцает огонь лучин;

Рабочих, свалённых тяжестью
Шести непрерывных смен;
Московско-грузинское княжество
У самых столичных стен,

Где орден и назначение
Решают меж близких лиц,
Где пьют до остервенения
И пользуют танцовщиц;

Учёных из Академии,
Сверлящих в рудниках медь,
И имени Сталина премии
Для тех, что не смеет сметь;

Воркутскими чёрными штольнями
Бессильные врубы кирки;
Девченок-студентов — крамольные,
Посажены в воронки;

Глупцов заграничных с блокнотами —
Возить их знают, куда;
Жандармами и сексотами
Червящие города;

А в громе заводов на месте их,
За убылью взрослых рук,
Мальчишек из школ ремесленных,
Глоотающих слёзы разлук;

Пред ликами всепрощающих,
Поверх преклонённых голов, —
Священников, благословляющих
С амвона большевиков...

Расходится вьюга зимняя,
Не подобру весела...
Попалась Ты, легкоимная!
Поверила и — пошла...

...Когда бастовали Ореховы,
На бомбах рвались князья,
Когда тосковали Чеховы
Что жить беспросветно нельзя,

Не вынес насилия грубого
Надворный советник Герцен,

Белинские, Добролюбовы
Стяжали единоверцев.

Страшал детей Салтычихами
Любой семинарский гусь, —
Дремля переулками тихими,
Такой ли была ты, Русь?..

Спасибо, отцы просвещения!
Вы нам облегчили судьбу!
Вы сеяли с нетерпением —
Взгляните же на колосьбу!

Травили вы чуткого Гоголя, —
Травят теперь всех нас сплошь.
Писака! Макая, не много ли,
Смотри, на перо берёшь?!

Прносятся клочья белые
И лепят в лицо лепма...
Ты этого, ты хотела ведь!
Ты сделала всё сама!

Сама ты! — Но чьими силами?..
Сама... — Но стихией чьей??
Безумец, трясги ль могилами,
Тревожа покой костей?..

Россия! То песнями нежными,
То бранью тебя честим.
А мы-то? а мы-то? где же мы??
Мы — что же в России? — гостим?..

„Россия“! — слово, игру нашли!..
Где ж те, кто в России живут?
Как я, не такие ли юноши
Её подпоили на блуд?

В догадках бормочем гадательски —
Да что? да когда? да коё? —
За словом „Россия“ — предательски
Убожество прятчем своё.

Потащат в ненастье из затишка —
Голосим: — Кому повем? —
Поносим Россию-матушку,
И сами идём к ней ни с чем.

Не вечно, мол, виться вервию,
Ему оборваться стать, —

Эх, юноши правоверные!
Не мы ль помогали ссукать?
Прошколенный, проофицеренный,
Вот я — я служил им как пёс.
Стою пустой, растерянный
И думаю — что я донёс?

Жилось мне поверху, сполагоря
И, проживши двадцать шесть, —
Да полно, да знал ли, что лагеря
В Советском Союзе есть?

В орлы я перился ранёшенько.
Схватили — пивырнули — глядь... —
— Да где ж ты была, дороженька?
Да как же тобой шагать?

Морошка под тундренным настом,
Болотных повалов ржа... —
— Шоссе Энтузиастов —
Владимирка каторжан!..*

Родится предатель в ужасе,
Звереет в голоде плоть...
Оставь мне гордость и мужество!
Пошли мне друзей, Господь!

О Боже, о Ты, кем созданы
Твердь суши и водная гладь!
Быть может и мне не опоздано
Еще человеком стать?!..

Россия! Не смею жизнью
Я прежнюю звать свою.
Сегодня рождаюсь сызнова
Вот здесь, на твоём краю...

1951

Экибастуз, Степлаг

* Выход на старый Владимирский большак в советское время назван Шоссе Энтузиастов.

РОССИЯ?

Есть много России в России,
В России несхожих Россией...
Мы о-слово — словом красивым,
Как кремешками красим:

„Россия!“ ...Не в блоковских ликах
Ты мне проступаешь, гляжу:
Среди соплеменников диких
России я не нахожу...

Взахлёб, на любом раздорожья,
И ворот, и грудь настезу,
Я — с подлинным русским. Но что же
Так мало я их нахожу?..

Так еле заметно их проткань
Российскую теплит ткань,
Что даже порой за решёткой
Вершит и ликует рвань.

Пытаю у памяти тёмной —
Быть может, я в книге солгал?
Нет, нет! Я отчётливо помню,
Каких одноземцев встречал!

Но так полюбил их, что ложно
Собрал промелькнувших враздробь,
Торивших свой путь непреложный
На Вымь, Индигирку и Обь...

Россия! Россий несхожих
Наслушал и высмотрел я.
Но та, что всех дороже —
О, где ты, Россия моя? —

— Россия людей прямодушных,
Горячих смешных чудаков,
Россия порогов радушных,
Россия широких столов,

Где пусть не добром за лихо,
Но платят добром за добро,
Где робких, податливых, тихих
Не топчет людское юро?

Где в драке и гневный не станет
Лежачего добивать,
Где вспомнят не только при брани,
Что есть у каждого мать?

Где, если не верят в Бога,
То пошло над ним не трунят.
Где, в дом заходя, с порога
Чужой почитают обряд?

Где нет азиатской опеки
За волосы к небесам.
Где чтит человек в человеке
Не худшего, чем он сам?

Где рабство не стало потребой
Уродливых искренно душ,
Где смертных не вносят на небо,
Где смелых не ломают вкрушь?

Где поживших предков опыт
Не кроет презренья пыльца,
Где цветен, оперен и тёпел
Играющий вспорх словца?

Где, зная и что у нас плохо,
И что у нас хорошо,
Не ломаются в спор до издоха,
Что наше одно гожо?

О, Русь без славян и проливов!
О, Русь без святого меча!
Не надо для жизни счастливой
Ни воина, ни палача!

За всё расплатиться приспело:
За жёсткую царскую длань,
За тех, кто *народное дело*
С помоями смыл в лохань.

Мы стали всем ненавистны,
Нас будут везде распинать,
Нас будут резать на Висле!
Нас будут в Пекине сжигать!

Татарщин родимые пятна
И сталинской гнили гнусь —
На всех нас! во всех нас! Треклятно
Становится имя Русь.

В двухсотмиллионном массиве
О как ты хрупка и тонка,
Единственная Россия,
Неслышимая пока!..

1952

Экибастуз, Степлаг

ТЕМЗА В ЧЕЛСИ

I

Ноябрь. Светило, поднявшееся натошак, замирает на банке соды в стекле аптеки. Ветер находит преграду во всех вещах: в трубах, в деревьях, в движущемся человеке. Чайки бдят на оградах, что-то клюют жиды; неколёсный транспорт ползёт по Темзе, как по серой дороге, извивающейся без нужды. Томас Мор взирает на правый берег с тем же вождельем, что прежде, и напрягает мозг. Тусклый взгляд из себя прочней, чем железный мост Принца-Альберта, и, говоря по чести, это лучший способ покинуть Челси.

II

Бесконечная улица, делая резкий крюк, выбегает к реке, кончаясь железной стрелкой. Тело сыплет шаги на землю из мятых брюк, и деревья стоят, точно в очереди за мелкой осетриной волн; это всё, на что Темза способна по части рыбы. Местный дождь затмевает трубу Агриппы. Человек, способный взглянуть на сто лет вперед, узрит побуревший портик, который вывеска «бар» не портит, вереницу барж, ансамбль водосточных флейт, автобус у галереи Тэйт.

III

Город Лондон прекрасен, особенно в дождь. Ни жесьть для него не преграда, ни кепки или корона. Лишь у тех, кто зонты производит, есть в этом климате шансы захвата трона.

Серым днём, когда вашей спины настичь даже тень не в силах, и на исходе деньги, в городе, где, как ни темней кирпич, молоко будет вечно белеть на сырой ступеньке, можно, глядя в газету, столкнуться со статьёй о прохожем, попавшем под колесо, и только найдя абзац о том, как скорбит родня, с облегченьем подумать: «не про меня».

IV

Эти слова мне диктовала не любовь, и не Муза, но потерявший скорость звука пыливый бесцветный голос. Я отвечал, лёжа лицом к стене. «Как ты жил в эти годы?» — «Как буква «г» в «ого.» «Опиши свои чувства.» — «Смущался дороговизне.» «Что ты любишь на свете сильнее всего?» «Реки и улицы — длинные вещи жизни.» «Вспоминаешь о прошлом?» — «Помню, была зима. Я катался на санках, меня продуло.» «Ты боишься смерти?» — «Нет, это та же тьма. Но, привыкнув к ней, не различишь в ней стула.»

V

Воздух живёт той жизнью, которой нам не дано уразуметь; живёт своей голубою ветреной жизнью, начинаясь над головою и нигде не кончаясь. Взглянув в окно, видишь шпили и трубы, кровлю, её свинец; это — начало большого сырого мира, где мостовая, которая нас вскормила, собой представляет его конец преждевременный. Брезжит рассвет. Проезжает почта. Больше не во что верить, опричь того, что покуда есть правый берег у Темзы, есть левый берег у Темзы. Это — благая весть.

Город Лондон прекрасен; в нём всюду идут часы.
Сердце может только отстать от Большого Бена.
Темза катится к морю, разбухшая, точно вена,
и буксиры в Челси дерут басы.
Город Лондон прекрасен. Если не ввысь, то вширь
он раскинулся вниз по реке как нельзя безбрежней.
И когда в нём спишь, номера телефонов прежней
и бегущей жизни, сливаясь, дают цифирь
астрономической масти. И палец, вращая диск
зимней луны, обретает бесцветный писк
«занято», и этот звук во много
раз неизбежней, чем голос Бога.

1974

К 10-летию со дня смерти († 5 марта 1966)

Анна АХМАТОВА

ДВА НЕИЗДАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЯ

Все, кого и не ждали в Италии,
Шлют с дороги прощальный привет.
Я осталась в моем зазеркалии,
Где ни Рима, ни Падуи нет.
Под святыми и вечными фресками
Не пройду я знакомым путем
И не буду с леонардесками
Переглядываться тайком.
Никому я не буду сопутствовать
И охоты мне странствовать нет.
Мне к лицу стало всюду отсутствовать
Вот уж скоро четырнадцать лет.

Москва.

Конец 1957-начало 1958 г.

Может быть, потом ненавидел,
И жалел, что тогда не убил.
Ты один меня не обидел,
Не обидевши — погубил.

1963.

Дорогая Надюша,

[1945]

как приятно было получить от Вас весточку.

Сегодня у меня бурный день: завтра сдаю Марьону*. Она до ужаса надоела мне — предвижу еще много возни и сложностей. Если всё пойдет гладко — надо бы опять поехать в санаторию. Здоровьем своим я вобщем довольна. Когда и что узнаю о Вас? В Ленинграде — пустыня. Не вижу почти никого. К новому дому словно привыкла, но как то все еще живу на Фонтанке.

Я даже не знаю Вашего адреса. По радие говорят, что в Ташкенте — лето. Вспоминаю 1944. Ах Надя, Надя!

Ваша Анна.

[открытка]

Надюша!

2 авг. (1945)

Чувствую себя до такой степени виноватой перед Вами, Эдиком и Ниной, что не знаю с чего начать. Я получила письма и телеграфные поздравления, я бывала утешена вашей памятью обо мне, я отвечала невпопад, уверена что не все дошло. Представляю себе, как Вам жарко сейчас. А у нас шумные предосенние бури с крупным дождем и облаками.

От Софьи Аркадьевны, которой я иногда пишу — никогда ни слова.

Целую Вас, Ервана, Нину. Не забывайте.

Ваша Анна.

* Марион Делорм — драма в стихах Виктора Гюго, которую перевела Анна Ахматова. Прим. Ред.

СКАЗКИ ПРО ФИТУ*)

ПЕРВАЯ СКАЗКА ПРО ФИТУ

Завелся Фита самопроизвольно в подполье полицейского правления. Сложены были в подполье старые исполненные дела, и слышит Ульянов Петрович, околоточный, — все кто-то скребется, постукивает. Открыл Ульянов Петрович: пыль — не прочихаешься, и выходит серенький, в пыли, Фита. Пола — преимущественно мужского, красная сургучная печать за номером на веревочке болтается. Младенец, а вида — почтенного, лысенький и с брюшком, чисто надворный советник, и лицо — не лицо, а так — Фита, одним словом.

Очень Фита понравился околоточному Ульяну Петровичу: усыновил его околоточный и тут же в уголку, в канцелярии, поселил — и произрастал Фита в уголку. Понатаскивал из подполья старых рапортов, отношений за номером, в рамках в уголку своем развесил, свечку зажег — и молится, степенно, только печать эта болтается.

Раз Ульянов Петрович приходит, — а Фита, глядь, к чернильнице припал и сосет.

— Эй, Фитька, ты чего же это, стервец, делаешь?

— А чернила, — говорит, — пью. Тоже чего-нибудь мне надо.

— Ну ладно уж, пей. Чернила-то казенные.

Так и питался Фита чернилами.

И до того дошло — смешно даже сказать: посусолит перо во рту — и пишет, изо рта у Фиты — чернила самые настоящие, как во всем полицейском правлении. И все это Фита разные рапорты, отношения, предписания строчит и в уголку у себя развешивает.

— Ну, Фита, — околоточный говорит, отец-то названный, — быть тебе, Фита, губернатором.

* Четыре сказки про Фиту появились в небольшом сборнике "Сказки для взрослых", изданном в 1922 г. в Берлине, в издательстве Гржебина. Совершенно очевидно, что Фита, порожденный Ульяновом Петровичем, олицетворяет Ленина и насажденный им образ правления. Одновременно, в "Мы" Благодетелю Единого Государства Е. Замятин придал многие Ленинские черты. Это, пожалуй, наиболее ранние отображения Ленина в художественной литературе. Прим. Ред.

А год был тяжелый — ну, какой там, этот самый: и холера, и голод.

Прикатил Оита в губернию на курьерских, жителей собрал немедля — ну разносить:

— Эт-то что у вас такое? Холера, голод? Й—я вас! Чего смотрели, чего делали?

Жители очесываются:

— Да-к мы что ж, мы ничего. Доктора́ — холерку подлечивали маленько. Опять же к скопским бы за хлебом спсылать...

— Я вам — доктора́! Я вам — скопских!

Посусолит Оита перо:

— «Предписание № 666. Сего числа, вступив надлежаще в управление, голод в губернии мною строжайше отменяется. Сим строжайше предписывается жителям немедля быть сытыми. Оита».

— «Предписание № 667. Сего числа предписано мною незамедлительное прекращение холеры. В виду вышеизложенного, сим увольняются сии, кои самовольно именуют себя докторами. Незаконно объявляющие себя больными холерой подлежат законному телесному наказанию. Оита».

Прочитали предписание в церквах, расклеили по всем по заборам. Жители отслужили благодарственный молебен и в тот же день воздвигли Оите монумент на базарной площади. И степенный, лысенький, с брюшком — похаживал Оита без шляпы кругом собственного монумента.

Прошел день и другой. На третий... глядь, холерный заявился в самую Оитину канцелярию: стоит там и корчится, — ведь, вот, не понимает народ своей пользы. Велел ему Оита всыпать законное телесное наказание. А холерный вышел — и противоправительственно помер.

И пошли, и пошли мереть — с холеры и голоду, и уж городских не хватало для усмирения преступников.

Почесались жители и миром решили: докторов вернуть и за скопским хлебом послать. А Оиту из канцелярии вытащили и учить стали, по-мужицки: народ необразованный, темный.

И рассказывают: кончился Оита так же не по-настоящему, как и начался: не кричал, и ничего, а только все меньше и меньше, и таял, как надувной американский чорт. И осталось только чернильное пятно, да эта самая его сургучная печать за номером.

Так Оита кончился. Но до конца еще умудрился столько дивных делов натворить, что одним духом и не сказать всех.

ВТОРАЯ СКАЗКА ПРО ОИТУ

Указом Оита отменил холеру. Жители водили хороводы и благоденствовали. А Оита дважды в день ходил в народ, беседуя с извозчиками и одновременно любуясь монументом.

— А что, братцы, кому монумент-то, знаете?

— Как, барин, не знать: господину исполняющему Оите.

— Ну, то-то вот. Не надо ли вам чего? Все могу, мне недолго.

А была извозчицья биржа около самого собора. Поглядел извозчик на монумент, на собор поглядел — да и говорит Оите.

— Да вот, толковали мы наемни: уже больно нам округ собора ездить несподручно. Кабы да через площадь прямая-то дорога...

А был Оита умом быстр, как пуля. Сейчас, это, в канцелярию за стол — и готово:

«Имеющийся градский собор неизвестного происхождения сим предписываю истребить немедля. На месте вышеупомянутого собора учредить прямоезжую дорогу для г. г. легковых извозчиков. Во избежание предрассудков исполнение вышеизложенного поручить сарацинам. Подписал Оита».

Утром жители так и обомлели: собор-то наш, батюшки! В сарацинах весь — сверху до низу: и на всех пяти главах, и на кресте верхом, и по стенам, как мухи. Да черные, да голые — только веревочкой препоясаны, и кто зубом, кто шилом, кто дрючком, кто тараном — только пыль дымит.

И уж синих глав нету, и на синем — звезд серебряных, и красный древний кирпич кровью проступил на белорудых стенах.

Жители от слез не прохлебнутся:

— Батюшка, Оита, благодетель ты наш, помилуй! Да уж мы лучше кругалем будем ездить, только собор-то наш, Господи!

А Оита гоголем ходит — степенный, с брюшком, на сарацин поглядывает: орудуют — глядеть любо. Остановился Оита перед жителями — руки в карманы:

— Чудаки вы, жители. Ведь я — для народа. Улучшение путей сообщения для легковых извозчиков — насущная потребность, а собор ваш — что? Так, финтифлюшка.

Тут вспомнили жители: не больно давно приходил по собор Мамай татарский, от Мамаю откупились — авось, мол, и от Оиты откупимся. В складчину послали Оите ясак: трех девиц красивейших да чернил четверть.

Разгасился Оита, затопал на жителей:

— Пошли вон сейчас! Туда же: Ма-ма-ай! Мамай ваш — мямля, а у меня сказано — и аминь.

И сарацинам помахал ручкой: гони, братцы, во-всю, уж стадо домой идет.

Село солнце — от собора остался только щебень. Своеручно пролинейл Оита мелом по линейке прямоезжую дорогу. Всю ночь сарацины орудовали — и к утру пролегла через базарную площадь дорога — прямая, поглядеть любо.

В начале и в конце дороги воздвигали столбы, изукрашенные в будошний черножелтый цвет, и на столбах надписание:

«Такого-то года и числа неизвестного происхождения собор истреблен исполняющим обязанности Оитою. Им же воздвигнута сия дорога с сокращением пути легковых извозчиков на 50 сажень».

Базарная площадь была, наконец, приведена в культурный вид.

ТРЕТЬЯ СКАЗКА ПРО ОИТУ

Жители вели себя отменно хорошо — и в пять часов пополудни Оита объявил волю, а будошников упразднил навсегда. С пяти часов пополудни у полицейского правления, и на всех перекрестках и у будок — везде стояли вольные.

Жители осенили себя крестным знаменем:

— Мать Пресвятая, дожили-таки. Глянь-ка: в чуйке стоит! Заместо будошника — в чуйке, а?

И, ведь, главное что: вольные в чуйках свое дело знали — чисто будошниками родились. В участок тащили, в участке — и в хрюкалку, и под микитки — ну, все как надобно. Жители от радости навзрыд плакали:

— Слава тебе, Господи! Довелось: не кто-нибудь, свои бьют — вольные. Стой, братцы, армяк скину: вам этак по спине будет сподручней. Вали, братцы! та-ак... Слава Тебе, Господи!

Друг перед дружкой наперебой жители ломались посидеть в остроге: до того хорошо стало в остроге — просто слов нету. И обыщут тебя, и на замочек запрут, и в глазок заглянут — все свои же, вольные: слава Тебе, Господи...

Однако, в скорости местов не хватать стало, и пускали в острог жителей только какие попочетней. А прочие у входа ночь напролет дежурили и билеты в острог перекупали у барышников.

Уж это какой же порядок! И предписал Оита:

«Воров и душегубов предписываю выгнать из острога с позором на все четыре стороны».

Воров и душегубов выгнали на все четыре стороны, и желавшие помаленьку в остроге разместились.

Стало пусто на улицах — одни вольные в чуйках; как-то оно не того. И опубликовал Оита новый указ:

«Сим строжайше предписывается жителям неуклонная свобода песнопений и шествий в национальных костюмах».

Известно, в новинку — оно трудно. И для облегчения неизвестные люди вручили каждому жителю под расписку текст примерного песнопения. Но жители, все-таки, стеснялись и прятались по мурьям: темный народ!

Пустил Оита по мурьям вольных в чуйках — вольные убеждали жителей не стесняться, потому нынче — воля, убеждали в загравок и под сусало и, наконец, убедили.

Вечером — как Пасха... Да что там Пасха! Повсюду пели специально приглашенные соловьи. Повзводно, в ногу, шли жители в национальных костюмах и около каждого взвода вольные с пушкой. Единогласно и ликующе жители пели, соответственно тексту примерного песнопения:

Славься, славься, наш добрый царь.

Богом нам данный Оита-государь.

А временно исполняющий обязанности Оиты раскланивался с балкона.

Ввиду небывалого успеха, жители тут же, у балкона Оиты, под руководством вольных, в единогласном восторге, постановили — ввести ежедневную повзводную свободу песнопений от часу до двух.

В эту ночь Оита первый раз спал спокойно: жители явственно и быстро просвещались.

ПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА ПРО ОИТУ

А был тоже в городе премудрый аптекарь: человека сделал, да не как мы, грешные, а в стеклянной банке сделал, уж ему ли чего не знать?

И велел Оита аптекаря предоставить.

— Скажи ты мне на милость: и чего-й-то мои жители во внеслужебное время скушные ходят?

Глянул в окошко премудрый аптекарь: какие дома с коньками, какие с петушками; какие жители в штанах, какие в юбках.

— Очень просто, — Оите говорит. — Разве это порядок? Надо, чтоб все одинаковое. Вообще.

Так — так так. Жителей — повзводно да за город всех, на выгон. И в пустом городе — пустили огонь с четырех концов: до гла выело, только плешь черная — да монумент Оите посередке.

Всю ночь пилы пилили, молота стучали. К утру — готово: барак, вроде холерного, длиной семь верст и три четверти, и по бокам — закуточки с номерками. И каждому жителю — бляху медную с номерком и с иголочки — серого сукна униформу.

Как это выстроились все в коридоре — всяк перед своей закуточкой, бляхи на поясах — что жар-птицы, одинаковые все — новые гривеннички. До того хорошо, что уж на что Оита — крепкий, а в носу защекотало, и сказать — ничего не сказал: рукой махнул — и в свою закуточку, № 1. Слава тебе, Господи: все — теперь, и помереть можно...

Утром, чем-свет, еще и звонок не звонил (по звонку вставали) — а уж в № 1 в дверь стучат:

— Депутаты там к вашей милости, по неотложному делу.

Вышел Оита: четверо в униформе, почтенные такие жители, лысые, пожилые. В пояс Оите.

— Да вы от кого депутаты?

И загалдели почтенные — все четверо разом:

— Это что же такое — никак невозможно — это нешто порядок... От лысых мы, стало быть. Это, стало быть, аптекарь кучерявый ходит, а которые под польку, мы — лысые? Не-ет, никак невозможно...

Подумал Оита — подумал: по кучерявому всех — не по-одинаковитъ, делать нечего — надо по лысым равнять. И сарацинам рукой махнул. Налетели — набежали с четырех сторон: всех — наголо, и мужский пол, и женский: все — как колено. А аптекарь премудрый — чудной стал, облизанный, как кот из-под дождичка.

Еще и стричь всех не кончили — опять Оиту требуют, опять депутаты. Вышел Оита смурый: какого еще рожна?

А депутаты:

— Гы-ы! — один в кулак. — Гы-ы! — другой. Мокроносые.

— От кого? — буркнул Оита.

— А мы, этта... Гы-ы! К вашей милости мы: от дураков. Гы-ы! Жалаем, знычть, чтоб, знычть... всем, то есть, знычть... равномерно...

Туча-тучей вернулся Оита в № 1. За аптекарем.

— Слыхал, брат?

— Слыхал... — голосок у аптекаря робкий, голова в ситцевом платочке: от холоду, непривычно стриженому-то.

— Ну как же нам теперь?

— Да как-как: теперь уж чего же. Назад нельзя.

Перед вечерней молитвой — прочли приказ жителям: быть всем петыми дураками равномерно — с завтрашнего дня.

Ахнули жители, а что будешь делать: супротив начальства разве пойдешь? Книжники умные наспех последний раз сели читать, до самого до вечернего звонка все читали. Со звонком — спать полегли, а утром все встали: петые. Веселье — беда. Локтями друг дружку подталкивают — гы-ы! гы-ы! Только и разговору: сейчас вольные в чуйках корыта с кашей прикатят: каша ячневая.

Прогулялся Оита по коридору — семь верст и три четверти — видит, веселые. Ну, отлегло: теперь-то уж все. Премудрого аптекаря в уголку обнял:

— Ну, брат, за советы спасибо. Век не забуду.

А аптекарь — Оите:

— Гы-ы!

А ведь выходит дело — один остался: одному за всех думать.

И только это Оита заперся в № 1 — думать, как опять в дверь. И уж не стучат, а прямо ломаются, лезут, гамят несудом:

— Э-э, брат, нет, не проведешь! Мы хоть и петые, а тоже, знычть, понимаем! Ты, брат, тоже дурей. А то ишь ты... Не-ет, брат!

Лег Оита на кровать, заплакал. А делать нечего.

— Уж Бог с вами, ладно. Дайте сроку до завтра.

Весь день Оита промежду петых толкался, и все дурел помаленьку. И к утру — готов, ходит — и: гы-ы!

И зажили счастливо. Нету на свете счастливее петых.

1922.

Михаил ГЕЛЛЕР

СОЛЖЕНИЦЫН И ЛЕНИН

Незадолго до смерти Ленина пролетарский поэт Николай Потеяев с грустью констатировал: «Портретов Ленина не видно, похожих не было и нет. Века уж дорисуют, видно, недорисованный портрет». Миллионы портретов Ленина были «нарисованы» с того времени, но только сегодня, после выхода книги Александра Солженицына, можно говорить о появлении Портрета. И вопрос не в том: похож этот портрет или не похож? Кто может ответить? Важно другое — портрет — удивительно живой, написанный страстно и пристрастно, с болью обманутой любви.

Портрет Ленина кисти Солженицына станет Портретом вождя русской революции не только потому, что написан он мастером, писательский талант которого достиг высшей точки расцвета, но и потому, что написан он верующим, потерявшим веру.

Ключ к «Ленину в Цюрихе» мы находим в первом томе «Архипелага ГУЛаг». Рассказывая о своей встрече в камере со старым революционером Фастенко, Солженицын замечает: «Тут Фастенко я еще не мог понять. Для меня в нем едва ли не главное и самое удивительное было то, что он лично знал Ленина, сам же он вспоминал это вполне прохладно. (Мое настроение было тогда такое: кто-то в камере назвал Фастенко по одному отчеству, без имени, то есть просто: «Ильич, сегодня парашу ты выносишь?» Я вскипел, обиделся, это показалось мне кощунством, и не только в таком сочетании слов, но вообще кощунство называть кого бы то ни было Ильичом кроме единственного человека на земле!»).

Неистовость, свойственная темпераменту Солженицына, проявлявшаяся в его преклонении перед Лениным еще и долго после ареста, выразилась теперь в книге, где разбивается кумир, которому он поклонялся. Фастенко «говорил мне ясно по-русски: «Не сотвори себе кумира!» А я не понимал!» Когда Солженицын понял — кумир был свергнут и растоптан в пыль.

Но и этого — преклонения и низвержения — было бы, мне кажется, недостаточно для создания такого Ленина, какого мы находим на страницах новой книги Солженицына. Есть в портрете

отца советского государства еще один необычайно важный элемент: сходство с автором портрета. Преклоняясь перед кумиром, потом свергнув его, Александр Солженицын обнаружил вдруг свое внутреннее родство с Лениным. «Теленок бодался с дубом» — был двойным портретом: Солженицын видел себя в зеркале-Твардовском. «Ленин в Цюрихе» — снова двойной портрет: Солженицын видит себя в зеркале-Ленине. И понимает Ленина — через себя. Можно думать: и себя — через Ленина.

Мелкие черточки, неважные детали складываются в портрет. В чей портрет? Это — Ленин читает книги по базедовой болезни, чтобы проверить, правильно ли швейцарские врачи лечат его жену (стр. 27). Это — зэк Солженицын — читает книги по раку, чтобы проверить, как казахстанские врачи лечат его. Это — Ленин «заболел от одного потерянного часа» (59). Это — Солженицын — в «Теленок бодался с дубом» — бережет каждую секунду своей жизни, потраченную не на писание «главной книги». А когда мы читаем о Ленине: «...он видел выводы своих книг исключительно рано, еще не садясь их писать», разве нет у нас ощущения, что это относится и к автору «Ленина в Цюрихе»?

Начав свой гигантский труд о революции, рассчитанный на 20 томов, Солженицын не мог не встретить — прежде всего — «того, кто сделал революцию». Маяковский писал: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше». Солженицын очищает себя от Ленина, пишет проникающий до сердца портрет, чтобы познать Ленина, познать революцию. И — торопится опубликовать портрет, сбросить с плеч тяжесть, мешающую идти дальше.

«Ленин в Цюрихе» — разоблачение мифа Ленина: гениального, мудрого доброго, смелого, «самого человеческого из всех людей». В книге — три Ленина. Первый — Ленин в августе 1914 года. Началась война и русский эмигрант Владимир Ульянов, проживающий в Поронине, арестован австрийскими властями. Очень скоро выпущенный по ходатайству австрийских социалистических лидеров, он едет в Швейцарию. Первый Ленин — счастливый. Сбылись его мечты, началась война: «Замечательно, что началась война! Это радость, что началась!.. Да это счастливая война! — она принесет великую пользу международному социализму...» Глава кончается словами: «Это — подарок истории, такая война!»

Ленин, с которым знакомится читатель в первой главе, — прямая противоположность мифологическому Ленину: он — плохой конспиратор (конспирировавший 30 лет Солженицын особенно чувствует здесь свое превосходство), трусоват, безжалостен к лю-

ням, отбрасывая тех, в ком миновала надобность, никому, даже жене, не прощает ошибок, не терпит шуток по своему адресу. Но есть в этом портрете и черта из мифологического образа: «...какая сила уверенности нужна была — не усумниться, не закачаться..., но провидя будущее, стоять и знать»... Сила уверенности, ощущение «властной силы, проявляемой через него», сознание возложенной миссии — так определяет Солженицын главную пружину ленинского поведения, ленинского характера в первой же главе.

Второй Ленин — осенью 16 года — вождь группы преданных ему исполнителей, интриган, девиз которого: «Раскалываться — всегда! Раскалываться — на всех этапах движения! Раскалываться до тех пор, пока станешь хоть в самой малой кучке — но Центральным Комитетом! И пусть в нем останутся самые средние, даже самые ничтожные люди, но — единопослушные, и можно достичь — всего!!!» Второй Ленин — одержим революцией. Но только такой революцией, вождем которой — будет он. Второй Ленин — снедаем властолюбием, особенно страшным потому, что оно аскетично. Непреклонно верящему в свою миссию Ленину не нужны никакие земные блага. Только власть, которая позволит ему благодетельствовать Пролетариат. Но даже в Ленине есть ушербина, даже у железного Мессии рабочего класса есть слабость — любовь к женщине. Второй Ленин — влюбленный Ленин. Александр Солженицын рассказывает о странной любви Владимира Ильича к Инессе Арманд. Странная любовь — любовь втроем странная: ибо не нравится писателю ни объект любви — Инесса, бросившая двух мужей и пятерых детей — для революции, ни поведение Ленина, не разрешившего жене — Надежде — уйти от него, ибо «нужна», ибо «жить с Надей — наилучший вариант». Быть может, особенно не нравится писателю то, что Ленин «зависел от ее наказаний. Инесса была единственный человек на земле, от кого он — чувствовал, признавал свою зависимость». Поэтому жестоко-иронично пишет Солженицын: «Правда, все втроем, втроем — в лесу ли бернском, сойдясь из соседних улиц; на горных прогулках у Зёренберга по альпийские розы или грибы (только в дальние спальные хижины иногда с Инессой вдвоем)», и еще более иронично о том, как прерывает сложные размышления о мире и революции простая мысль о давно не приезжавшей Инессе: «Так ведь если свободную любовь отстаивать теоретически, не дать себя убедить — отчего же ее не осуществлять?» Но тотчас же приходит утешение: «Да не может быть! Товарищ и друг! Как славно билась в Кинтале с центристами?»...

Третий Ленин — весной 17 года — мечущийся в разные стороны, растерянный, растерявший всех сторонников, утративший всякую связь с Россией. Убедившись, что революция на родине невозможна, Ленин лихорадочно гонится за химерами: революция в Швейцарии, революция в Швеции. Где-нибудь, все равно — только бы — революция. И все чаще болит голова: «От этой головы отделаться — некуда. Все в мире ждет твоих оценок и решений! все в мире можно направить твоею волей! — а сам ты уже стиснут и вырваться — невозможно!»

Но выход появляется. В России — вопреки ленинским предсказаниям, несмотря на ленинское убеждение в ее невероятности — вспыхивает революция. И вот — все готово к выезду на родину, к проезду через Германию. И, заканчивая книгу, Радек прощается: «В общем так, Владимир Ильич: через шесть месяцев или будем министрами — или будем висеть». Апрель 1917.

Портрет Ленина: разоблачение мифа о мудром, прозорливом вожде, о пророке, видевшем на сто лет вперед. Портрет Ленина: разоблачение мифа о добряке, любящем детей и кошек. Портрет Ленина: портрет жестокого, бессердечного в своей целеустремленности безгранично властолюбивого человека, одержимого своей миссией. Предосудительны ли эти качества сами по себе? Да, — отвечает писатель. Но... Солженицын пишет: «Ленин — струна. Ленин — стрела». Напряжение всех сил для достижения цели, непреклонность воли на пути к ней — не могут не импонировать Солженицыну. Но он отвергает цель, к которой — как стрела, поражая все на своем пути, — стремился Ленин. Писатель отвергает революцию. Отвергает прежде всего потому, что революция, которую готовит Ленин, которой посвящает все свои помыслы, всю свою жизнь — для Солженицына: революция антирусская, антинациональная.

Солженицын демонстрирует это косвенно: в окружении Ленина нет русских — Якуб Ганецкий, Карл Радек, Григорий Зиновьев, Лев Каменев, Бриллиант-Сокольников, Христиан Раковский, наивно-доверчивый швейцарец Платтен, кипящий, решительный немец Мюнценберг. Интернационализм социал-демократической партии оборачивается в книге Солженицына враждебностью России. Никому из революционеров, окружающих Ленина, и ему в первую очередь — до России нет никакого дела, не жалко ее. «А-а, попался хищный стервятник с герба! — радуется Ленин, узнав о начале войны. — Схвачена лапа, не выдернешь!.. Ампутировать Россию кругом. Польше, Финляндии — отделение! Прибалтийскому

краю — отделение! Украине — отделение! Кавказу отделение! Чтоб ты подох!..» Но не только об уничтожении Российской империи мечтает Ленин. Читая сводки о военных действиях, «цифры русских потерь всякий раз находил и ногтем отмечал Ленин — с удовлетворением и удивлением. Чем крупней были цифры, тем радостней: все эти убитые, раненые и пленные вываливались как колья из самодержавного частокола и ослабляли монархию».

В длинном внутреннем монологе сводит Ленин счеты с Россией, Солженицын с Лениным; и не знает читатель, думает ли это о себе Ленин, пишет ли это о Ленине Солженицын: «И зачем он родился в этой рогожной стране?! Из-за того, что четверть крови в тебе русская, из-за этой четвертушки привязала судьба к дрянной российской колыхаге! Четвертушкой крови, но ни характером, ни волей, ни склонностями нисколько он не состоял в родне с этой разляпистой, растяпистой, вечно пьяной страной... И что же его связывало с этой страной? Да не хуже, чем этим полутатарским языком, он овладел бы и тремя европейскими, потрудясь больше. С Россией — двадцать лет конкретных революционных связей? Ну, только вот они. Но сейчас... он уже достаточно известен в мировой социалистической сфере и может перешагнуть туда. Социализм — безнационален».

Социализм — безнационален, социализм — антинационален, социализм — враг России: так раскрывается смысл деятельности Ленина. И чтобы смысл этот стал очевиднее, нагляднее, рядом с Лениным ставит Александр Солженицын выдающегося социалиста, беспощадного врага России — Александра¹⁾ Лазаревича Гельфанда, известного под псевдонимом — Парвус. Пять глав из одиннадцати выделены в книге Парвусу, его биографии, его разговору с Лениным, его Плану уничтожения России, его содействию в организации проезда Ленина через Германию в Россию — в апреле 1917 г.

Один из крупнейших теоретиков II Интернационала (еще в 1930 г. Малая Советская Энциклопедия называет Парвуса «видным теоретиком марксизма»), руководитель — вместе с Троцким — русской революции 1905 г., миллионер, разбогатевший на подозрительных поставках, советчик германского министерства иностранных дел во время войны, враг России, казавшейся ему главной

¹⁾ Эмигрировав 19-и лет из России, Гельфанд переименовал свое имя — Израиль — на Александр, но Солженицын продолжает называть его: Израиль Лазаревич.

преградой на пути к победе социализма, Парвус был персонажем, который Солженицын должен был бы выдумать, если бы он не существовал в действительности. Отличная биография Парвуса, написанная З. Земаном и В. Шарлау²⁾, дала Александру Солженицыну богатый материал для создания демонического образа гениального революционера-заговорщика, не брезгующего никакими средствами для достижения своей цели.

Цель Парвуса — она же и цель Ленина, она же — «задача мирового социализма»: «уничтожающий разгром России и революция в ней». Отсюда тезис Парвуса: «Путь к победе мирового социализма — военное укрепление Германии... Победа Германии — победа социализма!» Отсюда: План Парвуса: «собрать под единое руководство все возможности, все силы и средства, вести из единого штаба — действия центральных держав, русских революционеров и окраинных народностей... Совместный взрыв революции социальной и революции национальной при германской денежной и материальной поддержке».

Ставя рядом, на одну доску Парвуса и Ленина, сравнивая их, примеряя одного к другому, Солженицын прежде всего сокрушает миф об уникальной гениальности вождя Октябрьской революции. Рядом с Лениным — Парвус: не менее гениален (а может быть, даже..?) не менее прозорлив (а может быть, даже..?), лучше видит будущее (это Парвус понял все возможности советов рабочих депутатов, это Парвус в начале века предвидел, что Европа станет объектом борьбы двух сверхдержав — Америки и России). Ставя рядом Парвуса и Ленина, Солженицын тем самым подчеркивает антирусскость Ленина, для которого — как и для Парвуса — революция, социализм — важнее родины.

В одном только Ленин оказался мудрее Парвуса, дальновиднее: не пожелал открыто связываться с Германией. «Вот в чем вы ошиблись, Израиль Лазаревич!» — выкривает Ленин мысленно своему союзнику. — Взять от других нужное? — да. Но себе связать руки? — нет!!!»

В центральной сцене — в воображенном Солженицыным разговоре Парвуса с Лениным, который представлен как торг «гешефтера» и «калмыка на астраханском базаре», Ленин проявляет большую выдержку, меньшую нетерпеливость.

²⁾ Winfried B. Scharlau, Zbynen A. Zeman — *Freibeuter der Revolution.*

Исторические романы всегда пишутся о современности: истина эта не требует доказательств. Ленин Солженицына — это Ленин, каким его видит автор «Архипелага ГУЛАГ». Но, удивительным образом, так же видел Ленина и его друг и современник Максим Горький в короткий период после Октябрьского переворота.

Это Горький писал через месяц после Октября: «Да, я мучительно и тревожно люблю Россию, люблю русский народ... Народные комиссары относятся к России как к материалу для опыта, русский народ для них — та лошадь, которой ученые-бактериологи прививают тиф для того, чтоб лошадь выработала в своей крови противотифозную сыворотку. Вот именно такой жестокий и заранее обреченный на неудачу опыт производят комиссары над русским народом...» А через полгода после революции он писал снова: большевики «производят жесточайший научный опыт над живым телом России...»

Горький отлично понимает — и Солженицын вполне с ним согласен — мотивы, движущие большевиками, «революционерами на время», по выражению автора «Несвоевременных мыслей»: такой революционер «относится к людям, как бездарный ученый к собакам и лягушкам, предназначенным для жестоких научных опытов, с той, однако, разницей, что и бездарный ученый, мучая животных бесполезно, делает это ради интересов человека, тогда как революционер сего дня далеко не постоянно искренен в своих опытах над людьми».

Горький анализирует не абстрактных «народных комиссаров», «революционеров на время», он анализирует Ленина. Дает портрет Ленина, полностью соответствующий образу, который мы находим в «Ленине в Цюрихе»: «Сам Ленин, конечно, человек исключительной силы..., человек талантливый, он обладает всеми свойствами «вождя», а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс».

Горький через несколько месяцев после революции, Солженицын через полвека с лишним видят Ленина одинаково. Но происхождение его характера объясняют они совершенно по-разному. И в этом различии нельзя не видеть знаменья времени, а, быть может, последствий революции. Для Горького: «Ленин «вождь» и — русский барин, не чуждый некоторых душевных свойств этого ушедшего в небытие сословия, а потому он считает себя вправе проделать с русским народом жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу». Для Солженицына — отношение Ленина к рус-

скому народу объясняется нерусскостью Ленина. Для Горького — свидетеля революции — она: дело рук горстки оторванных от народа, от страны интеллигентов, руководимых «русским барином» Лениным. Для Солженицына — историка революции — она: дело горстки заговорщиков инородцев и чужеземцев.

Такой подход к революции пророчески предвидел другой ее свидетель — Иван Бунин. Он записывает в своем дневнике: «Левые» все «эксцессы» революции валят на старый режим, черносотенцы на евреев. А народ не виноват! Да и сам народ будет впоследствии валить все на другого — на соседа и на еврея: «Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жида на все это дело подбили».

«Ленин в Цюрихе» — блистательный портрет вождя партии, фанатика, одержимого своей миссией. Сила книги в ее напряженной концентрированности, редкой целеустремленности, в узости видения: в фокусе — Ленин и Парвус, все, что по краям размыто, нечетко. Но в этом и — слабость этих глав, оторванных от Узлов книги. Оторвав Ленина от России — пусть даже это логически вполне оправдано: Ленин-эмигрант был оторван от России, — Солженицын лишил своего героя (совершенно) необходимого фона. В значении этого фона легко убедиться, вставив первую главу «Ленина в Цюрихе» — 22 главу «Августа Четырнадцатого» — на ее место: между военными главами — 21 и 23. Жестокость боев, их кровопролитность подчеркивает чудовищность радости Ленина по поводу начала войны. Без контекста радость социалиста, приветствующего войну, приближающую революции, носит абстрактно-теоретический характер. В романе — радость эта носит нечеловеческий характер.

Можно соглашаться с Солженицыным, не соглашаться, подтверждать или опровергать его взгляды. Для всех читателей «Ленина в Цюрихе» Ленин будет теперь таким, каким изобразил его Александр Солженицын. Можно спорить с Солженицыным — историком или философом. Нельзя спорить — с Солженицыным-художником.

СВИДЕТЕЛИ О РЕВОЛЮЦИИ

(А. Амфитеатров — «Горестные заметы», 1922. И. Бунин — «Окаянные дни», изд. 2-ое, «Заря», Канада, 1974).

Вправе ли писатель покинуть родину, где его существование лишено смысла и где он вынужден либо молчать, либо лгать? Ответ на этот вопрос дают книги Бунина и Амфитеатрова о революции. Обе они иначе и не могли быть написаны, как только в эмиграции. Если бы писатели попытались опубликовать их на родине, их немедленно судил бы военный трибунал Бунин, пряча в Москве в щели дневниковые записи, послужившие материалом для его книги, сознавал, что ему грозит расстрел. Обоим писателям пришлось удалиться в «прекрасное далёю», чтоб рассказать о пережитом кошмаре, об «окаянных днях». Правда, книги их, не изуродованные ни цензурой, ни автоцензурой, и по сей день не дошли до соотечественников, которым они предназначены, и, как клад зарытый в землю, ждут своего часа. И однако именно им суждено когда-нибудь восполнить пробел в национальной памяти и рассказать будущим поколениям русских людей ту горькую правду, которую от них скрывают почти шесть десятилетий. О том, что высказанные в них взгляды рано или поздно восторжествуют, красноречиво свидетельствует то, что уже сегодня наиболее глубокие и проницательные из современных русских писателей Солженицын и Гроссман, каждый своим путем, приходят к тем же выводам, что и Бунин и Амфитеатров. Удивительная особенность «Горестных замет» и «Окаянных дней» состоит и в том, что они не стареют и остаются живыми. Бунин, уже в 1920 году заметивший, какие меры предпринимает советская власть, «чтоб потом ни одна душа не помнила нашего времени», предсказывает неизбежность раскаяния: «...народ будет впоследствии валить всё на другого — на соседа и на еврея». «Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то жили, которой мы не ценили, не понимали — всю эту мощь, сложность, богатство, счастье». — пишет он. — «Когда совсем падаешь духом от полной безнадежности, ловишь себя на сокровенной мечте, что всё-таки настанет же когда-нибудь день отмщения и общего, всечеловеческого проклятия теперешним дням». И не случаен его гнев против Блока, благо-

словившего в наивной доверчивости ту революцию, которая вскоре его задушила.

«Блок слышит Россию и революцию, как ветер, — саркастически замечает Бунин. — О, словоблуды! Реки крови, море слёз, а им всё нипочём!» Он с горечью предвидит, что вслед за Блоком и другие будут возвеличивать дни, когда для него «раскрылась... несказанно страшная правда о человеке»: «Всё будет забыто и даже прославлено! И прежде всего литература поможет,* которая что угодно исказит, как это сделало, например, с французской революцией то вреднейшее на земле племя, что называется поэтами, в котором на одного истинного святого всегда приходится десять тысяч пустосвятов, выроdkов и шарлатанов»... С такой же пристальной и неподкупной трезвостью относится к революционной действительности и Амфитеатров, вскрывающий в «Горестных заметах» противоречия между теорией и лозунгами и подлинными экономическими и политическими тенденциями советской власти.

1.

Два года назад, когда вскоре после отъезда из Советского Союза я набрела в Риме в русской библиотеке на «Горестные заметы», книга эта нанесла тяжёлый удар моим надеждам и иллюзиям. Как и многие, я считала беспринципность и лживость советского режима симптомами его разложения, предвещающими его падение. Амфитеатров, однако, убеждал меня, что те противоречия, от которых, по законам марксистской диалектики, советскому государству надлежало бы тут же взорваться, были свойственны ему с первых дней его возникновения, но оно от них не взорвалось. Книгу эту полезно было бы прочитать всем нашим историкам и литераторам, ведущим отсчёт отклонений от коммунистических идеалов после смерти Ленина и во всём обвиняющим Сталина и «термидорианское перерождение» партии большевиков. Амфитеатров свидетельствует, что и «переродиться»-то, собственно, было нечему. Он предупреждает, как опасен «кабинетный» теоретический взгляд на Совдепию, доверие к её теориям. Потому что, захватив власть в стране, большевики на деле тут же изменили всем своим марксистским теоретическим принципам, включая и классовый, и не через двадцать лет, а сразу же, при жизни Ленина, создали милитаристическое, возглавляемое «ком-

*) Выделено автором (Н. М.)

мунистической олигархией» государство, похваляющееся тем, что оно владеет «самой большой армией в мире».

«В конечном результате революции 25 октября совсем не «пролетарий», а «человек с винтовкой» стал хозяином страны, — пишет Амфитеатров. — «Чудовищное анти-демократическое и даже противогосударственное развитие армии поглотило золотой запас, продовольствие, рабочую силу, пути сообщения и даже классовую политику большевиков». Поистине удивительно, что характеристика эта, до сих пор не потерявшая значения, относится к началу двадцатых годов, когда у штурвала государственной власти стоял Ленин. Однако, прочитав эти строки, вспомнишь и то, что уже в 1921 году на десятом съезде партии Ленину пришлось отвечать на предъявленное ему «Рабочей оппозицией» обвинение в недоверии к рабочему классу и в отсутствии пролетариев в руководящих органах партии. Ленин попытался тогда представить это обвинение, как вздорное. «Ведь если партия не верит рабочему классу и не пускает рабочих на ответственные посты, нужно такую партию долой, — уж договаривайте до конца!» — говорил он и жаловался, что партия «изнемогает от недостатка сил» и «малейшую помощь сколько-нибудь дельного человека, — а из рабочих тройне... берёт обеими руками». Но факт оставался фактом: в составе политбюро на 10-ом съезде партии не оказалось ни одного рабочего. Да и само возникновение «Рабочей оппозиции» говорило о глубоком недовольстве среди рабочих, совсем не почувствовавших себя после Октябрьской революции хозяевами страны. Амфитеатров приводит в «Горестных заметках» цифры, свидетельствующие, что в связи с разрухой и запустением в одном только Петрограде количество рабочих уменьшилось почти в двадцать раз. До Октябрьской революции на два с половиной миллиона жителей города приходилось около 450 000 рабочих (20% населения). В 1922 году осталось 600 тысяч жителей, и из них лишь 20-30 тысяч рабочих.

Разумеется, такое государство не было пролетарским. Ещё в меньшей степени опиралось оно на крестьян, хотя с первых дней Ленин расколол крестьян на кулаков, середняков и бедняков и старался с помощью комбедов разжечь классовую борьбу внутри крестьянства. Несмотря на этот искусственно разжигаемый раскол, по словам Амфитеатрова, то тут, то там непрерывно вспыхивали крестьянские восстания, подавляемые красными курсантами с неслыханной жестокостью, «без разбора бунтарей и покорных». «Все — и солдаты, и рабочие, и крестьяне против»,

— свидетельствует писатель. Почему же советская власть «держится и даже побеждает, крепнет? Что за чудо? Не одними же красными курсантами?»

«Большевикам не удалась ни одна из их сознательных реформ, но в высшей степени удалась одна бессознательная», — отвечает он на этот вопрос. — «Процессом истребления, вооружённого девизом «грабь награбленное», большевики незаметно создали новый средний класс, новую буржуазию, судьбы которой тесно связаны с их судьбами. И по историческому правилу, что средний класс всюду составляет лучшую опору правительства, — она уже становится оплотом советского государства...». «Когда голод принудил большевиков капитулировать перед «свободой торговли», то «свободная торговля» возвратилась в Петроград исключительно в форме разрешённой спекуляции и, вместо ожидаемого падения цен, взвинтила их до баснословия. И ни для кого не было тайною, что огромное большинство продуктов поступает на рынок из правительственных складов, обираемых советскими служащими... Коммуна ограбила частную собственность, чиновники коммуны грабят её самоё». Амфитеатров рассказывает, что ни борьба с хищениями, ни «тысячи расстрелянных и тюрьму издевавших зжидителей» не помогли большевикам обуздать эту жульническую стихию; «...выдвигаемая не искусственным умыслом, а естественном жизни, она оказалась непобедимой и в конце-концов восторжествовала, заставила-таки коммунистическую власть признать её, если не *de jure*, то *de facto*». Писатель предсказывает, что именно этот «ново-буржуазный класс, многочисленный и крепкий, образовавшийся благодаря грабежу, хищениям, спекуляции, стоящий на низком уровне морали и культуры», рано или поздно «окончательно делается хозяином положения» и что «никогда он не выступит против большевиков активно — разве лишь под какую-нибудь уж совершенно непоколебимую гарантию своей амнистии и бытовой неприкосновенности». Остается лишь удивляться дальновидности этих прогнозов. Невольно вспоминается наша пресловутая «оттепель», происшедшая с разрешения властей и сменившаяся обычным холодом, как только гарантия бытовой неприкосновенности, исчезла. К новой буржуазии, которой и при большевиках «на Руси жить хорошо», Амфитеатров относит наравне со спекулянтами продажную интеллигенцию и советских чиновников. Ему ясно, что произошла лишь замена одной буржуазии другой, ещё более беспринципной, одной бюрократической громады — другой, ещё более многочисленной (в одной

только Москве, по словам Амфитеатрова, в 1922 году уже было 240 000 бюрократов — 20% населения). «Нигде в мире столько людей не обязано служить государству, нигде государство не обслужено хуже...» Сегодняшний читатель невольно извлечет из «Горестных замет» тяжёлый исторический урок. Амфитеатров убеждает его, что уже на заре своей «советское государство оказалось ...не социалистическим, не рабочим и крестьянским, но просто полицейски-хищническим»; что уже тогда, проповедуя на словах взаимодоверие, большевики «на деле утверждали чудовишный тюремный режим» и «всю свою внутреннюю политику построили на полицейском шпионаже, организованном действительно гениально»; уже тогда «солдатчина, полиция, тюрьма, бюрократия — четыре зла буржуазного государства — в коммуне возросли до апогея». И тем не менее, несмотря на эти внутренние пороки и вопиющие противоречия, наличия поддержки собственной ново-созданной советской буржуазии и сильной, хорошо вооружённой армии оказалось вполне достаточно, чтобы обеспечить режиму долголетие. Единственная сила, на которую Амфитеатров возлагает надежды и которой, по его мнению, «бесспорно принадлежит решающий голос в дальнейших судьбах России» — это крестьянство. «Да ведь и теперь уже, из народных элементов, остающихся внутри страны, только одно крестьянство и борется с большевиками активно, частью бессознательно, а частью и вполне сознательно, работая на идею нового грядущего «мужицкого царства» — развивает он свою мысль. — «Местные движения крестьянства грубо прямолинейны и неразборчиво истребительны... Они угасают с такой же лёгкостью, как вспыхивают, когда красные курсанты заливают их пожары кровью сёл и деревень... Но это неумирающая гидра, которая на месте каждой своей отрубленной головы выращивает десяток новых». Но надеждам этим не суждено было сбыться. Сталин вскоре позаботился о том, чтобы навсегда оградить себя от угрожающей ему серьёзной опасности и уничтожил крестьянство как класс.

Амфитеатров рассказывает о «громозвучных, но неосуществимых «декретах и обещаниях правительства, о «перерождении коммунизма в религию», в «автогипноз, жаждущий веры и чудес». Историк, блестяще изучивший эпоху Нерона, он обращает внимание на зрелищную сторону революции — на демонстрации, заседания, митинги, открытие памятников Разину и Робеспьеру в Москве; Марату, Лассалю, Радищеву — в Петрограде и Иуде Искарриоту в Свяжске (последнее описано датским писателем

Келлером). В «Горестных заметах» приведены примеры «громозвучных, но неосуществимых затей, которые действительность словно подрядилась осмеивать самым оскорбительным издевательством». Читатель, например, узнаёт, что одновременно с торжественным проектом об электрофикации, в Петрограде опубликовано было распоряжение о прекращении электрического освещения; что вслед за объявлением о превращении Марсова поля в Пандемониум коммуны, на пустырь пригнали подконвойных арестантов, натывавших в землю розги и колышки и т. д.

Целая глава посвящена в книге объяснению, почему советская власть с первых же дней поставила в привилегированное положение сотрудничавших с ней актёров-соглашателей, «театральную чернь», для которой при новом строе сразу нашлась хорошо оплачиваемая работа. Зрелища, парад, представления — нужны, чтобы заставить народ забыть о серой действительности, об окружающей разрухе. Замечу, что черта эта осталась навсегда характерной для советского строя, где отсутствие политической свободы и нормальной политической деятельности компенсируется и по сей день парадными, юбилейными, сессиями, съездами и прочими представлениями, и одна часть населения отрывается от трудовой деятельности, чтобы разыгрывать в них роли и произносить с трибун заранее известные, нередко написанные другими людьми слова, а на долю другой выпадают тяжёлый, плохо оплачиваемый труд и унылые будни. Амфитеатров не поддаётся этому «автогипнозу, жаждущему веры и чудес» именно в силу своей политической опытности.

В прошлом — беспощадный критик русской монархии, в 1902 году высланный в Минусинск за опубликованный в газете «Россия» фельетон «Господа Обмановы», направленный против правящей династии, а позднее, в эмиграции, издававший антиправительственный журнал «Красное знамя», годами подготавливавший русскую революцию, он после её свершения приходит к выводу, что «самая пакостная свобода лучше коммунистического рабства». «Революция не приблизила, но даже отдалила» день и час, когда на месте власти захватной и насильственной засияет власть, избранная и провозглашённая народной волей. «Временное правительство оказалось», по определению Амфитеатрова, «хозяйном неработоспособным и нерадивым, а второй — советская власть, повёл себя прямо-таки грабителем с большой дороги». (В другом месте он называет её «дикой властью сумасшедших и плутов»). «Октябрьская революция досталась победителям дешё-

во, двумя выстрелами с дряхлой «Авроры». Она была кровава своими мстительными последствиями, но не в самом акте свершения», — пишет Амфитеатров. Последствия эти он видит в голоде, разрухе, политическом терроре, в тюрьмах и казнях. Он рассказывает, как шаг за шагом «коммунистический террор задавил русскую периодическую печать», а затем уничтожил «последний оплот независимых», которым до 1922 года был Петроградский дом литераторов и журнал «Вестник литературы», руководимые Кауфманом, совершавшим «подвиг ответственного и страшного шествия по лезвию ножа». Рассказывает о всеобщем оподлении интеллигенции, о «боязни анархии, парализовавшей много заговоров, имевших шансы на успех», о том, что у коммуны «те же средства против «опасности», что и у покойной империи: сыск, тюрьма, казнь, что «на десять человек приходится один шпион».

«Горестные заметы» свидетельствуют о том, что советским историкам с помощью цензуры удалось скрыть от следующих поколений, что после победы Октября в коммунистической партии тотчас же выявилось преобладание примававшихся к новым хозяевам безыдейных и беспринципных элементов. Недаром же сам Ленин постоянно жалуется, что его «партия изнемогает от недостатка сил», а в письме к рабочему Емельянову, прятавшему его в шалаше в Разливе, выражая радость, что того направляют в составе продотряда в деревню, признаётся, что честные люди в этих отрядах крайне редки. Да и во многих других своих выступлениях и высказываниях Ленин гневно обрушивается против новоявленных местных начальников, обращающихся с народом хуже, чем царские чиновники. Но благими намерениями вымошен ад. Обуздать вызванную им к жизни чёрную силу Ленин оказался не в состоянии.* Не помогли ему в этом ни декреты, ни тюрьмы, ни расстрелы. «Счастливая способность идейных большевиков питаться воображением даёт широкий простор большевикам неидейным к практике подлогов и мошенничеств», — замечает Амфитеатров. Он признаёт, что существует и «нравственная аристократия большевизма, редкие в нем праведники». Однако, с самого начала преобладает «примававшаяся к коммунистическому идеалу масса жуликов и шарлатанов, бесстыжая в своём циническом эгоизме», «из-под которой уже никакой идеи не вид-

*) Амфитеатров приводит в книге переходивший из уст в уста анекдот: иностранец спрашивает Ленина, сколько в России коммунистов. — Три, — отвечает вождь. — Ленин, Ульянов и я!

но и не слышно». Примечательно, что самого Ленина писатель к этим «редким праведникам большевизма» не только не относит, но, характеризуя его, подчёркивает его политическую беспринципность и неразборчивость в средствах: «Общество уже не в состоянии разобратъ, где в этом якобы «гениальном» реформаторе кончается сумасшедший и начинается тот бездушный, бессовестный, безжалостный политик-«мошенник», царство которого предсказал нам в «Бесах» Достоевский», — пишет он о вожде большевиков. Читатель догадывается, что прямое отношение к Ленину имеют и строки о «mania grandiosa большевизма, бреде величия, которым он кружит головы юным и малограмотным своим адептам», о «полосах бредовой игры». Амфитеатров, видимо, имел достаточно точное представление о личности Ленина ещё до того, как болезнь окончательно вывела его из строя. Характерно, что слово «полосы» употребляет в своих воспоминаниях и Крупская, рассказывая о периодически захлёстывавших Ленина, доходящих до «ража» увлечениях, включая и «грибной раж».

«По всему фронту её (революции. Прим. Н. М.) Кремль и Смольный... понемножку да полегоньку сдают позиции, занятые ими в первых победных припадках горделивого бреда» — свидетельствует Амфитеатров. Читая эти строки, я невольно вспомнила опубликованный в советской печати в 1924 году рассказ старой революционерки Марии Ясневой, самарской знакомой Ленина, в молодости входившей в группу русских «якобинцев-бланкистов», организованную Заичневским. Группа эта намеревалась с помощью политического заговора захватить власть. Яснева пыталась в 1891 г. завербовать и молодого Ленина, но он, считавший себя правоверным марксистом, дотошно расспрашивал её, что они намерены делать после захвата, а когда она отвечала, что издадут декреты, смеялся и объяснял, что без соответствующего развития экономики это ни к чему не приведёт. Однако, в дальнейшем Ленин также, как и «якобинцы-бланкисты», впоследствии примкнувшие к большевикам, и сам делает ставку на крестьянский бунт и на захват власти. Уже в 1905 году он уговаривает большевика Васильева-Южина, представителя Заграничного бюро ЦК РСДРП, попасть на броненосец «Потёмкин» и постараться распространить восстание на весь Черноморский флот, а главное, высадить в Одессе десант, действуя одновременно с крестьянами, захватывающими помещичьи земли и поджигаящими усадьбы. Два годами позже на вопрос Адоратского, когда произойдёт

революция, Ленин недвусмысленно отвечает: «Когда мужик перестанет сосать лапу». Во время первой русской революции, чтобы привлечь на свою сторону крестьянство, он отказывается от им же написанной скуповатой земельной программы РСДРП, по которой крестьянам должны были быть возвращены лишь «отрезки» и из демагогических целей заимствует у эсеров лозунг «вся земля крестьянам».

В апреле 1917 года, призвав крестьян к немедленному захвату земли (тогда, как на деле большевики рассматривали крестьян как мелкую буржуазию и не собирались возвращать им землю), Ленин, по словам одного из своих политических противников, «разжёл гражданскую войну в среде русской социал-демократии». В октябре, во имя захвата власти, он окончательно изменяет основным принципам марксизма и действует по рецептам Бланки. К этому времени он уже сам убеждает себя в том, в чём когда-то пыталась убедить его якобинка Яснева: что можно захватить власть, а уже потом доразвивать народ до соответствующего уровня. Позднее, во многих своих предсмертных статьях Ленин пытается найти этому оправдание и как-нибудь примирить октябрьский переворот с ортодоксальным марксизмом. Однако, несомненно и то, что при всей своей маниакальной одержимости он вскоре почувствовал себя совершенно беспомощным. Наступил тот спад, о котором свидетельствует Амфитеатров. Его директивы и приказы нередко оставались без последствий. Амфитеатров рассказывает, что посланная Лениным телеграмма не смогла, например, спасти от расстрела сына сенатора Таганцева.*) (Добавлю к этому, что сенатор Таганцев был любимым учеником отца Ленина и предметом его гордости). Если до революции Ленин считал, что все средства хороши для её победы, то в марте 1919 года он ошарашивает Ясневу, встретившую его после долгой разлуки на похоронах его зятя Елизарова, неожиданным в устах вождя вопросом: — Как вы думаете, может ли прошлое снова вернуться? — Развязав «в первых припадках горделивого бреда» кровопролитную гражданскую войну, он вдруг замечает, что лишь разрушает и бессилён построить обещанное... Беспощаден Амфитеатров и к другим большевистским лидерам. «Молодым невежест-

*) Но была ли послана такая телеграмма? В сборнике "В. И. Ленин и ВЧК" (Москва, 1975) имеется лишь следующее распоряжение по этому делу по просьбе Л. А. Фотиевой: "Таганцев так серьёзно обвиняется и с такими уликами, что освободить сейчас невозможно; я наводил справки о нём не раз уже" (стр. 495). Прим. Ред.

венным выскочкой» называет он Зиновьева. Да и все остальные соратники Ленина, как и сам он, для него лишь «кремлёвские Верховенские», опирающиеся на «десяток продажных перьев». И так, на долю русского народа, которому, как пишет Амфитеатров, лишь лёгкость характера и умение «в горе жить — не кручинну быть» позволили «выйти целым из испытаний своей угрюмой тысячелетней истории» и перенести татарщину, царей-террористов, Смутное время, Бирона и Аракчеева, выпали новые испытания и ужасы... «Я прихожу к вам, господа, из юдоли безграничного горя, невообразимой скорби», — обращается Амфитеатров к своему читателю, и с удивительной политической зоркостью предсказывает, что большевики неизбежно унаследуют великодержавное политическое наследство царской России. «Кто сказал «а», должен сказать и «б». Безудержный рост армии «самой большой в мире» приведёт к «поглощению всех материальных и моральных сил страны», и Совдепия, начав с «погони за замаскированными контрибуциями и псевдонимными анексиями, оккупации Грузии и протектората над Персией», кончит милюковской мечтой «о русских Дарданеллах» и устремлением к проливам». Большевики же облекутся «в личину воинствующих патриотов своего отечества», а может быть даже провозгласят национал-большевизм. «Ничему мы от них не удивимся, — пишет далее Амфитеатров. — Даже тому, если завтра прочтём на их знамёнах не то, что «единую, неделимую Россию», но бери круче, «Россию для русских!»

Судьбы России

Свящ. Дм. ДУДКО

КРЕЩЕНИЕ НА РУСИ

(Из дневника священника)

Русь многообразна и циклична. О ней судить нельзя по одному какому-то признаку или даже одной эпохе. Тут есть и страшная преступность, есть и недостижимая святость. Каждая эпоха показывает её со своей стороны. 19-й век, допустим, — культура, искусство, философия, 20-й — разгул всякой преступности и мученичества. О России судить может только Бог, потому что все могут подходить со своей меркой и требовать от нее, чтоб она в себе воплотила заданный ими план. А она ломает все планы и формы, потому что многообразна. Но есть в ней навсегда неотъемлемое качество — религиозность...

I

1. За 1961 год и до марта 62-го я крестил 17 человек взрослых.

Я всегда радуюсь, когда крещу взрослых. Чин крещения совершенно полный (без какого бы то ни было сокращения) и беседую, прежде чем крестить. Для меня ценно, чтоб приходящий во всё веровал.

Крестились в возрасте от 17 до 37 лет. 15 женщин, из них 10 девушек, и двое мужчин. Один 22-х лет Юрий, студент 2 курса какого-то технического института, другой — Вячеслав — 31 год, образование среднее, мать партийная, неверующая. Богословско-религиозные познания — слабые, но когда начинаешь рассказывать, заявляют, что во всё верят.

Пришли креститься по доброй воле, без всякого принуждения: одна, кажется, пришла по уговору своей сестры.

Первую, которую я крестил, была девушка, лет 25-ти. Когда я подошел к ней, она плакала.

— О чем это вы? — спросил я.

Она ответила, что ее заедает страшная тоска.

До половины крещения тоже плакала, со второй половины успокоилась и смотрела кроткими глазами.

2. Крестил и детей в возрасте от 2-х до 5-7 лет, их было очень много.

3. Интересно привести слова, которые были произнесены после крещения взрослым 22-х летним и мальчиком 2-х лет.

Взрослый, после того как я его крестил и ввел в алтарь, восторженно сказал:

— О как всё это интересно!

Мальчик 2-х лет, который сначала плакал и просился к матери, после молитв, елеопомазания и миропомазания, стал благодарить, в алтарь со мной пошел радостно и охотно. Там я его и причастил. Сначала он даже как-то испуганно отдернул голову, потом охотно принял причастие и в заключение детским довольным голосом сказал:

— Мне понравилось...

К бабушкам выбежал в большом восторге, а с какой радостью они его встретили!

4. У ребенка высокая температура. Врачи настаивают положить в больницу. Прибегает бабушка в храм и просит, чтоб ребенка сначала крестили, а потом уже пусть берут и в больницу.

Мать и отец ребенка молодые, при крещении усердно молились.

П. С. Ребенок выздоровел. Приходили дополнить крещение, т. к. тогда с собой у меня не было Мира.

5. Сегодня 15/4 62 г. крестил мать лет 25-28-и и дочь месяцев трёх.

Образование у матери — среднее. Креститься пожелала сама, но вроде было и «наставление» бабушки. С религиозными истинами мало знакома, но когда я ей рассказал о них, заявила, что во все верит и не сомневается.

6. При крещении присутствовал мальчик лет пяти.

— Ты крещеный? — спросил я.

— Да, — просиял он.

— А где крестик?

— Бабушка взяла, — сокрушенно произнес он.

— Так ты возьми его.

— Возьму и больше не отдам, — утвердительно сказал он.

Бабушка снимала с него крестик, потому что ходит в садик, там все равно снимут.

8. Девушка лет 14-ти.

При предварительной беседе сказала, что верующая. При разговоре с тетей после крещения в чем-то не соглашалась с ней. Та вроде настаивала, чтоб не снимала крестик, а она стесняется. Тетя также настаивала, чтоб она не вступала в комсомол, это организация безбожная.

Девушка вела себя кротко, говорила истово и убежденно.

9. Вечером перед службой принесли крестить ребенка, всё молодежь. Было человек семь. Спросил:

— Веруете ли?

Развязно:

— Веруем. Если б не веровали, не пришли бы.

Это ответ, между прочим, многих, но некоторых приходилось все-таки удалять, потому что высказывались потом с явным неверием.

— Перекреститесь.

Не хотят. Настоял. Крестная перекрестилась правильно, крестный неправильно. Поучил.

— А для чего вы принесли крестить?

— Ну чтоб в обряд привести...

Стал беседовать, засыпают вопросами.

Один:

— А можно ли мне венчаться?

Тот же, кажется:

— Да, нужно поговорить. И уж потом веровать, так верить. А то, если горе, кто меня поймет?

Попросились еще раз придти для беседы.

10. Привели крестить взрослого. Смотрит как-то обиженно и очень медленно думает, гооврит так, как будто бы парализованный.

Спросил:

— Верующий?

— Да.

— Знаком ли с христианскими истинами?

— Нет.

— Какое образование?

— 4-е класса.

Рассказал ему символ веры.

— Верите во всё это?

— Ну конечно нет.

— Тогда вам рано креститься... Почему не веруете?

Не может сказать почему и смотрит непонятливо.

— Все крещенные в семье, мать меня не успела крестить.

Восприемница, верующая, со слезами говорит о Боге.

— Он всё время болеет, и я посоветовала ему креститься, и он согласился.

У всех присутствующих было желание, чтоб он крестился. Потом и он стал говорить, что верит во всё и хочет креститься.

Я подумал, что это может быть случай ему выдался столкнуться с церковью и решил его крестить.

Во время крещения был серьезен.

11. Двое детей. Восприемниками мальчика были молодые люди. Крестная — студентка 2-го курса техникума.

— Веруете? — замялась: — нет...

Поговорил.

— Ну как я буду веровать, если мои родители коммунисты?

— Но ведь вы пришли крестить ребенка? Здесь нужна вера.

— Ну я крещена...

Сказал, что она восприемницей быть не может.

Восприемник — ученик 8-го класса. Сказал, что верует, но символа веры не знает.

В процессе крещения выяснилось, что он много читает, в том числе и религиозные книги.

Студентка хотела быть восприемницей, сказала, что верует, стояла и крестилась.

После крещения были еще вопросы, с благоговением рассматривали иконы в храме.

Во время крещения приходится просвещать восприемников, но вера у них все-таки есть, больше суеверная, крестят иногда по обычаю, чтоб дети были здоровы. Приходится совершать таинство — пусть Бог восполнит маловерие и сомнение, хотя бы чьей-либо верой из присутствующих.

12. Мать лет 25-27-и, ее сын нескольких месяцев. Образование у нее 7 классов, верит. Религиозных книг не читала.

— Верую во всё, — сказала, когда я ей прочел и объяснил Символ веры.

— Почему решила креститься?

— Хочу быть христианкой...

13. Крестил школьницу 13-ти лет. 8 классов образования. Верит во всё, знает, что есть ученые верующие. Читала Достоевского.

14. Детей крестил 20 человек. Восприемники их говорили о себе, что они верующие, но некоторые не умели перекреститься. Веди себя чинно.

Был здесь молодой человек лет 17-ти, сказал, что он религиозными вопросами занимался немного, вел себя во время крещения несколько пренебрежительно.

15. Вечером крестил после службы девушку лет 20-ти с высшим образованием. Креститься по ее словам пришла сама. Тут же была и ее мать, лет 42-43-х, верующая. Сначала, когда расспрашивал, девушка как-то смотрела настороженно. Когда спросил — верует ли в загробную жизнь? — сначала замаялась, а потом нерешительно сказала:

— Верую...

Процесс крещения объяснял. Стала более сознательно реагировать. Посоветовал, что делать после крещения.

Знает, что и ученые веруют.

Поблагодарила за крещение.

Посоветовал ходить в храм, причащаться.

— Вот, если можно, приходите завтра.

Ответила, что завтра едет в командировку. Благословил и пожелал всякого благополучия.

16. Молодой человек лет 25-ти, образование — 7 классов. Верит, не мало что понимает. Книг религиозных не читал. Креститься, по его словам, пожелал сам.

Были два восприемника: женщина средних лет и мужчина немного может быть старше женщины. В религиозных вопросах мало разбираются. Веруют. Приезжие. Посоветовал, что делать. Хотел, чтоб причастился новокрещенный. Что такое Причастие, видимо, не понимали. Я им рассказал, куда подойти, а они непонимающе смотрели на меня. И когда я пришел за ними, их уже не было, ушли. Так и не причастился новокрещенный. Крестил потому, что заниматься с ними невозможно, и нужно было воспользоваться случаем. Пусть Бог восполнит недостающее и призрит на их веру.

17. Молодой человек лет 24-х, из деревни. Креститься пожелал сам. Восприемницей была женщина лет 50-ти.

С религиозными вопросами почти незнаком, Евангелие не читал.

— Хочу иметь крестницу, — сказал. К чему это относится? — я не допытывался.

Во время крещения вел себя покорно, всё исполнял серьезно. Кажется, причастился.

18. Девочка лет 11-ти. Крестила, кажется, бабушка, украдкой, но по словам девочки, родители верующие. Когда спросил — верует ли она? — сказала, что нет. Но это она, повидимому, под верой подразумевала что-то другое. Может быть потому так сказала, что в школе веровать запрещают, и поэтому мол она будто неверующая. Когда стал беседовать, то сказала, что верует.

19. Крестил детей, среди них двое 6-ти и 4-х лет, оба внимательно и охотно исполняли все действия. Одна мать пустила к ним еще девочку года полтора. И очень было радостно смотреть, как эти чистые души стояли перед таинством крещения. Потом девочка вскоре попросилась на руки к матери.

20. Девочка 2-х лет, пришла с ней мать, еще некрещенная, и бабушка или просто знакомая верующая. Бабушка, встретив меня, сказала:

— Батюшка, надо крестить ребенка, но мать его неверующая. Можно ей зайти сюда?

Я сказал:

— Можно.

Стал беседовать с матерью. 10 классов образования. О религиозных вопросах не задумывалась. Много ей рассказывал, она во всем соглашалась, всё было ошеломительно. Когда я ей предложил креститься, она сказала, что еще подумает. Возразить не могла, настолько ей всё было интересно. Почему не согласилась креститься, объясняется может быть просто: некоторые взрослые думают, что можно креститься только в определённом храме, так об этом и сказала бабушка.

Девочка до крещения плакала, говорила:

— Пойдем, не хочу.

Во время крещения была спокойна, молчала. Когда постриг и предложил ей самой опустить воск с волосами в купель (обычай), заплакала и снова сказала:

— Не хочу.

Поздравил. Когда к ней подошла мать и сказала: «ну, христианка...» она стала плакать и говорить:

— Не хочу быть христианкой... — и всё время это повторяла, ничем не могли ее успокоить.

21. Крестил мальчика. Во втором классе, 11 лет. Очень серьезно вел себя. После крещения причастился.

22. Крестил 22 младенца. Один молодой человек, восприемник, сказал, что он неверующий...

— Почему?

— Ну это долгий разговор.

Не разрешил быть восприемником. Просил настойчиво разрешить.

— Ну я верую...

Отец ребенка тоже за него просил. Восприемником был сам отец.

23. До вечернего богослужения крестил трех девочек от 6-ти до 9-ти лет. Тут же находилась и мать. Восприемницей была бабушка. Приезжие. Из Магадана. Девочки покорно и охотно всё выполняли. Мать стояла в стороне, очень внимательно глядя на всё. Когда брала сороковую молитву, прослезилась. Там у них церковей нет. Она себе поставила целью, как только приедет в Москву, крестить детей.

24. Воскресенье, крестил 38 человек детей. Одна молодая женщина после крещения удивленно смотрела и улыбалась. Спросил:

— Что так?

— Да вот интересно. Как-то странно в наше время...

— А вы верующие?

— Нет.

— А как же вы были восприемницей, будучи неверующей? Вы же обманули всех, посмеялись над самыми сильными чувствами!

Смутилась, покраснела. Поблагодарила и ушла.

25. После литургии попросили крестить. Приезжие. Ребенок 6-ти месяцев. Мать брала сороковую молитву. Сказала сначала: вообще верующая, потом утвердительно: — Очень верующая.

Усердно молилась и во время крещения и во время молитвы.

26. Молодая женщина, беременная, лет 25-28-и. Средне-техническое образование. Креститься, по ее словам, сама пожелала. С религиозными вопросами мало знакома, интерес проявляла небольшой. Видимо, было желание свекрови. По словам свекрови, которая была и восприемницей, она очень хорошая. Сын немного вроде шалит, пьянствует. Причастилась.

27. Пришли крестить ребенка: мать — 19 лет, крестный — 22, крестная тоже молодая.

— Верующие?

— Нет.

— А как же вы пришли крестить?

— Ну как же. Чтоб крещен был, все ведь крещены.

— Но сюда ведь ходят с верой, только по вере всё бывает.

— Мы, батюшка, ничего не знаем.

Образование у всех от 7 до 10 классов.

— Перекреститесь. Скажите: верую, Господи, помоги моему неверию.

Не хотят, улыбаются.

— Ну вот, поскольку принесли крестить, будем, но найдем верующую крестную.

Попросил уборщицу храма.

— Как так? — всполошились они.

— Найдите сами, только верующую.

Согласились — пусть будет уборщица.

Стали крестить. Во время крещения они молились, сначала улыбаясь, а потом, покраснев, серьезно. Во время пения: «Елицы во Христа...» мать как будто прослезилась. Все держали зажженные свечи.

Посоветовал, что делать. Выучить молитвы, читать Евангелие, приносить почаще причащать ребенка.

— Всё будем делать, вы только нам расскажите.

В разговоре с посторонними молодой человек сказал:

— А может мы будем еще лучше вас веровать...

28. Крестилась 22-летняя женщина, завтра будет крестить своего ребенка. Окончила техникум. Живет в Кронштадте, где нет церковей. Ничего не знает. Посоветовал познакомиться с символом веры (в крестильне на стене крупными буквами написано). Прочитав, сказала, что во всё верует. Как делать крестное знамение, не знала, смотрела и слушала внимательно. Хочет завтра причаститься, о Причастии, как мне показалось, говорит охотно.

29. Крестил первую партию. Вышел из крестильни, в храме стоял молодой человек. Кто-то сказал:

— Ну вот и закончилось крещение...

Я обратился к молодому человеку:

— Вы верующий?

— Нет.

— Тогда какое вы имели право приходить сюда, быть восприемником? Ведь вы в таком случае обманываете всех нас, ребенка, Бога...

Он улыбался.

— Нет, я никого не обманываю. Я только держал верхнюю одежду восприемников.

— Ну тогда другое дело, — извинился я.

Завязалась беседа. Выяснилось, что у него образование 9 классов, с религиозными книгами незнаком.

— Тогда вы не неверующий, а незнающий...

— Конечно так...

После этого разговаривал дружелюбно, в его глазах была жажда веры.

30. Подросток 15-ти лет. 8 классов образования. Из деревни. Говорит, что верующий. Тут же был и его отец. Т. к. крестного не было, отец был крестным. Усердно молился. Крещающийся уже заранее складывал руку для крестного знамения.

31. Крестилась молодая женщина из деревни. Муж ее сегодня исповедовался и причащался. Она тоже пошла было исповедоваться, но ее остановили и сказали, что нужно сначала креститься. Как делать крестное знамение, знала, относилась ко всему серьезно, сказала, что во всё верует, причастилась.

32. Пришли в качестве крестных мужчина средних лет, высокого роста, и юноша, 9-ть классов образования. На вопрос — верующие ли? — заявили — нет. Того и другого отстранил от крещения. Мужчина стоял в стороне скромно, потом ушел. Школьник стоял до конца крещения. При разговоре последний внимательно слушал и поблагодарил за крещение.

Во время крещения и еще один молодой человек, когда нужно было перекреститься, отказался, сказав, что он в душе перекрестится.

— Тогда в душе и крестили бы ребенка. Но поскольку пришли сюда и заявляете, что веруете, надо исполнять то, что требуется. Перекреститься отказался, пришлось и этого отстранить от крещения. Вместо него был восприемником ученик 7-го класса, который заявил, что верует и ко всему относился серьезно.

33. Восприемником мальчика был молодой человек, по его словам — верующий. Ко всему относился серьезно. После крещения задавал много вопросов, объяснениями остался доволен.

34. Взрослая, 32-х лет, средне-техническое образование. Креститься привела, кажется, тетя, она же была и крестная. Стал рассказывать символ веры, с объяснениями. Когда дошел в беседе о другом мире — заплакала. Оказывается, утонул ее сын. Слу-

шала внимательно. После объяснений заявила, что она верует. С религиозными книгами почти незнакома. Был вопрос. А как это Мария родила Бога? А где Он до этого был, если это Один и Тот же Бог? Объяснения слушала внимательно и сказала, что всё поняла, но смотрела с некоторым недоумением. Охотно бы почитала религиозные книги.

П. С. Рассказывали, что после крещения была в особом настроении, сказала, что если б все так объясняли, мало было бы неверующих.

35. Пришли крестить младенца три молодых человека: два женского пола, один — мужского. Крестили девочку. Крестная и мать заявили, что верующие, отец пожал плечами и сказал, что бывают сомнения. Во время крещения были серьезны, мать и крестная крестились, отец, мне показалось, иногда чуть улыбался.

36. Месяца три тому назад, где мой товарищ священствовал (он мне и рассказал), явился в храм молодой человек 22-х лет с просьбой, чтоб его раскрестили. (Крестил его настоятель). Дома на него за то, что он крестился, все нападают, гонят... Дайте мне какую-либо бумажку, что я раскрещен, что ли, мне жизни нет.

— Это уже на всю жизнь, — сказали ему.

— Как же мне быть? — вздохнул покорно.

37. Два взрослых человека: один 33-х лет, женатый (жена верующая была тут же и ребенок 4-х лет), второй — 16 лет, ученик 8-го класса. Оба сказали, что креститься пришли добровольно, их крестить когда-то не смогли родители. Объяснения слушали внимательно и заинтересованно. Тут же были и их матери, после крещения брали сороковую молитву. Во время крещения ребенок 4-х лет очень усердно молился, клал низкие поклоны, очень было умилительно на него смотреть.

38. Перед 1-м Маем. Крестин — 22 человека, необычно для буднего дня. Крестилась в том числе женщина 33-х лет, сознательно верующая с высшим образованием, юрист. Тут же была ее мать, простая старушка, очень осталась довольна. Не крещена была потому, что муж был коммунист, погиб в войну. Во время крещения переменяла имя.

П. С. Сегодня 1 мая причащалась.

39. Женщина еще некрещеная, но заявляет, что она верующая, к крещению пока не подготовилась. Принесла крестить свою дочь, 2-х лет.

1961-1963

2.

1. Школьника оставили без обеда готовить уроки. Учительница оставила его одного в классе. Через некоторое время приходит узнать, что он делает. Он плакал.

— Что с тобой?

— А вот вы оставили, а там к нам гости придут...

— Ну и что? Кто придет?

— Священник.

— А чего он придет?

— Крестить...

— Кого?

— Меня...

Учительница оказалась верующей и тотчас его отпустила.

2. Девушка 26-ти лет, учится в институте. Когда мы с ней разбирали символ веры, она сказала, что во всё это она верует. Отец ее неверующий, коммунист.

3. Молодой человек с высшим образованием. Огромное влияние на его веру оказала индийская философия. Верит во всё по православному.

4. 34-летний. Образование — 4 класса. Мать его верующая, сестра, старше его, неверующая. Он давно уже задумал креститься, но что-то препятствовало этому, и сам не знает что. Вера пробудилась от случая, когда погиб его товарищ. Он увидел, что никакое зло не остается ненаказанным. В детстве с этим товарищем они разоряли вороньи гнезда и убивали воронят, его и до сих пор еще трогает, как кричали воронята. Такой вроде крик был и у моего товарища, когда он погибал...

— Почему вы решили креститься?

— Во-первых, верю в Бога, во-вторых, не хочу, чтоб меня похоронили, как собаку, в-третьих, вернее это во-первых, люблю людей. Зла никому не причинял, не грабил, не убивал...

Смотрел очень внимательно, трогательно склонялся во время крещения. Остался очень благодарным, что-то подобное слезам появилось в его глазах.

На прощанье, поблагодарив, сказал, что когда он скажет об этом матери, у них будет праздник.

Говорит, что ему препятствовал креститься милиционер, а он сказал, что будет креститься...

5. Много крестится художников. После крещения заметно улучшается религиозная их жизнь.

Вчера на вечере видел художника, которого крестил. Стал рассуждать очень интересно, а до этого всё говорил о своем неверии.

Вчера, поспешая на новогодний вечер, встретил в автобусе женщину, которую крестил. Она улыбнулась, поклонилась мне. Я вроде узнал и не узнал ее. Она, проходя мимо меня, сказала:

— Вы дедушка Димитрий, а я — Инна...

Пожелала всякого счастья в новом году.

Крестится много евреев. Некоторые очень искренни, доверчивы, а некоторые сразу пытаются учить других.

6. Выходят молодые из храма.

Разговор в проезжающем мимо автобусе.

— Вы думаете, откуда идут? И что делали? Крестили детей.

Говорит человек средних лет:

— Я еще недавно не понимал церкви, а теперь, думаю, как можно быть вдали от Церкви!

7. Рассказывала женщина о недавно крестившемся своем муже. У него было загноеение пальца, несколько раз выкачивали гной, грозили гангреной.

Когда я его крестил, он спросил у меня, можно ли ему окунуть палец в воду. На следующий день всякий гной прекратился.

1965-1969

3.

1. Крестил. Были мать и отец. Крестили ребенка нескольких месяцев. Тут же был и их сын 6-7 лет. Когда стал ему давать крест после крещения, отказался поцеловать и сказал, что никогда не будет целовать, — сердито отвернулся.

Оказывается, по телевизору видел, как пятидесятники убили ребенка: и с этого времени его не затынешь в церковь, — жалуются мать, — отказывается причащаться.

2. Взрослая 28-ми лет.

Когда причащал ее маму, она пожелала поговорить со мной. У матери ее было желание крестить ее, хотя бы формально, на успех не надеялась.

Дочь пожелала поговорить со мной, отдельно от мамы. Когда хотел снять епитрахиль, она сказала — не надо, ибо у нас не будет такого разговора. Куря и волнуясь, она рассказала страшную исповедь.

В последнее время стала пить и курить. Чувствовала себя потерянной и грешной.

Рассказывала такую деталь. Она иногда заходила в церковь и после этого всегда было хорошее настроение, она это понимала, но не могла более 15-ти минут находиться в храме, становилось смешно, сама не знает почему.

Захотела вот креститься. Неужели крещение снимает грехи? — удивлялась она, а ведь это ей и нужно было бы.

В доме у них в окно раздавался страшный непонятный стук, ей было жутко и после этого она стала задумываться.

Накануне крещения вдруг маме и ей стало плохо, у нее приступ аппендицита. Но преодолела всё и когда стала готовиться в храм, прошло. После крещения была радостной.

3. Девочка 12-ти лет. Попросилась креститься сама. До этого видела кошмарные сны, ее кто-то душил. Посоветовали креститься, и вот пришла...

4. Молодой человек 17-ти лет. Пожелал креститься сам.

Однажды старуха дала ему молитву «Живый в помощи», сдал экзамен, хотя не было настоящей подготовки. Из 600 приняли 300, и он в то число попал. Вообще, когда он молится, Господь все его молитвы исполняет.

5. Крестились из Владивостока. Церквей там нет, живем, как во тьме, — сказали.

Мать задалась целью крестить всех своих детей, муж ее бросил.

6. Мальчик 12-ти лет. Болезненный. Учится плохо, его ничто не интересует. Заинтересовало вот религиозное ление, захотел креститься.

— Верующий ли? — спросил я.

— Не знаю, — вяло ответил.

— Можешь сказать: верю, Господи, помоги моему неверию?

— Нет.

Немного поговорили.

— Ну скажи: верую, Господи, помоги моему неверию.

Сказал. Все присутствующие перекрестились.

Крещение принимал охотно.

Был задумчив. После крещения повеселел и сказал:

— Как стало легко, — и во все время вечера улыбался, был радостный.

Не успел крестить мальчика, пришла женщина. Захотела креститься.

— Знакомы ли с христианскими истинами?

— Верую и всё знаю.

Крещение принимала с благоговением. Все присутствующие находились в хорошем настроении, чувствовался праздник.

7. В последние дни крестил шесть взрослых человек (мужчины и женщины), все с высшим образованием. С продуманным христианским мировоззрением.

8. Одна девушка лет 16-17-ти недавно крестившаяся сказала:

— Надо пойти по Москве с религиозным шествием, хоругвями и иконами, чтоб освятить весь зараженный воздух. Пусть в нас стреляют, а мы бы шли...

Говорила со всей серьезностью.

9. Крестил двух женщин. Одна, кажется, филолог, флегматична. Говорит, что верить хочет, но чего-то у нее не хватает. Вторая инженер, верит во всё, и очень сильное желание креститься. Потому что когда бывает в храме, чувствует себя там чужой.

10. Крестил осетина. Он сказал, что у них такая же вера, как и у нас. Когда разбирал с ним символ веры по порядку и спрашивал:

— Верует ли? — он отвечал уверенно на каждый вопрос.

— Верую. Во всё верую. Я только в партию не верую...

Ему лет 25-27.

11. Недавно крестился архитектор (аспирантура). С религиозной литературой знаком. После крещения и причастия сказал:

— Произошло маленькое чудо. Когда у меня болела голова, стал читать Евангелие, и боли прошли. После причастия мне стало легко, очень свободно мог положить на себя крестное знамение, а до этого не мог, как будто что-то удерживало.

12. Сначала я записывал, сколько крестил, а теперь потерял счет. Крестил взрослых, наверно, человек триста. Крестятся в основном сознательно и подготовленно. После крещения первый месяц чувствуют себя необыкновенно, потом начинается спад у некоторых. Некоторых за короткое время просто не узнать.

13. Крестил кинооператора, его жену и дочь, 4-х лет. Он очень кроткий, смиренный. Впоследствии выяснилось — очень переживает, что состоит в партии.

14. Крестилась женщина лет 30-ти. Видимо литературный работник. Крестилась сама и ее дочь 3-х лет. Сказала, что на нее особое впечатление произвело то, как один литератор сказал, что жить можно так и сяк, но умирать нужно по-христиански. Мать у нее лет 60-ти некрещенная. Но она не препятствовала ей креститься. Видимо, если не полностью, то наполовину еврей.

15. Крестился геолог лет 35-ти. Вообще, говорит, что он всю жизнь верующий, но все-таки материалист и по серьезному об этом не задумывался. Особенно как-то чувствовал свою бабушку верующую, разговаривал всегда с ней, как с живой. И вот как-то сидел он у окна, хорошее настроение было и почувствовал себя, что идеалист, выбежал и сказал соседке:

— Знаешь, я идеалист?

Она скептически к нему отнеслась.

Он снова сел на прежнее место и хотел снова представить себя материалистом, так стало скучно и тяжело. И снова перешел на мысль, что он идеалист и снова стало легко. Потом были разговоры с верующими и он решил креститься. Потому что без Бога мы ничего не можем, — заключил он.

16. Пришла креститься женщина лет 25-ти. Спросил у нее — верующая ли? и читала ли религиозные книги? — ответила, что неверующая и креститься ее заставляет муж. Муж работает на телевидении. Когда я с мужем заговорил об этом, он недоброльно посмотрел на нее. Началась беседа.

— Ну хорошо, ради ребенка крещусь... — сказала она.

— Нужны свои убеждения, так нельзя, — сказал я.

— Я согласна креститься, — не глядя на мужа, продолжала она.

Я подумал, если не крестить, переругаются, еще разойдутся и потом она уже никогда не захочет креститься.

Когда я ее попросил: скажите — верую, Господи, помоги моему неверию, — она спокойно сказала.

Первые слова крещения произносила вяло, неохотно, после елеопомазания стала оживленнее, и к концу крещения как-то преобразилась.

Ушли довольные и даже радостные.

17. За последнюю неделю крестил трех человек: еврейку 65-ти лет, студентку III курса, филолог, преподавателя английского языка, лет 35. Все имеют понятия о христианстве, веруют.

Еврейка очень долго не хотела креститься. Потом почувствовала, что христианство для нее необходимо. Причащалась. На исповеди была искренняя. Студентка тоже причащалась. Учитель должен завтра придти причаститься. Крестился он потому, что почувствовал, что нет ни в чем смысла. Около недели с этой целью не являлся на работу. Его хотят забрать в психиатрическое отделение, нервы у него напряжены до предела, но разговаривает вполне нормально.

П. С. Слышно, с ним всё в порядке.

18. Еврей не хотел, чтоб его дочь крестилась, за два дня до смерти сам крестился. Умирая, сказал:

— Церковь вечна...

Признал вечную жизнь. А если нет, говорит, вечной жизни, тогда всё бессмысленно.

19. В последнее время крестил несколько взрослых человек, и мужчин и женщин. Подготовки нет никакой, но во всё верят и согласны со всеми христианскими истинами. Одних — поражают заповеди христианские, одна, например, сказала, что ее поразило то, что надо прощать, ей это очень близко (хотя в ней есть татарская кровь), других — поражает любовь Божия.

20. Крестил взрослого человека, лет 23-х. Он увидел сон. Слышит колокольный звон, пение. Видит старичка, в монашеской одежде, весь в черном, как выразился. Старичок ему сказал:

— Даю тебе сроку три дня. Если не крестишься за это время, возьму к себе. Скажи, чтоб тебя отвела креститься твоя жена.

Крестился, почти ничего не знал, но старался верить... Ушел просветленным.

21. Крестил девушку 22-х лет. Родители у нее некрещенные, и мать и отец...

22. Еврейский анекдот.

Еврейка обращается к раввину:

— Равви, у меня сын крестился...

Раввин отвечает:

— У меня дочь тоже крестилась.

— Что-то надо делать, ты же ближе к Богу.

— А что Бог? У Него Сын тоже крестился.

23. Мальчик 3-4 класса просит его крестить. Говорит, что в их школе хвалятся те, кто крещенный, и ему хочется быть крещенным.

24. Крестился из художественного института, на крещении своем настаивал. До крещения сам сделал для себя нательный крестик и носил его, также имел у себя пасхальные яички. У жены его тоже самодельный крестик, она крещенная.

25. Крестил художника. Он много читал по буддизму и другим религиям, но пришел к выводу, что русский человек может быть только православным. Любит рисовать в таком стиле, который напоминает икону. Когда была его выставка в одном институте, то многие сказали:

— Глядя на ваши картины, хочется молиться.

26. Крестил ребенка у женщины журналистки с киностудии. Восприемницей была секретарь комсомольской организации, верующая, на следующий день она причастилась. Хотели и все, но они не знали, что нужно причащаться натошак.

27. Недавно крестил молодого поэта. Его знакомство с религией началось с того момента, когда он однажды оказался в пустыне. Голо, ни одного растения. Представил я себе, что вот, допустим, кроме этой пустыни ничего нет, никакого Бога... И мне стало страшно, я закричал: есть Бог! есть Бог! — стал задумываться о Боге. И ему захотелось креститься. Но что такое крещение? — он не знал. Тогда он пришел в храм и около одной иконы надел на себя крестик и думал, что он крещен. Потом это ему показалось недостаточным...

Недавно я его крестил, ходит в храм, исповедуется и причащается.

28. Молодой человек, сын покойного советского писателя. Первое впечатление — не совсем нормален и малограмотен.

Креститься сразу не решался, потом все-таки согласился.

Выяснилось: довольно образован, рассуждает нормально и довольно умно. Очень сильно опростился.

Искупает свой грех: был не раз женат, имеет детей, о которых не заботился, пьянствовал. Устроился на работу санитаром, и еще хочет устроиться на какую-то, чтоб обеспечить детей.

29. Умер писатель, который ни разу не был в церкви. Иногда просил, чтоб его провели туда, он не знает, что и как делать. Когда со мной была неприятность, поставил в мою защиту свою подпись. Родственники принесли его в храм отпевать. Было много писательской молодежи. После отпевания жена и дочь запросились креститься. Жену уже крестил, кто-то и еще хочет.

30. Подполковник медицинской службы, приехав в Москву, крестился тайно. В это же время тайно крестилась вся его семья. Когда всё выяснилось, были радостно удивлены.

31. Отпевал дочь известной писательницы. Умерла от рака, перед этим крестилась и сказала, чтоб отпевали ее по христиански. Мать неверующая. Было много литераторов. Все возмутились, когда я сказал: «Ну вот, всё наше неверие кончается у гроба, что оно нам теперь может дать?». Гордость интеллигентская, даже здесь не желает смириться!

1963-1972

4.

1. Крестил женщину лет 30-ти.

— Что побудило?

— Страшно быть некрещенной...

Все в ее семье крещенные, о христианстве знает мало.

2. Крестил художницу, всё было торжественно. Разговорились.

Художнику (крупному) задали вопрос:

— Слышно, что вы веруете в Бога и ходите в храм?

— А как же может быть иначе?

Профессор напомнил своим коллегам, чтоб не говорили слово «попы», ибо это оскорбляет его религиозные чувства.

Наверху тревога: не знают, что делать, слишком много стало верующих.

3. Крестил женщину лет 65-ти, партийная, в настоящее время больная.

Когда крестилась ее дочь, она сказала:

— Ты сумасшедшая, тебя надо посадить в сумасшедший дом,

— а теперь сама крестилась, верит, надеется, что ее Бог вылечит. По национальности — еврейка.

4. Не один крестившийся взрослый мне говорил:

— Как стало легко.

5. Крестился еврей. Рассказывает, что давно уже христианство стало ему близко, евреем себя не считает. Избрал православное вероисповедание. Говорит: до сих пор все евреи были где-то, теперь должны быть только у Христа.

6. Крестились два молодых человека 22-х и 24-х лет. Образование — среднее, национальность — русский и еврей. Оба

сидели в психиатрическом доме за то, что они верующие (по их словам).

Русский сказал:

— Никакими благами теперь пользоваться нельзя, т. к. многие сидят в заключении и псих. домах.

Оба краткие, верят во всё, о чем говорит Христос.

7. Крестил трех человек взрослых: двое мужчин и одна женщина и ребенок с ней, 4-х лет.

Мужчины по профессии — инженеры, много пили. Теперь решили порвать со своим прошлым. Один из них сказал:

— Вот еще партия, но и оттуда думаю выйти.

8. Крестился молодой человек, 24-х лет. Образование — неполное высшее. Ни Евангелия, ни религиозных книг не читал, но верит без сомнения во всё: и в воскресение Христово, и в наше личное воскресение из мертвых. Пришел к этой мысли сам, оттолкнувшись от действительности: везде обман, должна же где-то быть правда?

Родители его, отец и мать, неверующие. Верующая в их родстве только прабабка, около 100 лет, еще жива. Она тоже его религиозно не воспитывала, но, может быть, говорит, ее молитва призвала меня к крещению.

9. Крестилась редактор телевидения. Уверовала через индийскую философию. К крещению хорошо подготовилась, даже выучила наизусть символ веры.

10. Крестилась кинорежиссер телевидения. Из провинции. Давно уже стала задумываться над вопросами религии. В родстве ее все крещеные, но ее почему-то в детстве не крестили. Особенно захотела креститься после того, как крестили ее 7-летнего сына. Без Христа, говорит, жизнь бессмысленна.

11. Вчера крестил ученого и его шестилетнего сына. Ребенок, по его словам, вел себя необыкновенно, на него непохоже.

— Мне теперь ничего не страшно, я крещен, — сказал ребенок. За крещение благодарил. Крестились, видимо, украдкой.

Отец зарос бородой, очень умиротворенный и смиренный. С христианскими вопросами знаком, русского настроения. Очень понравились ему мои слова, когда я сказал, что сейчас наша основная задача — хранить традицию. Проводить реформы — это смущать малых сих. Понимает, что спасение для России — православие.

Восприемник отца и сына — ученый архитектор, историк. Предстоит еще крестить жену крестившегося и потом венчать их!

12. Крестился еврей, инженер. Сопутствующие ему, русский и еврей, сказали:

— Сам еврей, а считает себя русским.

13. Крестилась мусульманка, по национальности — башкирка. Живет в Москве 8 лет. 19 лет жила в Башкирии. Сама художница. Пришла сознательно к христианству. Я сказал, чтоб она подумала, дал испытательный срок. Пришла дня через три, все продумала, взяла себе имя — Мария.

14. Польша, вышла замуж за русского. Приехала с ним в Москву, он спился, она его бросила. Сейчас беременна. Захотела перейти в православие.

— Это окончательно? — спросил я.

Присоединил. Она всё делала привычно по православному.

15. Молодому человеку перед уходом в армию снится сон. Голос:

— Ты не крещен, а уходишь в армию... Я ставлю тебя в известность, поступай, как сам знаешь.

Проснувшись, он спрашивает:

— Меня крестили?

— Нет.

Собрались провожать, хватились, а его нет. Очень долго не было, уже хотели было послать в розыск. Приходит.

— Где был?

— Крестился. Теперь можно идти в армию.

Случай был в доме тещи того, кто мне рассказал. Москва, Кутузовский проспект. 1973 г.

16. Мальчик 5-ти лет, когда крестился, сказал своей матери:

— Я теперь крещен, а ты не крещена, иди крестись, иначе с тобой жить не буду.

Мальчика не пускали в храм, он туда бегал украдкой, его все любили.

До крещения, когда спрашивали у него:

— Ты чей?

Отвечал:

— Ничей.

После крещения:

— Кто у тебя папа и мама?

— Папа — батюшка, мама — монашка.

17. Теперь я уже окончательно потерял счет, сколько крестил. Приходится иногда в день крестить по два-три взрослых, а детей и совсем не счесть.

Приходится крестить в основном дома, т. к. оформление в храме грозит неприятностями по работе. Но некоторые идут и на неприятности, и их нужно останавливать: успеет еще поднять крест, всё в свое время будет.

1973-1974

Архиеп. ВАСИЛИЙ (КРИВОШЕИН)

ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ С МИТРОПОЛИТОМ НИКОЛАЕМ (ЯРУШЕВИЧЕМ) (бывшим Крутицким и Коломенским)

Отрывки из воспоминаний

...Мне пришлось близко встретиться с митрополитом Николаем в июле 1960 года и беседовать с ним с полной взаимной откровенностью. Это было время начала «хрущевского» гонения на Церковь, о котором на Западе было еще мало что известно. Знали только о ренегатстве Осипова, об отлучении его от Церкви в декабре 1959 года, о смелой речи патриарха в феврале 1960 года и о последующей вскоре за нею отставке Карпова. Всё это, а в особенности отставка Карпова, о котором сложилось мнение, как о человеке, сравнительно хорошо относящемся к Церкви, вызвало тревогу, но никто не представлял себе силу и размеры начинающегося гонения. Наконец, поразила нас своей внезапностью и непонятностью отставка митрополита Николая 21 июня 1960 года от должности председателя Отдела Внешних Церковных Сношений... Положение митр. Николая во главе «иностранного» Отдела Патриархии казалось настолько прочным, деятельность его в этой области как будто была всецело в линии политики советского правительства, известность его за границей столь велика, что отставка его представлялась совершенно необъяснимой. Что-то важное происходит, решили все, но что именно, было неясно. Вероятно, плохое.

В этой тревожной атмосфере, полной неопределенности, я отбыл 16 июля самолетом в Москву по приглашению Патриархии, менее месяца после отставки митр. Николая. Сам я недавно перед тем был назначен епископом Брюссельским и Бельгийским. На следующий день по приезде, канун праздника преп. Сергия, я начал выяснять возможности встретиться с митр. Николаем. Мне было сказано, что митр. Николай будет на празднике в Лавре, там его легче будет видеть... В Лавру мы прибыли на машине в самый день праздника 5/18 июля за час до начала литургии. В монастырской гостинице, куда нас привели, нас встретил... Я сразу сказал ему, что мне нужно встретиться и поговорить с митр. Николаем. Как это лучше устроить? «Хорошо», сказал..., «это не трудно. Вы сейчас пойдете в палаты (какие, точно не помню),

туда придет и митр. Николай облачаться. Там Вы с ним и поговорите. А патриарх придет попозже». Так и произошло. Меня провели в «палаты» и оставили одного. Через несколько минут пришел и митр. Николай. Никого кроме нас в палатах не было. Я сразу, не теряя времени, так как не знал, сколько времени мы останемся одни, обратился к митр. Николаю: «Приветствую Вас от лица нашего экзарха и от всего нашего Западно-Европейского Экзархата и хочу Вам сказать, как мы все в Экзархате были глубоко огорчены Вашей отставкой...». — «Да», ответил митр. Николай, «меня уволили так и так!». И при этих словах он сделал два энергичных жеста правой и левой рукой с сжатыми кулаками, сверху вниз наискось перед собою, как если бы кто рубил сплеча. Что он в точности хотел выразить этим жестом, мне до сих пор не совсем ясно. Вероятно, что его добивали со всех сторон. «Почему?», спросил я, «как это случилось?» — «Это не от Церкви. Между мною и патриархом ничего не произошло. У меня с ним были и остались самые лучшие отношения. Это от гражданских властей. Вы, наверное, знаете, что у нас за последнее время очень усилилась антирелигиозная пропаганда. Я с этим боролся в своих проповедях. Не в тех, которые печатались в ЖМП, а в церквях. А народ мои проповеди слушает и любит. А это как раз и было неприемлемо для наших властей. Им нужны архиереи, которые молчат, а только торжественно служат. А те, которые проповедуют и борются с безбожием, им невыносимы. Вот меня и убрали. Конечно, внешне все произошло по порядку, я уволен Синодом по собственному прошению, но я вынужден был его подать». — «Владыко», заметил я, «тогда было бы естественно уволить Вас от должности митрополита Крутицкого, а оставить на должности председателя Отдела Внешних Церковных Сношений, тем более, что Ваша деятельность в пользу мира была широко известна во всем свете и, вероятно, ценилась советским правительством. А поступили как раз наоборот. Уволили из Внешнего Отдела, а оставили митрополитом Крутицким». — «У нас, как Вы знаете», ответил митр. Николай, «переменилось чиновначалие» (намек на замену Карпова Куроедовым), «оно не знает хорошо моей деятельности в пользу мира и потому не ценит ее. А уволить меня от должности митр. Крутицкого они не могли. Это не в их силах. Да и Синод на это никогда не пойдет». Дальнейшее показало, как ошибался митр. Николай в этом отношении. Видно также, что он не предвидел еще всего, что его ожидает. Я спросил еще митр. Николая о нашумевшей речи патриарха Алексия

на заседании советского Комитета Защиты Мира. «Эту речь составил я», сказал мне митр. Николай, «патриарх только ее прочитал. А Вы знаете, что произошло потом? Когда патриарх закончил читать речь, в зале раздалось два-три жидких хлопка, а вслед за тем один за другим поднялись представители «общественности» и начали громить патриарха: «Вы хотите нас уверить, что вся русская культура создана церковью, что мы ей всем обязаны, но это неправда и т. д.». Произошел целый скандал».

Далее, я передал митр. Николаю приглашение нашего экзарха приехать во Францию, посетить наш Экзархат. «Это очень укрепит положение нашей Церкви во Франции», добавил я. Насколько мне известно, мысль о поездке во Францию по приглашению экзарха исходила от самого митр. Николая или от его друзей в Москве, которые писали нашему экзарху митр. Николаю (Еремину), намекая, что такое приглашение, а тем более поездка во Францию, укрепит положение митр. Николая... Митр. Николай явно заинтересовался переданным мною приглашением и попросил меня поговорить об этом с патриархом. Я ответил, что у меня есть письмо к нему нашего экзарха с приглашением его (митр. Николая) посетить Западно-Европейский Экзархат. «Это хорошо», сказал митр. Николай, «но было бы также хорошо, если Вы заговорите о приглашении в присутствии Куроедова, развили бы перед ним важность моего посещения Франции. Вы увидите его сегодня за обедом, Вы туда приглашены, будет там и патриарх» — «А что за личность Куроедов?», полюбопытствовал я. «Мы в нем еще не успели разобраться», дипломатически ответил митр. Николай. — «А как объяснить за границей причину Вашей отставки?», спросил я. — «Скажите, что уволен по неизвестным причинам. Во всяком случае не по состоянию здоровья. Опровергайте это. В прошлом я, правда, болел, но сейчас я чувствую себя физически лучше, чем уже много лет. Но о настоящей причине моего увольнения также не говорите»...

В это время вошел патриарх Алексей, и наш откровенный разговор с митр. Николаем прекратился. Я передал патриарху письмо экзарха и устно подтвердил приглашение митр. Николая посетить наш Экзархат во Франции. А митр. Николай попросил патриарха заговорить об этом за обедом в присутствии Куроедова. Патриарх согласился, но по его виду можно было усмотреть, что он довольно скептически думает об успешности нашего проекта... Праздничную литургию патриарх служил с митр. Николаем и мною в Троицком соборе. Другие архиереи, их приехало на празд-

ник восемнадцать, служили в других церквях Лавры. К обеду у патриарха были приглашены сослужившие с ним литургию и наиболее «важные» из гостей. Всего человек десять-пятнадцать. Патриарх сидел во главе стола, по правую руку от него, вдоль длинной стороны стола, сидел митр. Николай, по левую, напротив митр. Николая, Куроедов. Непосредственно ниже митр. Николая сидел я. Еще несколько ниже сидел епископ Подольский Николай, новый председатель Отдела Внешних Церковных Сношений, и помощник Куроедова П. В. Макарец... От времени до времени Куроедов разговаривал в довольно любезном тоне с патриархом и тот отвечал приблизительно также... Обращало на себя внимание то, что Куроедов и митр. Николай, хотя и сидели друг против друга, не только не обменялись за все время обеда ни одним словом, но даже избегали смотреть один на другого. В частности митр. Николай сидел почти все время насупившись, смотрел как-то вниз, не прямо перед собою, но наискось в сторону патриарха. И молчал большую часть времени. Куроедов и митр. Николай производили впечатление рассорившихся между собою людей, которых случай заставил встретиться и которые избегают смотреть друг на друга, не то чтобы разговаривать друг с другом. Во время обеда патриарх сказал Куроедову: «Мне пишет из Парижа наш экзарх, он приглашает митр. Николая посетить Западный Экзархат и что это будет очень полезно для нашей Церкви во Франции». — «Почему?», спросил Куроедов, «мне это не совсем понятно». Патриарх попросил меня объяснить это. «Митрополит Николай», стал я исполнять это трудное поручение, ибо на самом деле кроме желания помочь и поддержать митр. Николая других веских причин для его поездки во Францию не было, «митрополит Николай настолько крупная и всемирно известная личность, как иерарх Русской Церкви и как борец за мир, что приезд его во Францию сразу увеличит престиж Русской Церкви там и укрепит ее отражать нападки враждебных нам юрисдикций, в особенности карловчан. А кроме того митр. Николай своей личностью и своим красноречием привлечет многих к нам». Куроедов задумался. «А все же мне неясно, почему поездка митр. Николая нужна именно сейчас?», заметил он. — «Она и раньше была нужна», ответил я, «но раньше у митр. Николая не было времени». Куроедов ничего не ответил, и разговор о поездке прекратился. Митр. Николай во время его молчал...

В четверг 8/21 июля был праздник Казанской Божией Матери, очень торжественно празднуемый в Москве. Всенощную

накануне в Патриаршем Соборе служили патриархи Московский Алексей и Грузинский Ефрем. Сослужил митр. Николай и другие архиереи, в том числе и я... На следующий день, перед началом торжественной литургии с участием двух патриархов, сослужившие им архиереи собрались в алтаре Патриаршего Собора, чтобы облачиться там во время чтения часов. Патриарх Алексей должен был прийти немного позднее, а патриарх Грузинский должен был облачиться посреди церкви. Я прибыл в алтарь еще до начала часов, вскоре прибыл туда и митр. Николай, мы стояли рядом и у нас начался интереснейший и очень откровенный разговор о положении Церкви в России. Через некоторое время к нам подошли иподиаконы и начали нас облачать, но митр. Николай продолжал разговор, несколько не стесняясь их присутствием. Впрочем, они скоро ушли, закончив наше облачение. Разговор начался с того, что я спросил митр. Николая, правда ли, что на Пасху этого года в Киеве во Владимирском соборе во время заутрени комсомольцы мешали богослужению, прерывали его, вообще хулиганили. Я прочел об этом в заграничных газетах. «Не только в Киеве», ответил митр. Николай, «но по всей России на Пасху прокатилась волна грубейших и безобразнейших антирелигиозных демонстраций. Мне даже неловко описывать их, особенно здесь в церкви, но я все-таки скажу, чтобы Вы знали правду. В одном из городов на Украине во время службы в церковь ворвалась толпа молодых людей, они несли на руках обнаженную девушку, направились к алтарю и пытались через царские двери войти в него и положить девушку на престол. Конечно, это им не удалось, верующие вмешались и помешали, произошла общая драка и свалка». — «Но как реагирует на это патриархия?», спросил я, «протестует ли она и что делает милиция, ведь она обязана по закону не допускать таких безобразий?» — «Патриархия делает, что может, но без больших результатов. Каждый раз, как нам становится известным о таких бесчинствах во время богослужений, а об этом нам сообщают с мест наши архиереи и духовенство или даже верующие миряне, мы протестуем и жалуемся Совету по Делах Православной Церкви на безобразие и на нарушение закона и просим принять меры против виновных и против повторения подобных случаев. Обычно через несколько месяцев приходит ответ, что расследование не подтвердило содержания нашей жалобы и что следовательно она неосновательна. Что же касается милиции, то она в подобных случаях просто исчезает и появляется только по окончании бесчинств».

— «А правда ли, как я слышал, что за последние шесть месяцев было закрыто свыше пятисот церквей и каким образом они закрываются? Ведь по закону для закрытия храма нужно согласие верующих?» — «Да, правда. А способов закрыть церковь много. Вот, например, более мирный и якобы законный. В какой-нибудь церкви служит священник ревностный и хороший. Проповедует, устраивает крестные ходы» — «То есть проповедует против безбожия?» — «Нет, что Вы! Просто проповедует. Другие испугались и совсем перестали проповедывать». — «А разве крестные ходы запрещены?» — «Разрешены вокруг храма два раза в год, на Пасху и в храмовой праздник. А он устраивает чаще. Так вот уполномоченный снимает его с регистрации или требует перевода в другой приход под угрозой снятия его с регистрации. Архиерей вынужден подчиниться и назначает на приход другого священника. Но уполномоченный упорно отказывает в регистрации ему или всякому другому священнику, которого архиерей пытается назначить на этот приход. В результате в храме свыше шести месяцев не совершается богослужений и власти закрывают его, как не действующий. А вот и более резкие способы закрытия храма. В один назначенный властями день, обыкновенно в воскресенье, после окончания богослужения, когда народ разоидется, около храма собирается толпа в несколько сот человек, коммунисты, комсомольцы, весь так называемый актив, с соответствующими инструментами и в течение нескольких часов физически разрушают и уничтожают храм, а церковную утварь, книги, облачения и т. д. грузят на грузовики и увозят неизвестно куда». — «Но это, вероятно, происходит только в деревнях?», спросил я, потрясенный рассказом Владыки Николая. — «Совсем не только в деревнях, а даже в сравнительно больших городах», ответил митрополит Николай.

Далее я спросил его, что он думает о недавнем осуждении к трем годам тюрьмы архиепископа Казанского Иова (Кресовича) и справедливы ли предъявленные ему обвинения в финансовых злоупотреблениях, скрытии доходов в целях неуплаты налогов и т. д. Об осуждении архиеп. Иова мы читали в газетах еще за границей, а во время моего пребывания в Москве в газете «Советская Россия» появилась большая статья с резкими нападениями на него и с описанием суда над ним. «Все эти финансовые обвинения», ответил митр. Николай, «неверны или, во всяком случае, неверны на восемьдесят процентов. Вот истинная подоплека всего дела. Архиепископ Иов был деятельным архиереем,

проповедывал, ездил по приходам, боролся с безбожием, противился закрытию приходов. Это, конечно, не понравилось гражданским властям, его решили убрать, но так как прямо обвинить его за церковную работу было неудобно, то против него выдвинули обвинение в неуплате налогов. Дело в том, что у нас архиереи получают определенное содержание, скажем, 5.000 рублей в месяц, — и кроме того на расходы по представительству, примерно 10.000 рублей. Это расходы на передвижения, секретаря, машину и т. д. Повсеместно принято, что в финансовую инспекцию делается заявление только о содержании (жаловании) и по нему уплачивается налог, а о суммах на представительство ничего не заявляется и налогом они не облагаются. Это повсюду принято, давно существует и об этом прекрасно известно правительству. Никаких возражений с его стороны против такого порядка не было. Так поступал и архиеп. Иов. И вот неожиданно он был предан суду за злостное сокрытие от финансовой инспекции своих поступлений на представительство. Но ведь в этом можно обвинить всех архиереев, в том числе и меня. Более того, когда против кого-нибудь имеется обвинение, что он скрывает свои доходы, его никогда сразу не передают суду, но вызывают сначала к фининспектору на объяснение и если обвинение оказывается правильным, дают возможность в известный срок уплатить требуемую сумму и только в случае отказа привлекают к суду. А тут архиеп. Иов был сразу предан суду. И хотя его сыновья инженеры внесли за него требуемый налог, он был осужден на три года. Неслыханная мера наказания в налоговых делах! Обвиняли его также в неправильной отчетности, но самое большее, что можно сказать, что отчетность велась небрежно, но злоупотреблений не было. Вообще весь суд велся в безобразной дикой обстановке, а в газетах началась травля с полным искажением того, что происходило на процессе. Все это дело было затеяно с явной целью запугать других архиереев, чтобы они сидели смирно и не боролись с безбожием. И против каждого из нас может быть возбуждено подобное дело». Я спросил митр. Николая, можно ли и нужно ли сделать известным за границей то, что он мне рассказывал о положении Церкви. Митр. Николай задумался на минуту. Видно было, что мой вопрос его встревожил. «Да», сказал он наконец, «можно и даже полезно, но без всех подробностей и без упоминания моего имени. И не от Вашего лица, так чтобы не могли догадаться. А вот молодежи, которая приехала с Вами (митр. Николай имел в виду группу молодежи нашего Экзархата, которая приеха-

ла по приглашению Патриархии одновременно со мною, хотя и независимо от меня, из Парижа), ей не надо рассказывать. Зачем смущать и соблазнять юные души?»... Я задал митр. Николаю еще один вопрос (в это время нас уже кончили облачать, иподиаконы оставили нас одних и мы сидели рядом друг с другом в мягких, покрытых белыми чехлами креслах в алтаре собора): «Вот Вы говорите мне о преследованиях и тяжелом положении Церкви в России, а недавно была на Западе делегация Русской Церкви... и на задаваемые им... вопросы, они отвечали, что Церковь в России свободна и никаких гонений или притеснений нет». Митр. Николай грустно улыбнулся в ответ: «Если бы я был на их месте..., я, вероятно, стал бы говорить то же самое, что они»...

Поздно вечером того же дня, после десяти часов, в номере, занимаемом мною в гостинице Советская, раздался телефонный звонок. Я взял трубку: «Говорит дежурная патриархии такая-то (забыл фамилию). С Вами будет сейчас говорить митр. Николай». И действительно вслед затем раздался голос митр. Николая: «Вы завтра, как я слышал, будете у ... Очень прошу Вас, скажите ему, что Вы говорили мне, как широко известна за границей моя деятельность в защиту мира, как широко я лично известен, как ценят мои выступления и какое они имеют значение для Советского союза, как поднимают они его престиж (этого я никогда не говорил!). Очень прошу это сделать, Вы тем самым много мне поможет». Я согласился, хотя и без большой охоты. Мне стало жалко митр. Николая. Еще недавно чуть ли не самый влиятельный и сильный иерарх Моосковской Патриархии просит помощи и защиты у приехавшего из заграницы епископа-эмигранта, значительно более молодого его по возрасту и хиротонии. Обстоятельства, о которых не время говорить, помешали однако мне исполнить просьбу митр. Николая. ...На следующий вечер я уехал поездом в Ленинград. Там мне удалось откровенно побеседовать о митр. Николае с настоятелем Никольского Морского кафедрального собора протоиереем о. Александром Медведским, знакомым мне еще по поездке в 1956 году (скончался в 1973 г.). «Да», сказал он, «поразила всех нас, как громом, отставка митр. Николая. О ней нам рассказывал наш митрополит Питирим (Свиридов, умер в 1963 г.) по возвращении из Москвы с заседания Синода. Обсуждался вопрос о принятии Синодом прошения митр. Николая об отставке. «Ваше Святейшество», заявил на заседании Синода митр. Питирим, так он нам рассказывал, — «У меня скорее рука отсохнет, чем я подпишу постановление о принятии прошения

об отставке митр. Николая!» — «Надо», сказал мне патриарх. И митр. Николай прибавил: «Надо!». И я подписал». Я спросил о. Медведского: «А почему же митр. Николай подал такое прошение? Что его могло побудить?» — «Трудно сказать. Вероятнее всего, ему предъявили такие требования, принять которые не позволяла его совесть. И он предпочел уйти в отставку».

Я вернулся в Москву 28 июля... На следующий день, во время утреннего чая в гостинице Советская, сопровождавший меня прот. о. Павел Соколовский (убитый в авиационной катастрофе в 1973 г. над Прагою) сказал мне, что меня кто-то хочет видеть. Я вышел в переднюю номера, в котором мы пили чай. Одно лицо ...попросило у меня благословения и передало мне письмо, сказав: «Это от митр. Николая». И ушло. Я вернулся в номер... Видел ли прот. Соколовский, что мне передали письмо, не знаю. Думаю, что нет, но несомненно догадался. Впрочем, я не стал скрывать этого, я не думал, что в нем будет что нибудь очень важное, вероятнее всего о том, как нам еще встретиться. Словом, я тут же за столом прочитал письмо, про-себя, конечно... Все оно было написано от руки. Вот его содержание, с некоторыми пропусками:

Дорогой, Возлюбленный Владыка Василий!

По Вашем возвращении из Ленинграда я многократно пытался найти возможность встретиться с Вами, а также с С. Ник. Большаковым (он приехал из Англии в качестве гостя Патриархии) и молодежью... Меня изолировали от Вас и всех вас. Мне не было предоставлено часа для этих встреч и Вы, вероятно, сами не знали об этой изоляции. Как все это грустно! Обнимаю Вас с горячей братской любовью... Мне очень тяжело. Передайте С. Н-чу (Большакову) о моей невозможности иметь беседу с ним. Передайте Вашей молодежи глубокую благодарность за присланную книгу и теплое письмо. Так мне и не дали повидаться с ними! Вас лобзаю братски, всем остальным пересылаю мое благословение. Прощаюсь со всеми вами — увы! на расстоянии.

Если Пр. Экзарх или кто-либо будет мне писать, то только на домашний адрес: Москва 5, Бауманский 6 — мне. Счастливого пути! Богом благословенного успеха в работе, дорогой Владыка! Прошу св. молитв. Не понимаю происходящего со мной. Душой всегда буду со всеми вами.

С любовью неизменной Ваш М. Н. 29 июля.

Прочитав это письмо, я сразу начал действовать, чтобы встретиться или по крайней мере поговорить по телефону с митр. Николаем. Я сказал прот. о. Павлу Соколовскому, что мне непременно нужно видеть перед отъездом митр. Николая, попрощаться с ним. Он позвонил в Патриархию, ему сказали, что митр. Николая нет, но скоро будет и останется там до трех часов. Я попросил передать ему, что я хочу его видеть. Попозже, когда я снова позвонил, мне ответили... что митр. Николай был, но уехал раньше обыкновенного провожать на аэропорт патриарха, который в этот день в час дня улетал в Одессу. Передать ему о моем желании его видеть не успели, но обещали сделать это на аэродроме. Позже я снова позвонил в Патриархию и мне сказали, что после отбытия патриарха митр. Николай сразу уехал к себе домой, так что ничего передать ему не успели, а до отъезда патриарха было невозможно, так как патриарх с ним всё время разговаривал. Больше в Патриархию он в этот день прийти не должен был. Я попросил тогда домашний телефон митр. Николая, мне его дали, но сказали, что звонить бесполезно, так как митр. Николай на телефонные звонки не отвечает. После окончания служебного дня в Патриархии, он «запирается» у себя дома и добиться его по телефону невозможно, даже в самых экстренных случаях. И на звонки у двери он тоже не отвечает и никому не открывает. У Патриархии в этом отношении большой опыт. И действительно, я и днем и вечером до позднего часа пытался звонить по телефону по его домашнему адресу, но безрезультатно. Никто не отвечал на телефонные звонки.

...Последнее личное известие от митр. Николая я получил 11 апреля 1961 года, то есть после того, как он в сентябре 1960 года был уволен на покой с должности митрополита Крутицкого и Коломенского. Я поздравил его телеграммой с Пасхой на его домашний адрес в Москве и получил в Брюсселе телеграфный ответ: «Воистину Воскресе взаимно с любовью горячо поздравляю обнимаю митрополит Николай»... В Россию я снова попал только в октябре 1964 года, на две недели. Находясь в Лавре, я захотел посетить могилу митр. Николая. Мне обещали, но почему-то медлили. Пришлось дважды повторить просьбу, второй раз более энергично. Тогда сопровождавший меня... повел меня к туристической конторе с надписью на английском языке у врат Лавры, получил письменный пропуск у находившегося в конторе молодого монаха и мы в сопровождении другого пожилого монаха пошли к одной из церквей Лавры (не помню, какая именно), в крипте которой находится могила митр. Николая. Монах от-

крыл ключами крипту и мы вошли в нее. Могила митр. Николая покрыта белыми мраморными плитами с золотой надписью — имя, сан, год рождения и смерти. Немного цветов. Мы помолились. Как мне сказали, в церкви раз в неделю совершают литургию, а иногда и в крипте панихиды на могиле митр. Николая. Тогда пускают народ. Но обыкновенно храм закрыт.

ОБРАЩЕНИЕ К ДЕЛЕГАТАМ V АССАМБЛЕИ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА ЦЕРКВЕЙ*

Уважаемые господа делегаты!

Откликаясь на призыв лидеров ВСЦ ко всем христианам принять посильное участие в деятельности Ассамблеи, сочли своим долгом и мы, члены Русской Православной Церкви, поделиться с Вами результатами наших размышлений.

Размышления эти, явившиеся плодом неоднократных собеседований с нашими православными собратьями, относятся к попыткам осмыслить самую сущность экуменического движения.

До возникновения этого движения верующие каждой христианской конфессии были склонны считать свое исповедание единственно правильным или наиболее правильным, и усматривали путь к христианскому единству в том, чтобы все остальные присоединились к уже найденной ими полноте истины, отказавшись от своих заблуждений.

Такое убеждение было результатом не только конфессиональной гордости или недостаточной широты мысли, но и проявлением искреннего христианского максимализма, вызванного горячей любовью ко Христу и опасением хотя бы в малейшей степени нарушить Его заповеди.

В противовес этому максимализму, экуменическое движение проникнуто духом терпимости и сотрудничества и отказом от взаимного прозелитизма.

Естественно, что у многих христиан разных исповеданий возникают сомнения: есть ли эта попытка преодоления конфессиональной «ревности» — результат возрастания в сердцах верующих любви ко Христу, или, наоборот, результат охлаждения этой любви?

Мы надеемся, что многие делегаты Ассамблеи, зная всю глубину и мучительность конфессиональных разномыслий, также, как и мы, убеждены в том, что лишь у подножия Голгофского

* Это обращение произвело на делегатов V-й Ассамблеи сильное впечатление. Впервые вопрос о положении христиан и нарушении прав человека в СССР был принят всерьёз на экуменическом собрании. Обсуждение, правда, было сорвано, митр. Никодим все же был избран вице-председателем, но тем не менее все почувствовали, что у Церкви в Сов. России есть другое измерение, не соответствующее официальному. Отныне полная ложь уже невозможна. Прим. Ред.

Креста может родиться тот порыв любви, который в силах реально преодолеть конфессиональную ревность и отчужденность и подготовить сердца христиан к подлинному единству.

Поскольку между христианами нет полного единодушия и в вопросе о том, что означает несение Креста в современном мире, мы полагаем, что сомнения в духовном качестве экуменического движения могут быть разрешены только в том случае, если в основу христианского единства будет положено исповедание Креста в его первичном евангельском смысле — как претерпения скорбей и мучений за Имя Христово.

Трагический опыт Русской Православной Церкви за последние шесть десятилетий дает немало примеров возвышенных порывов христианской любви, возникших в ответ на массовое церковное исповедничество и мученичество, и рождающих надежду на возможность глубинного преодоления христианской раздробленности.

Возможно, не все делегаты одинаково хорошо знают историю Русской Церкви этого периода, и поэтому мы сочли уместным кратко напомнить Вам о некоторых таких примерах, поистине достойных благодарной памяти и ревности подражания.

Ещё в феврале 1918 года представители духовенства разных исповеданий, забыв недавние споры и тяжелые обиды, с удивительным мужеством и благородством выступили в защиту Русской Православной Церкви, первой принявшей на себя удар антирелигиозной политики только что родившейся власти.

«Каковы бы ни были теоретические решения, положение православной Церкви в настоящую минуту является очень трагичным, и в этом наши глубокие симпатии на её стороне», — свидетельствовал евангелический пастор Вальтер.

«Нельзя останавливаться на решении теоретических вопросов: слишком трагическая яркая картина разворачивается перед нами в церковной жизни, чтобы не привлечь к себе всю силу нашего внимания...», — подхватывает армяно-григорианский священник Тер-Григориан.

С выражением глубокого сочувствия к страданиям Русской Православной Церкви обратились к проходившему тогда Поместному Собору представители протестантских исповеданий в России.

К голосу христиан присоединились иудеи и мусульмане.

«С чувством особого волнения может говорить еврей о том, чему подвергается в настоящее время православная Церковь.

Только сам носивший кандалы, носивший их долго и бесконечно тяжело, может понять переживания того, кому хотят эти кандалы надеть» — говорил петроградский раввин Каценелибоген.

«Мы, мусульмане, так бережно охраняющие заветы своей религии, относимся с громадным уважением к религиозному чувству инаковерующих, и потому с особой грустью мы следим за терниями, выпавшими на долю православной Церкви и её прихожан», — продолжал свидетельство мусульманский имам Давлеканов.

Вскоре присоединила свой голос сочувствия и поддержки и Католическая Церковь в лице кардинала Гаспари, обратившегося с энергичным протестом в адрес гонителей Православной Церкви.

Голоса сочувствия и сострадания вызвали глубокий отклик в сердцах православных.

Отвечая по поручению Собора на послание протестантов, Патриарх Тихон писал:

«Повинуясь велению сердца, выражаем Вам и Вашим братьям по вере искреннюю благодарность за любовь и пожелание успеха трудам Священного Собора Православной Российской Церкви и молим Господа, да не оставит Вас Благий Человеколюбец без небесной награды за сострадательный отклик на скорби чающих Христова утешения. В печалях и бедах постигшего Православную Церковь гонения Мы непрестанно памятуем о Христе Иисусе, убажывающем «плачущих и изгнанных за правду» (Матф. V,4,10)..»

Когда в 1921 году Россию постиг небывалый голод, Патриарх Тихон обратился в первую очередь к главам православных и инославных церквей с призывом, во имя христианской любви, поднять народы мира на бескорыстную помощь умирающей от голода России. Вспомним этот вопль о помощи, с которым Россия обратилась к миру через своего Патриарха:

«К тебе, человек, к вам, народы вселенной, простираю я голос свой:

Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода. Не до слуха вашего, но до глубины сердца вашего пусть донесет голос Мой болезненный стон обреченных на голодную смерть миллионов людей и возложит его и на вашу совесть, на совесть всего человечества. На помощь немедля! На широкую, щедрую, нераздельную помощь!

К Тебе, Господи, воссылаёт истерзанная земля наша вопль свой: «пошади и прости», к Тебе, Всеблагий, простирает согрешивший народ Твой руки свои и мольбу: «прости и помилуй».

Христиане России никогда не забудут тех самоотверженных усилий, которые приложили католическая, англиканская и другие христианские церкви для организации помощи вымиравшим областям России.

Православный верующий народ всегда будет помнить и то могучее свидетельство христианской солидарности, которое было явлено в международном движении протеста против массовых арестов и расстрелов духовенства и верующих в 1922 году. Мы никогда не забудем, что подняли это движение, вдохнули в него энергию и силу именно зарубежные братья-христиане: православные, англикане, католики, члены епископальной Церкви США (последние — по инициативе еп. Брента, тогдашнего главы зарождавшегося экуменического движения).

Хотя около десяти тысяч священников, монахов и монахинь было все же тогда расстреляно, однако через несколько месяцев нарастающее всемирное негодование заставило ослабить волну репрессий и даже освободить из-под ареста Патриарха Тихона, что имело решающее значение для будущих судеб Русской Православной Церкви.

Это действенное проявление христианской любви, сорвавшее попытку уничтожения Русской Церкви одним ударом, больше приблизило грядущее христианское единство, чем многие теоретические конференции, к которым верующий народ в своей массе, как правило, остается глубоко равнодушным.

Великим шагом в деле подлинного экуменизма стало всемирное моление за гонимую Русскую Церковь, организованное в 1930 году православными, католиками и протестантами в Европе. Русские христиане сохраняют в своей благодарной памяти выдающуюся роль Папы Пия XI в организации этого моления, его гневные обличения в адрес гонителей, выраженную им великую скорбь о страданиях русского народа.

Мы хотим напомнить делегатам Ассамблеи и о том мучительно постыдном факте, что всемирное моление 1930 года было встречено неодобрением и протестами со стороны тогдашнего официального возглавления Русской Церкви, отрицавшего наличие гонений и лжесвидетельствовавшего перед всем миром о том, что исповедники и мученики являются всего лишь политическими преступниками.

Уже тогда перед христианской совестью зарубежных братьев встал вопрос: если насилие так велико, что избиваемый вынужден улыбаться и протестовать против помощи — дает ли это основание, чтобы не защищать его?

Напомним также, что эта позиция православных церковных лидеров сопровождалась духом крайней конфессиональной нетерпимости, в разительном противоречии с позицией Патриарха Тихона, при котором был создан специальный отдел Поместного Собора по воссоединению с инославными христианами.

Этот дух нетерпимости сохранился и после того, как столкновение с фашизмом вынудило к восстановлению легальной Церкви в Советском Союзе.

В соответствии с националистической политикой Сталина, возрожденная Московская Патриархия поддерживала «модернизированную» концепцию «Москва — Третий Рим», с активной враждебностью к Римам I-му и II-му (Римская и Константинопольская Церкви), а также к Всемирному Совету Церквей.

После смерти Сталина, параллельно с изменением политики от «холодной войны» к «разрядке напряженности», производилась и переориентация внешней церковной политики.

В 1961 году Русская Православная Церковь вступила во Всемирный Совет Церквей.

Для Русской Церкви этот год был ознаменован возраставшей волной антирелигиозного разгула и повсеместных насильственных закрытий храмов, монастырей и духовных школ. Не менее жестокие преследования обрушились в это время и на протестантские общины.

XXII съезд компартии объявил, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», — вероятно, именно для приближения этого события с 1959 по 1965 гг. на территории СССР было закрыто свыше 10 тысяч православных храмов.*

Верующие Русской Церкви не строили особых иллюзий по поводу вступления Московской Патриархии во Всемирный Совет Церквей, — этот акт, санкционированный государственными ор-

* Рецидивы этого гонения имели место и в последующие годы. Последний такой акт — закрытие, а затем варварское уничтожение (в августе 1975 года!) православного храма в Житомире — памятника церковной архитектуры. Храм был взорван на глазах потрясенной толпы прихожан.

ганами в период жесточайшего гонения на религию, очевидно преследовал их собственные цели тактического характера, далекие от задачи укрепления христианских позиций в современном мире.

Несмотря на это, православные верующие все же надеялись, что христианская солидарность и воля к подлинному единству окажутся сильнее влияния антихристианских сил, надеялись, что ВСЦ окажет энергичную поддержку своему новому члену, — выступит инициатором международного движения в защиту гонимого христианства, призовет всех христиан к единодушным молитвам за страждущую Церковь.

Надежда эта подкреплялась и тем обстоятельством, что ВСЦ, кроме богословских собеседований и диалогов, включил в свою программу активное служение людям и обществу.

В широкий круг внимания и интересов ВСЦ входила борьба за мир и ограничение гонки ядерного оружия, запрещение его испытаний, создание безъядерных зон.

ВСЦ внимательно следил за развитием политических и военных конфликтов (Вьетнам, Ближний Восток, Нигерия, Кипр), взрывоопасных ситуаций (Куба, Сев. Ирландия), занимался вопросами расовой, этнической, национальной дискриминации, проблемами социальной несправедливости, взаимоотношениями богатых и бедных стран, регуляцией численности населения и борьбой с мировым голодом.

Но среди широкого круга затрагиваемых важных проблем так и не заняла должного места тема религиозных гонений — казалось бы, центральная тема христианского экуменизма.

Мир не услышал авторитетного голоса Всемирного Совета Церквей, когда была наполовину уничтожена Русская Православная Церковь; не слышно было этого голоса и тогда, когда в огромном Китае было ликвидировано легальное христианство; не раздался возмущенный протест ВСЦ тогда, когда была разгромлена религия в Албании — и когда в Албании расстреляли священника за крещение ребенка, ВСЦ промолчал снова.

ВСЦ, состоящий в основном из представителей протестантских конфессий, не оказал поддержки и баптистам, иеговистам, пятидесятникам в СССР, когда их подвергали преследованиям и притеснениям, в частности, лишали родительских прав за попытку дать детям религиозное воспитание.

И все-таки невозможно поверить, что в конце концов не проявит себя чувство подлинной христианской солидарности.

С большим вниманием мы восприняли тот факт, что ВСЦ в этом году подал голос в защиту осужденного Георгия Винса, одного из лидеров баптистов-инициативников в СССР.

Мы надеемся, что эта инициатива будет поддержана Ассамблеей, которая со всей серьезностью и ответственностью включит дело помощи христианам, подвергаемым преследованию в любой стране мира, в программу дальнейшей деятельности Всемирного Совета Церквей.

Нам известно, что многие христиане глубоко переживают страдания своих собратьев и горят желанием оказать им помощь, но не всегда знают, как это лучше сделать.

Мы берем на себя смелость поделиться с делегатами Ассамблеи рядом предложений.

Прежде всего, нам кажется ошибочным рассматривать гонимых за Христа лишь как объект христианского сострадания. Мы часто забываем о том, что исповедники и мученики — это семья Церкви и слава Ее, что во всей христианской семье именно они ближе всех предстоят Самому Господу Иисусу, именно они наиболее прямо и непосредственно подражают Голгофскому Подвигу нашего Божественного Учителя.

Этот первохристианский дух почитания исповедников — главное, что мы должны сегодня восстановить во всей мировой христианской общине: именно это почитание должно стать главным экуменическим делом, в общем горении сердец расплавляющим конфессиональную отчужденность!

Прославление исповедников не означает, конечно, отказа от борьбы за облегчение их участи — оба эти дела неразрывно связаны друг с другом.

Что же конкретно можно предпринять?

Вот некоторые предложения.

1. Необходимо, чтобы христиане всего мира знали своих исповедников, в какой бы стране они ни подвергались гонению и к какой бы конфессии они ни принадлежали.

Сведения об исповедниках должны регулярно доходить до каждого верующего, или, по крайней мере, до каждого руководителя христианской общины — пресвитера, пастора или священ-

ника. Помимо того, что христиане могут максимально использовать средства массовой информации: радио, телевидение, газеты, журналы, — необходимо издание специального массового многоязычного бюллетеня, в котором обобщались бы сведения об исповедниках Христа во всем мире и во всех конфессиях (там же могли бы помещаться сведения и об исповедниках других религий).

Не следует ли обсудить на Ассамблее вопрос об организации общими усилиями такого издания? *

2. Регулярно, по крайней мере ежемесячно, руководители всех общин могли бы проводить молитвенные собрания, посвященные исповедникам Христа во всем мире.

Чтение информационных материалов, рассказ и проповедь о подвиге исповедников, молитва и медитация, обсуждение возможных действий рядовых верующих — все это имело бы огромное значение для духовного объединения христианства.

Не могли бы мы договориться о том, чтобы такие молитвенные собрания проходили во всех христианских общинах мира в одни и те же дни?

3. Ничто не может заменить личных духовных связей.

Было бы чрезвычайно важно, чтобы верующие устанавливали личные контакты с исповедниками и их семьями путем переписки, материальной помощи семьям заключенных, посещения их при туристических и деловых поездках. Если каждая семья исповедника или он сам будут регулярно получать от своих друзей из разных концов света поздравительные открытки к христианским праздникам, какая это будет для них радость!

* Примером такого издания общегуманистической направленности может служить "Хроника защиты прав человека в СССР", выходящая в Нью-Йорке на русском и английском языках. В "Хронике" публикуются сведения и об исповедниках веры.

Большую деятельность в этом направлении развивает также популярный в России религиозно-культурный журнал "Вестник РХД", выходящий, однако, лишь на русском языке и небольшим тиражом. Большое огорчение и недоумение вызывает тот факт, что ВСЦ недавно принял решение лишить "Вестник" скромной субсидии (средства выделялись обществу РСХД, но фактически шли на журнал). Не может ли ВСЦ пересмотреть свое решение, в порядке помощи делу религиозного возрождения в России?

4. Современные гонители христианства чрезвычайно заботятся о своем международном авторитете и прилагают все усилия, чтобы предотвратить возможное движение протеста (один из главных приемов — клевета на исповедников).

Если христиане смогут преодолеть в самих себе и в своих согражданах эгоистическое равнодушие к чужим страданиям, то они найдут способы поддерживать на должном уровне кампанию международного протеста против гонения на исповедников веры, где бы оно ни происходило.

Если каждый верующий раз в месяц пошлет письма протеста в адрес гонителей, если он одновременно будет воздействовать в соответствующем духе на общественное мнение своей страны, то это, безусловно, сильно охладит рвение врагов христианства.

5. Мы полагаем, что христиане поступят правильно, если обратят усилия и на поддержку исповедников других религий, а также всех борцов за свободу и достоинство человека, за сохранение в человеке образа Божия.

Таковыми действиями христиане будут наилучшим образом свидетельствовать о Христе в современном мире, так, чтобы каждый мог сказать о христианах: поистине, эти люди нашли Бога, ибо они больше, чем все другие, любят человека!

Исповедники гуманизма, самоотверженные борцы за человеческое достоинство, нуждающиеся в нашей христианской поддержке, имеются во многих странах современного мира, но мы, естественно, в первую очередь должны свидетельствовать о таких исповедниках в нашей стране.

Только что приговорен к восьми годам лагерей Владимир Осипов, православный христианин, редактор русского национального журнала «Вече». Мы призываем делегатов Ассамблеи выступить самим и начать широкое международное движение за освобождение Владимира Осипова! Пусть этот шаг послужит новым доказательством жизнечности христианского гуманизма!

Одновременно с закрытием журнала «Вече», начато следствие по делу журнала «Евреи в СССР», в котором большое место занимал иудейско-христианский диалог. Редактору журнала Илье Рубину и его сотрудникам угрожает судебная расправа!

Арестованы и ждут суда Андрей Твердохлебов и Сергей Ковалев, за свою деятельность в защиту инакомыслящих, в том

числе верующих людей, томившихся в тюрьмах и лагерях. Они много сделали для того, чтобы мир узнал о мужественной борьбе баптистов-инициативников и литовских католиков. Христиане не должны остаться неблагодарными!

6. Одним из самых ужасных методов борьбы со свободой человеческой мысли и совести является принудительное заключение инакомыслящих в психиатрические больницы и насильственное применение к ним варварских методов «лечения», разрушающих их разум и психику.

К несчастным узникам психиатрических застенков, больше, чем к кому бы то ни было на нашей планете, применимы слова Роберта Коулза:

«Такие люди знают, что такое покинутость и заброшенность. Иногда, недоумевая, они спрашивают себя, не находятся ли они в аду, именно сейчас. Для них небо — постоянное видение, так же, как вода для жаждущего в пустыне. Должен быть кто-то спасающий их...»

Не должны ли именно христиане возглавить непримиримую борьбу с этим поистине дьявольским покусением на человеческую личность?

Не раскрывается ли для нас именно сегодня подлинный смысл грозного Божественного Приговора: «кто скажет брату своему: «безумный», подлжит геенне огненной» (Мф. 5.22)?

Мы призываем делегатов Ассамблеи добиваться обязательного международного контроля за деятельностью психиатрических больниц, ибо здесь мы сталкиваемся с угрозой человечеству не менее опасной, чем ядерные бомбы и бактериологическое оружие.

Всем известна тяжелая судьба, постигшая генерала П. Г. Григоренко, защитника крымских татар.

Под влиянием неоднократных и настойчивых требований мировой общественности Григоренко, наконец, освобожден, но по-прежнему подвергается психиатрическому истязанию математик Леонид Плющ, один из организаторов Инициативной группы защиты прав Человека.

Ни один случай заключения инакомыслящих или верующих в психиатрические больницы не должен ускользать от внимания мирового христианства!

7. Некоторые христиане в нашей стране, измученные многолетними притеснениями и издевательствами, систематическими арестами и другими видами насилия, семьями или целыми общинами хотят покинуть СССР и поселиться там, где они смогут спокойно трудиться и исповедывать свою веру.

С такими просьбами неоднократно обращались, например, семь латвийского баптиста, пресвитера Яниса Шмита, киргизского баптиста Гортфельда, давно и безуспешно добиваются права на выезд общины пятидесятников городов Находки и Черногорска. Ответом послужило лишь усиление репрессий.

Мы призываем участников Ассамблеи усиленно молиться о них, не лишая их постоянного братского внимания и помочь им добиться осуществления элементарного права человека — покидать свою страну и возвращаться в неё обратно!

8. Многие исповедники страдают сейчас за попытки издания и распространения Священного Писания и духовной литературы. В прошлом году в Литве была разгромлена типография баптистов-инициативников, конфисковано 30.000 Евангелий и арестованы 7 человек.

Наша страна испытывает острую нужду в Священном Писании!

Знают ли делегаты Ассамблеи, что советская таможня конфискует и уничтожает Евангелия, изъятые у иностранных туристов, если они везут более одного экземпляра, что в советских библиотеках рядовому читателю не дают Св. Писания, что Евангелие и духовную литературу запрещено иметь узникам тюрем и лагерей?

По заказу Московской Патриархии и ВСЕХБ Библии печатались в государственных типографиях малым тиражом, но свободно купить их можно только за границей.

Что можно сделать, чтобы обеспечить Священным Писанием христиан в СССР?

Не следует ли добиваться, чтобы деятельность международных библейских обществ распространилась и на нашу страну?

**

Заканчивая наше обращение, мы хотим отметить, что не рассматриваем наши предложения как единственно возможные или единственно правильные. Плюрализм современной жизни заставляет каждую общину прилагать собственные творческие усилия для созидания новых форм христианской жизни, новых форм экуменического сотрудничества.

При этом мы искренне надеемся, что наши предложения не останутся без отклика и побудят делегатов Ассамблеи не только к размышлению, но и к действию.

Пользуемся случаем пожелать успеха деятельности Ассамблеи.

16 октября 1975 года, г. Москва

Священник Глеб Якунин
Лев Регельсон

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ВЕРУЮЩИХ И ИНАКОМЫСЛЯЩИХ

Дело свящ. Василия РОМАНЮКА

О. Сергей ЖЕЛУДКОВ

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ СВЯЩ. ВАСИЛИЯ РОМАНЮКА

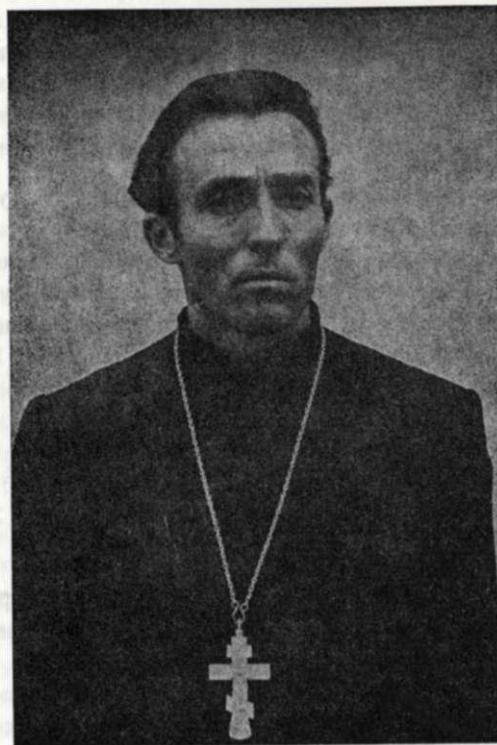
Глубокоуважаемый Андрей Дмитриевич!* В недавних заявлениях Ваших Вы среди других узников совести сострадательно назвали имя заключенного священника о. Василия Романюк. Я почел своим долгом посетить его семью — и вот что узнал достоверно.

Василий Емельянович Романюк, сын бедного крестьянина на Западной Украине, с раннего детства имел призвание к священству (его детскими играми было церковное Богослужение). В 1944 году, юношей 19-ти лет, он был безвинно (впоследствии реабилитирован) осужден на 10 лет лагерей и ссылку. Выслана была и вся семья Романюк. Отец умер в Сибири. Младший брат, 14-летний мальчик, при выселении семьи убежал, но не нашел убежища в родном селе и был застрелен в лесу.

После реабилитации в 1959 году В. Е. Романюк прошел краткосрочные епархиальные курсы и принял священный сан диакона. Но служить ему местный Уполномоченный не разрешил, и в продолжение 5 лет диакон работал киномехаником. По смерти Уполномоченного диакон Романюк принял сан священника. Служил весьма ревностно. За 8 лет ему пришлось сменить 6 приходов — и везде он привлекал народ к посещению церковного Богослужения, к ремонту и украшению храмов, боролся с коррупцией в церковных советах.

Предпоследнее место служения о. Василия — село Космач, где он столкнулся с особенно трудными явлениями антирелигиозного фанатизма. Вдохновитель многообразных преследований священника директор местной школы входил в храм, не снимая шапки. (В настоящее время этот главный свидетель обвинения сам арестован по обвинению в растрате). Были пьяные угрозы убить о. Василия — с характерным упованием, что «за священ-

ника — пару лет, больше не дадут». Был случай ночного нападения на священника — на следствии это изображено как нападение самого священника на местного пьяницу.

Свящ. Василий Романюк

Насколько я могу судить, священник о. Василий Романюк — человек широких культурных интересов. В селе Космач его посещали приезжие представители украинской и русской интеллигенции, в частности, историк Валентин Мороз. Когда Мороз был осужден, о. Василий подписал ходатайство в его защиту.

В начале 1972 года о. Василий был арестован и в июле осужден по ст. 62 УК УССР на 2 года тюрьмы плюс 5 лет лагеря особо строгого режима плюс 3 года ссылки. Жена священника на процесс не была допущена. Ей разрешили присутствовать только на оглашении приговора. Копию приговора она получила,

* А. Д. Сахаров.

но какие-то знакомые документ похитили. Как писал о. Василий в обращении к Патриарху, он был признан «особо опасным рецидивистом», потому что реабилитация по первому безвинному осуждению почему-то не коснулась второго, внутрилагерного осуждения в 1946 году за якобы антисоветскую агитацию на основании вынужденных показаний других заключенных. О. Василий писал Патриарху, что по всем трем процессам он осужден безвинно; что он подал уже в разные инстанции более 400 (четырёхсот) жалоб, но все они были безрезультатны.

9 декабря о. Василию исполнится 50 лет. Он уже отбыл 2 года тюрьмы и второй год содержится в лагере особо строгого режима на вредной работе (стеклянная пыль, оседающая на легких). С августа текущего года он объявил голодовку, снова прося о пересмотре дела, о возвращении ему отобранного молитвенника и о разрешении иметь Библию. 4 ноября Прокуратура СССР известила жену, что судебное решение проверено в порядке надзора и что заключенный принимает пищу. Голодовка продолжалась около трех месяцев. Молитвенника и Библии заключенный священник не получил. Его почтовый адрес: 431120, ст. Путьма Мордовской АССР, Сосновка, Учреждение ЖХ-385/1-6.

Знакомство с семьей о. Василия я вспоминаю с чувствами восхищения и глубокой печали. Его жена Мария Марковна Антонок тоже с ранней юности отбыла 10 лет заключения и вышла замуж за будущего священника, когда они отбывали ссылку. Она работает санитаркой в больнице, получает 60 рублей в месяц. Сыночек Тарас 16-ти лет прекрасно воспитан, учится в X классе. Адрес семьи: 285250, г. Косов Ивано-Франковской области УССР, переулочек Кобылянской, 3. Размеры одежды: жена — № 46, рост 4, обувь № 37; сын — № 46, рост 6, обувь № 42.

Таковы сведения, которые я получил о горестной судьбе священника о. Василия Романюк и его семьи. Прошу Вашего разрешения считать это мое письмо к Вам открытым.

С величайшим уважением

Священник Сергей Желудков

2 декабря 1975 года.

Свящ. Василий РОМАНЮК

ОБРАЩЕНИЕ

Всемирный Совет Церквей
г. Женева

от репрессированного священника
Православной Церкви на Украине
о. Романюка Василия Емельяновича.

Возлюбленные отцы и братья в Женеве,

Считаю своим долгом христианина и верующего человека, обратить ваше внимание на попрание элементарных прав человека в СССР. Вот я уже четвертый год сижу безвинно в тюрьме и никакой справедливости добиться не могу. Я работал священником в известном украинском селе на Гуцульщине — Космач, и только за то, что выступил на защиту безвинно репрессированного украинского историка В. Мороза, на меня работники КГБ сфабриковали так называемое «уголовное дело» и на закрытом судебном процессе засудили на 10 лет лишения свободы.

Подобное беззаконие совершается надо мной не впервые. В 1944 году меня, сына крестьян-бедняков, безвинно арестовали в военкомате только за то, что местные коммунисты охарактеризовали меня как «националиста-церковника». Меня засудили на 10 лет, а моих родителей сослали в Сибирь, где от непосильного труда и голода умер мой отец, а малолетнего брата Танасия Романюка убили сталинские каратели только за то, что он убежал из дому, когда вывозили родных. В те времена существовал такой порядок, что если кто-либо из семьи был осужден, то остальные родственники тоже подвергались репрессиям. Сейчас при Брежневке эта традиция опять возобновилась с той лишь разницей, что родных не ссылают в Сибирь, а репрессируют на месте, то есть изгоняют со службы в учреждениях, из институтов и квартир. И делают другие всевозможные неприятности. Только на Украине в 1972 году было репрессировано более 800 человек, некоторые из них были осуждены на большие сроки и водворены в концлагеря Мордовии и Урала, остальные изгнаны из учебных заведений и с разных работ, лишены квартир и т. д. Ужасно и то, что

среди этих репрессированных значительное число женщин, среди которых есть осужденные на большие сроки. Назову имена только тех, с которыми я был лично знаком, это поэтессы Ирина Стасив-Калынец и Ирина Сеник, врач-биолог Нина Караванская, художница Стефа Шабатура, педагог-филолог Надежда Светличная, Оксана Попович и другие. Эти женщины в знак протеста против произвола и беззакония, совершенного над ними, в Международный год женщины отказались выходить на работу — и вот за это их, уже около полугода, держат в карцерах и одиночных камерах, причем почти все они в плохом состоянии здоровья. Спрашивается, страна, которая постоянно вопит о мире и сотрудничестве между народами, проливает крокодильи слезы о «зверствах чилийской хунты», сама попирает элементарные права человека, даже не брезгает издеваться над женщинами и то больными. Кроме того, людей за их убеждения бросают в психиатрические больницы для принудительного «лечения». Туда были водворены некоторые мне знакомые — совсем здоровые люди: врач украинец Николай Плахотнюк, Зиновий Красивский, Иосиф Тереля, Юрий Белов, Лупынос и др.

Прошу Всемирный Совет Церквей содать комиссию по расследованию фактов, имеющих место, попрания элементарных прав человека в СССР. Требуются срочные меры для спасения жизни водворенных в концлагеря и психиатрические больницы безвинно репрессированных инакомыслящих. Прошу, чтобы к нам были допущены представители ВСЦ или иностранные корреспонденты и чтобы они воочию убедились, какие зверства совершает над нами советская хунта. Я написал около 400 жалоб и заявлений по поводу произвола и беззакония, совершенных надо мной Ивано-Франковским областным судом, но мне отовсюду отвечают стереотипом: «Вы осуждены правильно». Я добиваюсь уже около трех лет и пишу в разные инстанции, чтобы мне разрешили получить Библию из дома, но мне категорически отказано. — «Религия — буржуазная идеология, — отвечают мне лагерные чиновники, — и мы не разрешим, чтобы вы здесь занимались религиозной пропагандой». Вот так выглядит в СССР свобода совести.

Из газет я узнал, что некоторые религиозные деятели на Западе дерзнули получить так называемую «Ленинскую премию за укрепление мира между народами». Я не сомневаюсь в искренности намерений этих уважаемых людей, но твердо убежден, что они не знают объекта, с которым имеют дело, а поэтому, чтобы они в этом убедились, я обращаюсь через Секретариат ВСЦ к

этим «патриотам», как католическим, так и протестантским: помогите нам здесь репрессированным инакомыслящим, особенно тем, кто водворен на долгие годы в советские концлагеря и, в первую очередь, женщинам! Помогите, чтобы нам была возможность

Свящ. В. Романюк совершает обряд
бракосочетания

покинуть эту страшную страну, где только за одни убеждения дают человеку 10-15 лет! Коли советское правительство послушает вас и прекратит гонения и преследования инакомыслящих, то тогда вы имеете моральное право носить звание этих лауреатов, в противном же случае вы должны от этих премий отказаться, чтобы не быть участниками преступлений, которые совершило и совершает это правительство! Чтобы это мое обращение задело сердца и умы всех христиан и людей доброй воли, то я кроме подписи объявляю с первого августа 1975 года голодовку в знак

протеста против жестокого подавления элементарных прав человека в СССР и требую немедленной реабилитации всех безвинно репрессированных.

Священник Василий Романюк

P.S. Если ничего уже не сможете сделать, чтобы облегчить нашу судьбу, то прошу: помогите получить Библию, а голодовку буду продолжать до тех пор, пока Библию не получу на руки, и прошу вас, возлюбленные отцы и братья во Христе, помогите мне в этом — искренне

священник В. Романюк

Лето 1975 г.

Учр. ЖХ 385/1, ст. Сосновка МордАССР

**ВСЕМ ДОБРЫМ ЛЮДЯМ ВО ВСЕХ СТРАНАХ, ВСЕМ ВЕРУЮЩИМ
УКРАИНЦАМ, ПРОЖИВАЮЩИМ В СССР И ЗА РУБЕЖОМ
ПОМОГИТЕ СОХРАНИТЬ ЖИЗНЬ ВАСИЛИЮ РОМАНЮКУ!**

Василий Романюк, священник из украинского села Космач, с 1972 года томится в самом страшном из советских политических лагерей — Мордовском лагере № 1 (особого режима). Он осужден на 10 лет заключения практически за то, что осмелился поставить подпись под письмом в защиту вторично арестованного тогда украинского историка Валентина Мороза.

С 1-го АВГУСТА ВАСИЛИЙ РОМАНЮК ДЕРЖИТ ГОЛОДОВКУ, НАСТАИВАЯ НА СВОЕМ ПРАВЕ ИМЕТЬ ПРИ СЕБЕ И ЧИТАТЬ БИБЛИЮ.*)

Это не запрещено ни советскими законами, ни инструкциями, по которым строится распорядок лагерной жизни. Но нет и прямого разрешения, и лагерное начальство само решило не давать верующему человеку Священное Писание.

Год назад, во время героической пятимесячной голодовки Валентина Мороза его судьба вызвала горячее участие многих и многих людей во всем мире, но особенно у его соотечественников в США и Канаде. Нам известно о демонстрациях в защиту Мороза и голодовках солидарности с ним, о запросах советским государственным и общественным деятелям, о многочислен-

*) В своем обращении к "Слушанию Сахарова" в Копенгагене А. Сахаров уделил особое внимание судьбе свящ. Романюка.

ных письмах, телеграммах, телефонных звонках во все инстанции от начальника тюрьмы до Президиума Верховного Совета СССР. Это и спасло Мороза: врачебная помощь на всем протяжении голодовки, диетическое питание при выходе из нее, избавление от одиночного заключения — все это было только благодаря неослабному вниманию широкой мировой общественности.

О состоянии здоровья Романюка ничего не известно, но он находится в лагере, т. е. даже не помещен в больницу. Только широкая и оперативная поддержка может изменить это.

**ПОМОГИТЕ! ПУСТЬ РОМАНЮК ОСТАНЕТСЯ ЖИТЬ И
ПУСТЬ ДАДУТ ЕМУ БИБЛИЮ!**

Л. Богораз

Л. Алексеева

Ю. Орлов *

Ноябрь 1975 г.

Адрес Романюка и начальника лагеря: Мордовская АССР,
п/о Сосновка, учреждение ЖХ 385/1
или: Москва, п/я 5110/1, ЖХ 385/1

*) Лариса Богораз, Людмила Алексеева, бывш. редактор и поэтесса, Юрий Орлов, член-корр. АН АрмССР и физик.

ОБРАЩЕНИЕ-ПРОПОВЕДЬ

Если б был я поэт, я наверно это обращение начал словами:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине.
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне.

Но поскольку я христианин, при том священник, я могу сказать:

— Снова испытание, снова крест, но никакой не завистливый рок, не беда, а иго Христово, которое легко и благо...

Но, однако, я человек трезвый, не мечтатель, а всё взвешивающий, то вот что:

— Снова слезы моей жены; ее бессонные ночи, ужас в глазах, ведь она женщина и всё острее воспринимает; снова испуг моей несовершеннолетней дочери Наташеньки, ее жаркие молитвы на постельке, когда она, стоя на коленочках, уткнувшись головкой в постельку так и засыпает; снова сосредоточенный вид моего несовершеннолетнего сына Мишеньки, его безмолвное мужество, ходит угрюмый и задумчивый, ведь и он где-то трезвый, как я: значит снова гонение в школе, снова будут придирааться и к нему больше, чем до этого, и как жена говорит: закрыта дорога в институт (ему об этом уже вслух высказала учительница); снова, как перепуганные злыми волками овцы, будут метаться верующие по всем учреждениям, а их то ласково, то сердито будут выпроваживать оттуда ни с чем; снова их бессонные ночи, как и моей жены, ведь в большинстве они женщины, женщины в России всегда мирносицы, спасающие положение, снова их крик, что делать? куда обратиться? как прошибить немую каменнотвердую стену? снова беспомощное разведение руками церковных властей; снова безмолвный вопрос моих духовных детей, как же теперь ты будешь нас окормлять? — и некоторые будут снова то уходить, то приходиться ко мне, ведь может быть не все так открыто и прямо с ними поговорят, со мной они уже нашли общий язык; снова малое стадо (а может быть и не такое уже малое, ведь, как я заметил, гонение на меня — новый приток ко мне), которое готово на всё; куда угодно:

вызов в прокуратуру — со мной!
вызов в КГБ — со мной!
в любое учреждение — со мной! —

стоят и ждут результатов, готовые ринуться в любой бой! — однако... еще однако — что произошло?

21 декабря этого 1975 года, накануне Рождества Христова, величайшего праздника, когда родился Спаситель мира, когда исстрадавшееся человечество обрадовалось своему спасению, когда запели Ангелы: «Слава в вышних Богу и на земле мир», когда все люди встречают новый год и желают друг другу счастья, чтоб было забыто старое горе.

Мне, староста нашего храма Харитонов Е. И. сердитым и ледяным голосом сказала:

— О. Димитрий, я вас не допущу к службе...

— В чем дело? — спрашиваю я.

— Я с вами расторгла договор!

Обратите внимание. Староста — в лучшем случае рядовой верующий, в худшем атеист, кому безразлично всё в церкви, лишь бы поживиться у церковной кассы, говорит:

— Не допущу к службе...

— Расторгла договор!

Запретить в служении может епископ и то не по произволу, а за какое-то каноническое или уставное нарушение...

Расторгнуть договор, как будто я на бирже труда, а не служу Богу...

Нормально ли это? — спрашиваю я у тех, кто будет читать эти строки? Но пойдем дальше, продолжается разговор:

— Я с вами мучалась 10 месяцев (5 вычеркивается, которые я после катастрофы лежал в постели).

— Меня всюду таскали за вас.

— Вы говорите антисоветские проповеди! (Спрашивается, какие функции выполняет староста, не государственного ли обвинителя?!).

— Конкретнее, — говорю я.

Молчит, я подсказываю:

— Что против пьянства и хулиганства выступаю, в этом выражается антисоветчина? (Как-то она об этом мне говорила, что ей там говорили: что это он всё против пьянства и хулиганства? — Так вы что, за пьянство и хулиганство? — так скажите им. — Пусть читают хотя бы газеты, у нас ведь развернулась кампания против этих пороков).

Сейчас она машет рукой и хочет выдвинуть новое обвинение:

— Да нет... — и что-то лепечет про космос, про какую-то зарплату, детей, гонение на верующих студентов; я ничего не понимаю, да и она сама чувствует, что говорит что-то несвязное, и она, чтоб стало как-то убедительно, сует мне акт (вероятно расторжения договора, я его как следует не прочел, но уловил слова «нарушение канонического устава» (обратите внимание на сочетание слов), разведение демократии... (думаю, никто наверно из знающих не помогал составлять, иначе этих ляпсусов не было бы) и тут же спрашивает:

— Подпишете ли?

Я говорю: дайте мне копию... — и добавляю:

— Конечно не подпишу, — она вырывает акт из моих рук:

— Ну вот, больше ничего не получите, а до службы не допущу...

— Как же, так же не делается, меня никуда не вызывали еще, подождите. Должен вызвать митрополит, вероятно уполномоченный по церковным делам от государства, потом...

— Не допущу! — кричит она. — Надо подчиняться Советской власти!

— Простите, пожалуйста, — пытаюсь я ее убеждать. — В Церкви чья власть: Божья или советская?

— Божья, — цедит она.

— Так в чем же дело? Вы хотите, чтоб мы проповеди читали из блокнота антирелигиозного агитатора и пропагандиста?

— Нечего тут разговаривать. Я уже разговаривала со всеми... Мне приказали!

— Хорошо. Тогда дайте мне на руки документ, по какой причине вы расторгли со мной договор, по чьему приказанию?

— Ничего не получите!

— Хорошо. Тогда сделаем так. Я приду на службу, придет народ, вы меня остановите и скажете это перед народом, чтоб были свидетели, ведь мы же живем не в лесу, а в правовом государстве... Нельзя же делать тайком.

— Не будет! — отрезает она.

Приходит черед моего служения, приехали со мной из Москвы обеспокоенные мои духовные дети. Мы еще не успели встать с постели, чтоб идти на службу, заявляется староста:

— Вот что. Собирайтесь, пойдем вместе со мной в райисполком. (Она уже туда ездила посоветоваться. Не к епископу, а в райисполком, как будто Церковь гражданское учреждение?)

Свящ. Димитрий Дудко у церкви в Кabanово

А там где-то говорят: мы не вмешиваемся во внутренние дела церкви... Это еще станет яснее потом).

— В райисполком мне нечего ехать. Она испуганно смотрит на меня.

— Как? В райисполком не поедешь? — для нее это непонятно, она ведь туда бегаёт, только голос подадут оттуда, а тут заявляет, что не поедет, она этого не может понять. (Простим ей, она ведь о вере ничего не знает, для нее бог — райисполком).

Я продолжаю:

— Если я им нужен, пусть высылают повестку, с указанием по какому поводу. По слову идут к друзьям, знакомым, а в учреждение только по законно оформленному вызову.

— Не поедете? — еще спрашивает она. Смотрите, сделаете себе хуже...

Она уходит, находящиеся у меня шутят:

— Ведут на расстрел, иди, не рыпайся. Еще будет хуже.

А там уже у храма столпились верующие.

— Как ты смела? Почему мы ничего не знаем?

— Почему не собирали двадцатку? Я ведь из двадцатки, — кто-то заявляет.

— У нас в церкви наступил мир. До этого священники были пьяницы...

— Не дадим творить беззаконие...

Староста испугалась, бледнеет, ведь наверно думает: могут и избить, страшно, — и говорит им прерывающимся голосом:

— Мне приказали, я не при чем...

И тут же уезжает, как выяснилось потом, в райисполком, привозит мне повестку, служба еще не кончилась, служит настоятель, я стою в алтаре и молюсь.

— Служба кончится, выйду...

Она передает через настоятеля повестку.

Да, повестка настоящая, напечатанная типографским способом:

Явиться 23 декабря к 10 часам утра, по такому-то адресу, такой-то кабинет, указана фамилия к кому и даже по какому поводу. По делу службы...

(Какая же служба? Райисполком будет разговаривать по делу службы, как лучше служить Богу? — что ли? Соблюдать устав?).

Наконец проговорились сами. Хотят разъяснить, как служить Богу, атеисты учат, как служить Богу. А еще делают вид, что они не вмешиваются во внутренние дела Церкви.

Мне это и без повестки было ясно, но повестка, как говорят, документ.

Кончается служба, прикладываясь может быть в последний раз к престолу в храме великомученика Никиты и великомученицы Параскевы. (Это два храма соединены в один, другой закрыли, а сюда перенесли чтимую икону).

А в мыслях встает картина.

Полуразрушенная наша избушка, обвалилась штукатурка, где доживала свой век моя многострадальная мама (сейчас она у сестры). Я вхожу, в избе нежилой дух, сыро, многое вынесено, но осталась еще икона великомученицы Параскевы, святая держит крест в руках...

— Верую! — написано крупными буквами.

Меня это потрясло.

— Верую! — каждый раз повторяю я себе, когда на меня обрушивается новое гонение.

Я подхожу к старосте и заявляю:

— В райисполком мне ходить незачем. С 21 декабря вы со мной расторгли договор. Я не служу здесь. О какой службе может быть разговор?

— Но как так? А зачем я вчера два раза бегала и сегодня два раза?

— Ну чтоб дать документ мне в руки, — слегка подшучиваю я.

Бедная, она ничего не понимает, что находится на побегушках у безбожников!

Я, чтоб успокоить ее, говорю, что на повестку я отвечу в письменном виде. К вам же я не имею никаких претензий (она, вероятно, думала, что я с ней буду ругаться).

Она успокаивается и говорит тихо:

— Ну хорошо, ну ладно...

Мы расстаемся.

Начинается беспокойство верующих.

Они тоже идут в райисполком и, как передавали мне, с ними там говорили ласково да вежливо... Не то, что эта наша баба староста.

— Бабоньки, ничего уже нельзя сделать. Мы в самом деле за ним следили, так приказала Москва. По приказанию Москвы мы его и сняли.

Сказано прямо, ясно, точно!

Без кривотолков, без лишней дипломатии. Это в Москве тогда, когда гнали, всё было завуалировано, делали вид, что не

вмешиваются во внутренние дела церкви, а здесь народ проще и открытее. Ясно, откуда ветер, откуда это дует, кто делает...

Снова гонение!

Еще не замолкли отголоски первого, еще как следует не засохла кровь на переломанных ногах в автомобильной катастрофе, а уже снова вышли с дреколями.

Чего вы хотите? Избить, заставить замолчать или назвать черное белым? Помоги Бог. Я пошел за Христом, который сказал:

— Кто не берет крест свой и не следует за Мной, тот недостойн Меня...

— Не можете служить двум господам...

Я хочу служить Одному Богу!

Я не выступаю против Советской власти, как пытаются мне внушить чекисты, я только отчетливо увидел, в какой тупик зашел мир без Христа.

Я вижу, как с детских лет, вырывая у наших детей Бога, их толкают на преступный путь. Я вижу, как развалилась наша семья, как подорвана нравственность. Как пьянство, хулиганство и прочий букет пороков изукрасил физиономию наших людей...

И вы прикажете молчать?

Затвориться в келью, заткнуть уши, закрыть глаза и ничего не слышать и не видеть? — а там люди умирают от духовного голода!

Проповеди ни для кого, сухие, холодные, безжизненные, они если кого и обличают и должны тревожить, то только проповедников.

Надо бить тревогу! Одна писанина в газетах не спасает, а может быть вызывает ухмылку у преступников и увеличивает ряды злорадствующих русскому бедствию. Проповедь живая, будоражащая, не дающая покоя только обличает и тревожит. Проповедник не критикует, как в газетах, а болеет. Болеет за народ. Проповеди — не политика, не агитация против! — пора понять. Проповеди — призыв к исправлению.

Скажите, кто, слушая мои проповеди, стал антисоветчиком, как вы выражаетесь, меж тем, как я сам знаю факты, когда люди становились лучше, переставали злобствовать, задумывались над жизнью...

Кому от этого плохо?

Кому плохо, что рядом идущий с тобой человек будет любящим?

— Вы пьяниц священников не убираете, — заявили верующие в райисполкоме, а его убрали...

— Вот пил бы он, его никто бы и не трогал, — заявили им, по секрету или откровенно цинично — я этого еще как следует не выяснил.

Неужели непонятно, что такие блюстители закона гораздо больше приносят вред власти, чем я проповедями, я ведь «врежу» только, если у власти атеисты, но ведь это идеологическая борьба, пусть идеологически и борются со мной, к чему гонения? Гонения ведь имеют обратную сторону.

Чего вы добиваетесь? Прекратить проповеди? — этого уже сделать нельзя!

Каждое гонение на меня — проповедь!

Угрюмый вид моего сына — проповедь! — не просто по эмоциям, он сознательно заявляет мне:

— Папа, я буду священником!

Беспокойство верующих — проповедь!

Тревога моих духовных детей, их сплоченность — проповедь!

Поса́дите! — еще сильнейшая проповедь!

Убьёте! — последняя и самая убедительная проповедь!

Проповедь о Христе прекратить нельзя! — это проповедь любви, понимания, проповедь жизни. Ведь что такое жизнь? — атеизм не дает на это ответа, а жить каждому хочется. Смерть страшна для всех, как бы ни отмахиваться. Что делать, чтоб достигнуть жизни вечной? — такой вопрос задают Христу, а не кому-либо другому (кстати на эту тему и была моя последняя проповедь в храме великомученика Никиты с. Кабаново, Орехово-зубовского района, Московской области). Поэтому, как начал стихами, так и закончу стихами нашего отечественного поэта и богослова А. С. Хомякова:

Всё ложь, что вне Его Завета,

И всё то правда, что Христос.

Правда сильнее лжи, правды не победить!

— Дана Мне всякая власть на небе и на земле, — говорит Христос. — Вот Я с вами до скончания века.

Христос распоряжается судьбами, поэтому смело и безбоязненно я вручаю свою судьбу в Его руки.

Господи, да будет воля Твоя!

Слава Тебе за всё!

Господи, иду за Тобой, не отвергни меня, не обидься, когда я вдруг нечаянно начну стонать, неся свой крест, ведь я слабый человек, Ты единственный всесильный. Я иду за Тобой и никуда не хочу свернуть!

Я хочу, чтоб за Тобой шли и другие!

Ты — наш путь, Истина и Жизнь.

Аминь

Священник Димитрий Дудко

24 декабря 1975 года.

Игорь ШАФАРЕВИЧ

ОДИН ПРИМЕР

На недавней сессии Всемирного Совета Церквей в Найроби, как я слышал, некоторое время было уделено обсуждению положения Русской Православной Церкви и дискуссия эта вызвала большое возбуждение. Различные недоумения и недоразумения здесь легко понять: действительно, многое из того, что определяет у нас жизнь Церкви, просто невозможно объяснить человеку, не жившему нашей жизнью. Но бывает, что один конкретный пример, одна человеческая судьба может сделать понятным то, что кажется непостижимым в общем явлении. Если есть такой пример, — то это судьба священника Димитрия Дудко.

Имя о. Димитрия стало особенно широко известно в Москве года 2 назад, когда на его проповеди и беседы стало стекаться все больше народа, так что под конец желающих уже не мог вместить храм. На Пасху церковные власти отстранили о. Димитрия от служения и одно время казалось, что он больше никогда не сможет быть священником. Но к тому времени он уже стал очень широко известен — и не только в нашей стране, но так же за ее пределами. Самые разные люди выступили в его защиту. То, что казалось неминуемым, — не совершилось. Отцу Димитрию был предоставлен другой приход, правда, уже не в Москве, а в деревне, в 3-х часах езды от Москвы.

Здесь повторилось то же, что в Москве: число посетителей храма увеличилось в несколько раз, во время богослужения он бывал переполнен, стали приходить люди из соседних городов и приезжать из Москвы, в храме появилась молодежь. Нельзя сказать, чтобы жизнь о. Димитрия в это время была легкой: он подвергся обыску, допросу в КГБ, угрозам и наконец стал жертвой тяжелой автомобильной катастрофы, в которой ему были переломаны обе ноги и он чудом остался жив. Но достаточно было раз встретиться с ним, чтобы увидеть, что все эти беды полностью перевешиваются для него счастьем, которое ему приносило священническое служение. В то же время записи его проповедей и бесед, произнесенных в Москве, расходились все шире, переписывались от руки и перепечатывались на машинке, они были изданы во Франции и имели исключительный успех, сейчас переводятся на европейские языки.

И вот опять на великий христианский праздник — только на этот раз не на Пасху, а на Рождество — староста церкви

сообщает о. Димитрию, что больше не допустит его к служению в храме. Возмущенным верующим она отвечает: я не виновата, мне приказали. Верующие бросаются к местным властям, им говорят — это не мы, нам приказали из Москвы.

Нормальной человеческой логике этого не вместить: как староста, лицо, избранное верующими для выполнения определенных хозяйственных функций, может идти против их общей воли? Почему они тут же не переизберут старосту? Но есть другая логика, с точки зрения которой это вполне закономерно. Инструкция, регулирующая отношения Церкви и государства, дает органам власти право вето относительно избранных общиной членов ее администрации (церковные власти таким правом не обладают — поясняет инструкция). Верующие имеют право собираться для обсуждения своих дел только с разрешения властей и только представив предварительно повестку своего собрания. Так что если властям нежелательно например переизбрание старосты, то оно никогда и не произойдет. Именно таким образом эта инструкция толкует положение конституции об отделении Церкви от государства.

Разрыв священника с его паствой можно сравнить с уходом врача от его больных или учителя от учеников. Но все эти сравнения очень не полны. Вероятно ближе — это разрыв матери с детьми. Нет никого, кто открыто взял бы на себя ответственность за тяжелую рану, нанесенную душам многих людей. Всё делают какие-то безликие «они» — как духи по верованиям первобытных народов: мне приказали, мне сказали... И нет никаких гарантий, что это конец, а не всего лишь начало тех испытаний, которые ожидают отца Димитрия.

Мы можем ему помочь, и я думаю, что всякий честный человек, а тем более христианин, не найдет себе оправдания, если в меру своих сил не попытается этого сделать. Сейчас мир пронизан связями, которые уже невозможно игнорировать. Полтора года назад дружеские голоса, раздавшиеся из всех концов мира, смягчили участь отца Димитрия, защитили его от худших бед. Мы можем защитить его и сейчас — если не выберем пути молчания и равнодушия.

Христианин-же может сверх того — молиться за отца Димитрия, за его паству и за страдающую Православную Церковь.

И. Р. Шафаревич.

Москва, 25 декабря 1975 г.

В РУССКИЙ ОТДЕЛ РАДИОСТАНЦИИ БИ-БИ-СИ

Дорогой о. Владимир!

Уважаемые члены редакции!

Весь мир облетела весть о том, что известный проповедник, московский священник Дмитрий Дудко, накануне празднования Православной церковью Рождества Христова был уволен с прихода.

И все же у верующих была слабая надежда, что о. Дмитрий будет переведен в другой приход.

Но вот теперь, несколько дней спустя, о. Дмитрий получил указ правящего архиерея — митрополита Крутицкого Серафима:

«Определением м о и м от 23 Декабря 1975 г., в связи с расторжением с Вами договора Исполнительным органом Никитской церкви с. Кабанова, Орехово-Зуевского р-на Московской области, Вы освобождаетесь от прихода и переводитесь в заштат.»

Это означает, что о. Дмитрий другого прихода, повидимому, долго не получит, а те, кто его снял, надеются, что он не получит прихода никогда.

История предыдущего снятия о. Дмитрия с Никольского прихода г. Москвы широко известна.

Те, кто лишил о. Дмитрия службы в московском храме и перевел его в дальний приход, считали, что о. Дмитрий будет тем самым оторван от своей московской паствы, а его проповеди не будут услышаны верующими.

Но те, кто на это рассчитывал — просчитались.

Бывшие прихожане, духовные дети о. Дмитрия, молодежь во множестве съезжались в дальний приход к о. Димитрию, а прихожане его нового храма полюбили о. Дмитрия, и проповедь его по-прежнему проникала в сердца людей.

В нашей стране до сих пор религиозная жизнь регламентируется со стороны государства законодательством о религиозных культах от 1929 г. (которое имеет явно дискриминационный характер), рассчитанным лишь на временное подспудное существование религии, на то, чтобы ее огонь лишь слегка теплился.

Но если религия где-либо засияет ярким пламенем, ее стараются немедленно заглушить любыми способами, даже если она прорывается сквозь оковы законодательства о религиозных куль-

тах 1929 г., не нарушая эти оковы. (Проповеди в храме во время богослужения этим законодательством не запрещены).

Не имелось в проповедях о. Дмитрия и политически-нелояльного содержания.

Проповеди о. Дмитрия записывались как его ревностными слушателями, так и теми, кто за ним наблюдал, и если бы была хоть какая-то возможность обвинить о. Дмитрия в политически-враждебных выступлениях, это было бы непременно давно сделано.

Живое церковное свободное слово о. Дмитрия проникало в сердца слушателей, возгревало их веру, захватывало ищущих, сомневающих, неверующих.

О. Дмитрий привлекал к себе молодежь — в этом оказалось его главное преступление.

И вот, не имея основания и возможности пресечь пастырскую деятельность о. Дмитрия на основании закона, безбожники-атеисты расправляются с о. Дмитрием руками церковной старосты и руками правящего епископа.

Те, кто изгнал о. Дмитрия с прихода надеются, что теперь, наконец, проповеди о. Дмитрия перестанут звучать, и религиозное влияние о. Дмитрия прекратится, но и здесь их ожидает просчет, как и тщетны их попытки остановить начавшийся процесс религиозного возрождения и возвращения России к Богу.

Уважаемые члены редакции!

Религиозные передачи по радио, и в частности Вашей радиостанции, для многих верующих в нашей стране являются единственным источником важной и объективной информации, сведений о событиях церковной и религиозной жизни в нашей стране и во всем мире.

Ваша радиостанция послужила также и делу распространения Слова Божьего среди тех, кто лишен другими способами его услышать, делу духовного просвещения и возрождения России.

Проповедническая и пастырская деятельность о. Дмитрия наглядно показывает, что и для нашей страны сейчас звучат актуально Евангельские слова: «жатвы много, а делателей мало.»

Ваша радиостанция в своих передачах уже рассказывала об о. Дмитрие и о его беседах с верующими и, наконец, об отстранении его от службы.

Но о. Дмитрий преисполнен решимости продолжать свою церковную проповедь, несмотря на лишение его прихода.

Мы обращаемся к Вам с просьбой: если бы Вы включили регулярную передачу будущих проповедей о. Дмитрия в свою религиозную программу на русском языке (естественно, в случае если они до Вас дойдут), то это было бы не только радостью для о. Дмитрия и его духовных чад, но и послужило бы делу духовного просвещения и обращения неверующих к Богу.

Пользуясь случаем, присоединяемся к просьбе многих верующих об увеличении объема религиозных передач на русском языке.

16 января 1976 г.

Священник Глеб Якунин
Лев Регельсон

P.S. Мы не возражаем против predания гласности этого письма.

P.P.S. Просим Вас, пользуясь случаем, передать сердечный привет Вашему сотруднику Владимиру Тельникову, хорошо известному нам и нашим друзьям.

ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕДСТОЯТЕЛЯМ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ

Ваши Святейшества, Ваши Высокопреосвященства,
Преподобные Отцы!

Мы обращаемся к Вам с нашей бедой, с нашей болью и с надеждой, веря, что только любовь, только соборность христианского мира способны остановить человечество перед лицом безбожия и гибели. Мы не думаем, что судьба одного человека покажется Вам недостойной Вашего внимания и Вашей помощи — помощи со всей стойкостью и бескомпромиссностью в защите Христовой Веры и Христовой Истины.

Имя отца Дмитрия Дудко широко известно в Москве, его знают сегодня и за пределами нашей страны. Его беседы и проповеди, произнесенные им в Николо-Преображенском храме в Москве, его служение в деревне Кабаново (85 км от Москвы) привлекли и еще долго будут привлекать внимание и сердечную любовь тысяч верующих. Его духовная высота, большой душевный опыт, человеческая мудрость и пронизательность, пример всей его жизни — и делают его пастырское слово столь необходимым для верующих самых разных слоев населения возвращающейся сегодня в Церковь России.

Служение о. Дмитрия во всей его цельности и простоте, всё, что он сделал и делает для религиозного возрождения в России при всей невероятной сложности жизни нашей Церкви, — есть свидетельство истинного христианского пути, истинной христианской жизни.

Нет, не будет преувеличением сказать, что в личности и судьбе о. Дмитрия, как в судьбе лучших сыновей нации, воплощается сегодня дух ее возрождения, на которое с таким упованием взирает христианский мир.

Между тем священник Дмитрий Дудко отстранен от служения в храме, а его паства лишена возможности окормливаться у своего пастыря. Староста храма Никиты Мученика в Кабанове, чье поведение служит постоянным и горьким соблазном для верующих, расторгла с о. Дмитрием договор, сославшись на распоряжение исполкома районного совета. Исполком же, в свою очередь, сослался на указание из Москвы, не назвав даже организации, ему это предписавшей, грубейшим образом нарушив за-

кон об отделении Церкви от государства. А митрополит Крутицкий и Коломенский Серафим санкционировал этот произвол и это самоуправство. Отец Дмитрий Дудко, отстраненный два года назад от служения в Николо-Преображенском храме, теперь указом митрополита уволен заштат.

В этой частной истории, как в капле воды, отразилась вся тяжесть положения, в котором находится сегодня многострадальная Русская Православная Церковь. Бездействие или равнодушие многих церковных иерархов к живой жизни Церкви, их пассивность, потворство атеизму ставят нас, нашу Церковь в ситуацию трагическую.

Мы, прихожане и друзья отца Дмитрия, обращаемся к Вам за помощью. Два года назад слова христианского участия из разных стран мира помогли о. Дмитрию, защитили его. Мы надеемся, верим в то, что это возможно и сегодня.

Мы просим Ваших молитв, мы просим Вас проявить твердость, мы просим Вас помочь нам не потерять пастыря.

15 января 1975 г.

Подписи:

Вадим Борисов
Зоя Крахмальникова
Феликс Светов
Игорь Хохлушкин
Игорь Шафаревич
Николай Попович
Григорий Натапов

Владыке СЕРАФИМУ

от прихожан храма Никиты мученика,
деревни Кабаново.

ПРОШЕНИЕ

21/12-75 года прихожане нашего храма узнали о снятии иерея о. Дмитрия после литургии, случайно. Объявлено не было. А во вторник он уже не был допущен до богослужения. В чем же его вина? Люди не знают. Это вызвало среди молящихся возмущение. Нас удивляет то, что этот человек своим смирением и духовностью сумел привлечь к храму большое количество лю-

дей, т. е. он оказался добрым пастырем, который повел свое духовное стадо по правильному пути, но враги на каждом шагу даже в храме.

Теперь мы хотим поставить вопрос о настоятеле нашего храма о. Валентине. Почему никто не задумался до сих пор о том, как поступил в наш храм, сколько уже сменилось священства. Во время его служения у нас он как духовный отец ничего не дал своим прихожанам. Так в чем же дело?

О. Димитрий служил у нас немного, а сумел привлечь верующих и его полюбили. А насчет проповеди. Он говорил их только на тему праздника, какой совпадал в этот день или какое читали Евангелие. Очевидно люди, которые слушали его, не разбираются в духовных делах.

Иоанн Златоуст сказал: «Кто не проповедует Слово Божие в храме, тот недостоин сана священника». Почему его не защитил наш о. настоятель? Немного об о. Валентине. Во-первых, он часто служил богослужения в нетрезвом виде. Во-вторых, были случаи, когда богослужения были сорваны и люди уходили домой, и приходилось от своего храма уезжать в другой приход. Почему же староста Екатерина Ивановна и двадцатка обо всем молчит и не доводит до сведения Вас. Да все люди в двадцатке почти неграмотны. Был случай, что он назвал прихожанку храма непристойным словом. Если будет нужно — она подтвердит.

Во время его настоятельства не было мира в храме, а чтобы у нас были мир и тишина духовная, просим разобраться Вас во всем, что нас тревожит. И просим назначить на место настоятеля о. Валентина нового иерея.

50 подписей.

Мы подписавшиеся прихожане 50 человек сердечно со слезами просим Вас восстановить нам пастыря о. Димитрия Дудко, который своим богослужением принес много благодати в наш храм. Еще раз просим верните нам о. Димитрия и разберитесь с проступками настоятеля нашего храма, который очень легкомысленно относится к тому делу, за которое взялся. С таким пастырем трудно устоять на верном пути. Поэтому просим Вас заменить нам настоятеля.

7 декабря у старосты храма Екатерины был день ангела, накануне после всенощной он у ней был в гостях о. Валентин и так напился спиртного, что в 1 час ночи сторож позвала людей,

чтобы поднять его со снега, а то замерзнет, а в воскресенье служил с трудом и перепутал праздники на предстоящую седмицу. Староста этого не хочет замечать. А о. Димитрий отходит в сторону от их бесчестия, вот поэтому его помогли снять.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Просим Вас восстановить на место священника в храме Никиты мученика в дер. Кабаново священника о. Димитрия Дудко, которого староста не допустила до службы с 22/12-75 г.

Мы как прихожане во всей его работе не находили ничего того, за что можно было его отсторонить от службы. Мы прихожане сильно возмущены этим действием. Из его уст мы слышали только хорошее разъяснение из евангельского чтения, на что настоятель храма не считает нужным тратить время, а нам, как православным христианам, это необходимо. Нужно как хлеб для тела. Поэтому просим Вас восстановить нам о. Димитрия.

Прихожане. 36 подписей.

Документы

Копия

У К А З

Митрополита Крутицкого и Коломенского
Управляющего Московской Епархией

№ 957

23 декабря 1975 г.

СВЯЩЕННИКУ Д У Д К О ДМИТРИЮ СЕРГЕЕВИЧУ

КОПИЯ — О. БЛАГОЧИННОМУ ЦЕРКВЕЙ
ОРЕХОВО-ЗУЕВСКОГО БЛАГОЧИННИЯ
ПРОТОИЕРЕЮ СЕРГИЮ Н Е Ч А Е В У

” — ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ ОРГАНУ НИКИТСКОЙ
ЦЕРКВИ С. КАБАНОВА,
ОРЕХОВО-ЗУЕВСКОГО РАЙОНА
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Определением м о и м от 23 Декабря 1975 года, в связи с расторжением с Вами договора Исполнительным органом Никитской церкви с. Кабанова, Орехово-Зуевского района Московской области, Вы освобождаетесь от прихода и переводитесь в заштат.

† Серафим

М.П. МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ

Адрес: Орехово-Зуевский район, д. Кабаново, церковь.
Тов. Дудко Д. С.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Исполком Орехово-Зуевского райсовета приглашает Вас на 23 декабря 1975 года в 10 час. 00 мин. в помещение Дома Советов 2-й этаж, ком. № 34 к т. Литвак, секретарю исполкома Райсовета, по вопросу службы.

Ваша явка обязательна. В случае отсутствия по уважительной причине сообщите в исполком по адресу: г. Орехово-Зуево, ул. Ленина, Дом Советов, ком. 32.

Заведующая общим отделом исполкома
(подпись неразборчива)

ОТВЕТ:

г. Орехово-Зуево, ул. Ленина, Дом Советов, ком. 32.
Заведующему общим отделом исполкома
(фамилия нераз.)

Я, священник Дм. Дудко, получил повестку через старосту нашего храма Харитонову, что я должен явиться в Райисполком 23 дек. с. г. к 10 часам по вопросу службы.

Сообщаю Вам, что мне староста нашего храма великомученика Никиты с. Кабаново сказала, что по приказанию Райисполкома она расторгает со мной договор с 21 дек. 75 г., поэтому разговора по вопросу службы никакого не может быть, подчеркиваю, поскольку я не служу с 21 декабря, повестку же получил 23 декабря. Я уезжаю по месту жительства.

Священник Дм. Дудко

23 дек. 75 г. Послано в тот же день, с уведомлением.

УВЕДОМЛЕНИЕ О ВРУЧЕНИИ ПОЧТОВОГО ОТПРАВЛЕНИЯ

Куда: г. Москва 125475, ул. Дыбенко, дом 14, корп. 1, кв. 76
Кому: Дудко.

з/п из Кабаново, отправленное 23-12 по адресу г. Орехово-Зуево, ул. Ленина, Дом Советов, ком. 32 на имя Заведующего общим отделом исполкома вручен(о) 24-12 1975 г. Секретарь Фролов.

Реплика: Интересно спросить, о чем бы по поводу службы разговаривали в Райисполкоме. Атеисты, что ли, учили бы, как вести службу? Выходит у нас руководит службой не епископ, а райисполком?

Ай-ай-ай! Какое открытие!

ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ
МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ
П И М Е Н У

Ваше Святейшество.

В то время, когда я служил в Москве и после того, как я стал проводить беседы на евангельско-церковные темы, Вы откомандировали меня в распоряжение митрополита Крутицкого и Коломенского Серафима по непонятным мне причинам, и я, чувствуя здесь недоразумение, спровоцированное кем-то, хотел объяснить Вам суть дела.

Вы не приняли меня.

Должно быть, на это были серьезные причины.

Митрополит, в ведение которого Вы меня направили, воспользовавшись тем, что я не сразу явился к нему, обвинил меня в нарушении церковной дисциплины, в чем я принес покаяние, после чего он меня направил на отдаленный приход Московской области — в село Кабаново Орехово-Зуевского района.

На приходе я делал то, что делал и в Москве, кроме только того, что перестал проводить беседы, считая, что может быть они вызвали недоразумение. Но, как стало известно сейчас, это не недоразумение, а гонение со стороны безбожников на меня за то, что я пытаюсь найти средства, как бы привлечь людей к Церкви, оживить жизнь прихода...

Знаю, что Вы здесь бессильны помочь мне, я этого и не прошу. Мне тяжело быть вдали от престола, это для меня самый тяжкий крест, поэтому прошу поминать в своих молитвах мое имя, когда будете совершать Литургию.

Прошу также Вашего Святительского благословения.

Священник Димитрий Дудко

25 декабря 1975 г.

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ МИТРОПОЛИТУ
С Е Р А Ф И М У

Довожу до Вашего сведения, что 21 декабря 1975 года староста храма, в котором я служил — Е. И. Харитоновна — расторгла со мной договор, по ее словам, по приказанию райисполкома, и не допустила больше меня до службы. На мое заявление, что не допустить меня до службы может только Митрополит, в ведении которого я нахожусь, не обратила никакого внимания. Потом она пыталась меня обвинить, что я выступаю против Советской власти... Видимо, это не только ее обвинения, но она их не смогла выразить, как следует.

Чтоб что-то сказать по поводу этих обвинений, заявляю, что проповеди всегда я говорил на евангельские темы, в которых указывал, что надо жить по-христиански, указывал на те пороки, которые бывают от неверия. Я никогда не забываю евангельских слов, что всякая власть от Бога и что нужно отдавать кесарево кесарю, а Божие Богу.

Также хочу Вам сообщить, что когда верующие пошли в райисполком узнать, в чем дело, им ответили, что так «приказала Москва». Из этого я делаю вывод, что меня преследуют безбожники, применяя административные меры, чего, как они сами говорят, делать не могут.

Знаю, что в подобных случаях Вы меня защитить не можете. Я не делаю из этого личной обиды и не буду делать попытки порывать канонического общения с Вами. О Вас и о Святейшем Патриархе я буду возносить свои молитвы.

Если же сверх моих ожиданий Вы можете предоставить мне приход, учитывая мои переломанные ноги в автомобильной катастрофе, приму с радостью.

Прошу Ваших молитв и благословения.

Священник Димитрий Дудко.

23 декабря 1975 г.

Уполномоченному по делам Церкви при
исполкоме Московского Областного Совета

А. А. Трушину

Хочу довести до Вашего сведения, что со мной, священником храма святого великомученика Никиты с. Кабаново Орехово-Зуевского района, староста этого храма Е. И. Харитоновна расторгла договор по приказанию райисполкома.

Считаю это вмешательством со стороны представителей власти во внутренние дела Церкви, а тем самым и нарушением Закона об отделении Церкви от государства.

Прошу Вас, как уполномоченного по урегулированию подобных недоразумений, обратить на это внимание.

Священник Димитрий ДУДКО

25 декабря 1975 г.

Патриарху Московскому и всея Руси П И М Е Н У
от прихожан храма великомученика Никиты
в селе Кабаново Орехово-Зуевского района
Московской области

П Р О Ш Е Н И Е

Ваше Святейшество! Священник Дмитрий Дудко служит в нашем храме с сентября 1974 года. За это время мы узнали его как добросовестного пастыря, полюбили. Его проповеди, в которых отец Дмитрий призывает людей к вере в Бога, к нравственной жизни, особенно способствовали созданию в нашем храме здоровой духовной атмосферы.

С тем большим огорчением узнали мы недавно, что староста нашего храма Е. И. Харитонов расторгла с ним договор без всякого согласования с церковной двадцаткой. Староста сказала, что сделать это ей приказали в райисполкоме.

Ваше Святейшество. Нам кажется, что факты подобного произвола недопустимы во вверенной Вам Церкви. Просим помочь восстановить справедливость, сохранить в нашем храме священника Дмитрия Дудко.

Подписи
(около 100 подписей)

ПОВЕСТКА

Вручается под расписку

На основании ст. 72 УПК РСФСР
Вы вызываетесь в качестве свидетеля
к 10 час. 6 янв. 1976 г. по адресу
ул. Советская, дом 3 о/милиции
г. Ликино-Дулево к следователю
тов. Головник. При явке обязательно
предъявить настоящую повестку и паспорт.

Следователь следственного отдела

Место для наклейки марки.
(Марки не было).

Куда: д. Емельяново
дом. 21

Кому: Румянцевой *
Наталье Никитичне

Оборот:

В соответствии со ст. 73 Угол. проц. кодекса РСФСР свидетель при неявке без уважительной причины может быть подвергнут приводу.

Прим. Повестка была опущена в ящик. Когда Румянцева направилась в милицию, ее остановили: Не надо, за Вами придут. Так и не приходили. Вероятно, почувствовали, что угрозы не убоится.

* Румянцева Н. Н. — активный член прихода церкви Никиты Мученика, горячо протестовала против увольнения о. Дмитрия Дудко.

Дело свящ. Глеба ЯКУНИНА

Председателю Совета по делам религий
КУРОЕДОВУ В. А.

священника Глеба ЯКУНИНА.
Москва, Дыбенко 30-1-45.

ПРОТЕСТ

С 1970 года я, будучи под запрещением, работал на различных должностях в церкви «Нечаянной радости» в Марьиной роще г. Москвы, в последнее время сторожем.

Следствием ряда церковно-общественных выступлений, которые я предпринял в апреле-мае месяце прошлого года, было то, что новая староста храма Н. Г. Елютина 12 июня по требованию Суходольской Е. Б. (представителя Кировского райисполкома, занимавшейся вопросами церковью Кировского района) объявила, что увольняет меня с работы «по сокращению штатов».

13 июня в письменном заявлении я предупредил, что поскольку увольнение меня необоснованно (никакого реального сокращения штата сторожей и не предвидится), я буду защищаться через суд (на сторожей распространяется Трудовое законодательство). Очевидно, этот аргумент оказался серьезным.

После этого, в начале июля было введено внезапное беспрецедентное «новаторство» для московских храмов — в церкви «Нечаянной радости» установили охранную сигнализацию, а в Алтаре, кроме того, акустические аппараты.

И как следствие спешного введения технической новинки, Елютина Н. Г. объявила о сокращении всех сторожей, в том числе и меня, с 10 июля.

Перевести же меня на любую другую работу Елютина Н. Г. отказалась (к примеру, в Церкви острая нехватка певчих на левом клиросе).

Вскоре после моего увольнения акустические аппараты были сняты, а затем и вся охранная сигнализация, и на работу снова наняты сторожа.

В дальнейшем мне удалось устроиться работать в храме «Троице-Кайнарджи» Балашихинского р-на Московской области чтецом, но проработал я там всего лишь полтора месяца.

25 декабря староста храма Соловьева А. А. заявила, что ее вызвал уполномоченный по Московской области А. А. Трушин и потребовал от нее моего немедленного увольнения.

Примечательно, что А. А. Трушин даже не счел нужным предупредить старосту, чтобы она не ссыалась при увольнении на него и тем более, не передавала подробности их беседы.

Мое вторичное увольнение с работы, произведенное вскоре после подачи делегации Московской Патриархии отчета о поездке и событиях в Найроби, можно расценить лишь как расправу со мной за обращение на V Ассамблею ВСЦ,* причем напрашивается вывод, что мое увольнение эпизод не случайный, а выражает стремление подавить в церкви всякое свободное слово.

В частности, это подтверждается тем, что одновременно со мной по распоряжению «из Москвы» и требованию Орехово-Зуевского райисполкома, старостой храма был расторгнут договор и недопущен до службы известный проповедник священник Димитрий Дудко.

В соответствии с православной традицией и церковных канонов священнослужитель, находящийся под запрещением, должен трудиться при храме.

Я категорически протестую против попытки лишить меня возможности какой-либо работы в Церкви за мою церковно-общественную деятельность.

14 января 1976 г.

Подпись

* Всемирного Совета Церквей.

Дело Марии ВЛАСЮК

В ВЕРХОВНЫЙ СУД УКРАИНСКОЙ ССР
ГОРОДА КИЕВА

От гражданки Власюк Марии Ивановны,
проживающей в селе Илятка, Старосинявского р-на

1975 г.

ЖАЛОБА

Уважаемый Верховный суд, обращаюсь к Вам с большой просьбой и доверием, чтобы Вы рассмотрели моё дело и защитили моё родительское право в воспитании моих детей.

16-го апреля 1975 г. в Старой-Синяве состоялся народный суд, который в заключении вынес решение о лишении меня права на воспитание в отношении моей дочери ВЛАСЮК Светланы Владимировны и передаче её на воспитание органов опеки и попечительства, а 27-го мая сего года состоялся областной суд в г. Хмельницкий, который так же не счёл нужным вникнуть в суть дела, и, бездоказательно, голословно, без каких-либо действительных подтверждающих фактов, с формальной точностью утвердил решение районного суда. (Ведь в моём доме не было ни одного представителя ни из районного, ни из областного суда для выяснения дела).

На основании существующих законов в нашем Советском государстве, а также международных правовых документов, решение суда я признаю незаконным, на что я и жалуюсь в ниже следующем изложении:

На суде мне выставили следующие обвинения:

1. Что я являюсь членом религиозной секты, не зарегистрированной в установленном законом порядке, на почве религиозных убеждений не пускаю свою дочь Светлану в школу по субботним дням, привлекаю её и сына моего Виктора к отправлению молитв и других религиозных обрядов, чем оказываю на детей вредное влияние.

Согласно закону нашей страны, я считаю, что это обвинение несправедливое.

В соответствии с ленинским декретом от 23 января 1918 г. и другими правовыми актами запрещается издавать какие-либо законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести.

В статье 124 Конституции СССР устанавливается за всеми гражданами свобода отправления религиозных культов и антирелигиозной пропаганды.

Статья 143 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик предусматривают уголовное наказание за воспрепятствование совершению религиозных обрядов, если они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательством на права граждан.

Всё это — одно из ярких выражений демократизма Советского законодательства, уважения к правам граждан. В ряде других актов закрепляются условия, исключающие применения принуждения, насилия над совестью человека, его убеждениями, гарантируются права верующих. В УК РСФСР предусмотрена ответственность за нарушение законодательства об отделении церкви от государства. Так ст. 142 устанавливает ответственность за нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви; по ст. 143 наказываются тот, кто допустил воспрепятствование совершению религиозных обрядов.

Некоторые судьи и следователи неясно представляют себе разграничение составов преступления, предусмотренных ст. 142 и 143 УК РСФСР. При решении этого вопроса следует исходить из того, что воспрепятствование совершению религиозных обрядов есть одна из форм нарушения законов об отделении церкви от государства и школы от церкви. Поэтому уголовно наказуемые случаи воспрепятствованию совершению религиозных обрядов следует квалифицировать по ст. 143 УК РСФСР, и все иные формы нарушения законов об отделении церкви от государства и школы от церкви по ст. 142 УК РСФСР.

Ни один верующий не может быть осуждён только за принадлежность к религиозной секте и распространение своих религиозных взглядов, если он не совершает антиобщественных действий, ответственность за которые прямо предусматривается уголовным законом.

Под иными посягательствами на личность или права граждан следует понимать например: заточение верующего в изолированное помещение, принуждение к отказу от участия в общественных мероприятиях и т. д.

Воспитание детей родителями и близкими в семье в религиозном духе не образует состав преступления, поскольку декретом СНК РСФСР от 23 января 1918 г. провозглашено, что «граждане могут обучаться и обучать религии частным образом».

Главным образом с религией как антинаучной идеологией, должна быть активизация работы по воспитанию детей в духе научно-материалистического мировоззрения. В. И. Ленин учил, что «бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно, много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путём пропаганды, путём просвещения» (В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 161).

Между тем воспитательная работа с верующими в некоторых местах подменялась грубым административированием, вызывающим лишь недовольство и озлобление среди верующих, что используется зарубежными реакционными кругами для антисоветской пропаганды, и, в конечном итоге, способствует не борьбе с религиозными предрассудками, а напротив, укреплению религиозного фанатизма.

При изучении и проверке уголовных дел этой категории было отмечено, что по всем делам судьи принимали правильное решение. По отдельным делам всё же были допущены ошибки, явившиеся следствием неправильного понимания закона. Ошибки судей сразу же были исправлены, и осуждённые лица полностью реабилитированы. Однако, чтобы исключить подобные ошибки в будущем, на них следует остановиться подробнее.

Отмечены случаи необоснованного осуждения лица только за то, что оно являлось участником незарегистрированной местными органами власти секты, хотя его действия не содержали состава преступления.

Органы следствия и суда всегда признают религиозную организацию действующей на незаконных основаниях, ссылаясь при этом на ст. 227 УК РСФСР и других союзных республик. Однако в этой статье не говорится о таких организациях. В ней говорится лишь об организации и руководстве группой, которая под видом исполнения религиозных обрядов наносит тот или иной вред, и нельзя на основании этой статьи признавать какую-либо религиозную организацию (секту) незаконно действующей. Нельзя признавать основанием для привлечения лица к уголовной ответственности по данной статье, из-за отсутствия регистра из общины, членом которой это лицо является.

Необходимо имеет в виду, что перед Советским государством все религиозные течения равноправны. Ст. 5 декрета от 23 января 1918 г. устанавливает: «Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается, постольку поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан Советской республики». Неуклонное соблюдение законов о свободе совести и о религиозных культах является одной из важнейших задач суда, прокуратуры и др. органов власти, а также всей общественности» (Советское государство и право. 1965 г. январь).

Постановление государственной комиссии по просвещению

В постановлении же государственной комиссии по просвещению от 18 февраля 1918 г. говорилось:

«Российская Республика предоставляет каждому гражданину полную свободу выбирать любое вероисповедание или вовсе не принадлежать ни к одному из вероисповеданий, в зависимости от его убеждений. Считая религию делом совести каждого отдельного человека, государство в деле религии остаётся нейтральным, т. е. не становится на сторону ни одного вероисповедания... Из этого само собой вытекает, что государство не может брать на себя религиозное воспитание детей» (Коммунистическая партия и Сов. прав. о религии и церкви. Госполитиздат, 1961 г. стр. 44).

Всеобщая декларация прав человека

«Родители имеют право приоритета в выборе образования для своих малолетних детей» (Ст. 26, пункт 3).

Конвенция Организации Объединённых Наций «О борьбе с дискриминацией в области образования»

2 июля 1962 года Верховный Совет СССР ратифицировал (т. е. утвердил как обязательную для исполнения) конвенцию Организации Объединённых Наций «О борьбе с дискриминацией в области образования», в которой, в статье 5, говорится:

1. Государства, являющиеся сторонами настоящей Конвенции, считают, что:

в) родители и, в соответствующих случаях, законные опекуны должны иметь возможность, во-первых, в рамках, опреде-

лённых законодательством каждого государства, свободно посылать своих детей не в государственные, а в другие учебные заведения, отвечающие минимальным требованиям предписанным или утверждённым компетентными органами образования, и, во-вторых, обеспечивать религиозное и моральное воспитание детей в соответствии с их собственными убеждениями, никому в отдельности и ни одной группе лиц, взятой в целом, не следует навязывать религиозное воспитание, не совместимое с их убеждениями.

Нельзя обвинять верующих за религиозное воспитание их детей

«Иногда неправильно понимается пункт декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Это выражается в том, что в отдельных случаях верующим предъявляется обвинение в том, что они воспитывают детей в религиозном духе, в то время как к ответственности верующие привлекаются лишь за руководство женскими и юношескими кружками и школами» (А. Р. Сакне, Свобода совести, 1972 г. стр. 58).

Л. И. Брежнев: «Не могут быть терпимы нарушения прав личности»

«С нарушениями законодательства со стороны административных органов и должностных лиц должно быть покончено как с действиями, не соответствующими социалистическим принципам». Об этом очень хорошо было сказано в Отчётном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева XXIV съезду партии.

«Уважение к праву, к закону — говорил он, — должно быть личным убеждением каждого человека. Это тем более относится к деятельности должностных лиц. Любые попытки отступления от закона или обхода его, чем бы они ни мотивировались, терпимы быть не могут. Не могут быть терпимы и нарушения прав личности, ущемление достоинства граждан. Для нас, коммунистов, сторонников самых гуманных идеалов, это дело принципа» (А. Р. Сакне, Свобода совести, 1972 г. стр. 62-63).

Л. И. Брежнев сказал, что «не могут быть терпимы нарушения прав личности». Эти слова в полной мере относятся и к верующим родителям: не могут быть терпимы посягания на их священное право воспитывать своих детей в религиозном духе.

Строгое соблюдение существующих законов, отказ от любого посягательства на права верующих родителей и детей — это дело чести и принципа всех официальных лиц, тем более в такой деликатной области человеческих отношений, как семья.

2. «Светлана не принимает участие в общественной жизни школы, лишена детской радости, не поёт, не танцует, не носит звёздочки октябрят».

а) Если общественная жизнь школы носит атеистический характер, в таком случае по религиозному убеждению моя дочь не может в таких общественных мероприятиях участвовать.

б) «Не танцует, не носит звёздочки октябрят».

А что, разве у нас есть государственный закон, обязующий всех танцевать, обязательно носить звёздочку октябрят? Конечно нет, и не может быть, так как это добровольные культурные мероприятия. «Где нет закона, нет и преступления». Зачем же тогда говорить об этом и упрекать кого-то в том, что не содержит в себе состава преступления?

в) «Лишена детской радости», т. е. замкнута.

Замкнута перед кем и в чём, и какая причина её замкнутости? В отсутствии у неё детской радости в школе повинны те, которые в школе её всё время терзали из-за религии, надоедали, оскорбляли, угрожали. Как тут ребёнок не замкнётся? Ведь к ребёнку должно быть нежное, чуткое отношение, а не угрозы, запугивания, приказы и неуклюжее «рубни с плеча», после чего она часто возвращалась из школы домой заплаканная и напуганная. А с другими людьми и детьми, также со мной мои дети общительны и не замкнуты, жизнерадостны и счастливы. Вот и получается, что сами же виновны в её замкнутости, а обвиняют меня и религию.

3. «Участие Светланы в религиозной секте отрицательно влияет на её состояние здоровья, и в частности, привело к тому, что она заболела и нуждается в стационарном лечении».

Да, Светлана действительно больная, но с какого времени и по какой причине она заболела? Светлана именно и заболела с того времени, как начала ходить в школу, по причинам изложенным мной выше, во втором пункте, о чём и прилагаю копию справки Старосинявской поликлиники, а ведь в первый класс Светлана пошла совершенно здоровой.

Таковым обвинителям и я хочу задать аналогичный вопрос: а какая причина многих болезней, слабостей и неразвитости многих других детей атеистов, сверстниц моей Светлане? — Значит и их участие в атеистической жизни отрицательно влияет на их здоровье. Какой нелепый вывод! И в этом обвинять меня? Есть ли

какая мать, которая бы не заботилась о здоровье своих любимых детей?

4. «Власюк не создаёт нормальных условий для учёбы дочери Светланы».

«В частности Светлана готовит уроки в кухне, стоя возле высокой тумбочки, что также отрицательно влияет на её успеваемость и состояние здоровья».

Это обвинение голословно, не подтверждено никакими фактами.

Во-первых, кроме кухни в моём доме ещё две комнаты, из которых одна с тремя окнами, большой стол стоит, стулья, диван. Всё, что необходимо Светлане для выполнения домашнего задания есть.

Во-вторых, что Светлана не успевающая, также явная клевета и злонамеренная ложь, для подтверждения прилагаю копии табелей успеваемости за 1973-1974 г. и 1974-1975 г.

5. «...Она продолжает привлекать детей к отправлению религиозных обрядов, отрицательно влияет на их воспитание».

Что касается этого дальнейшего обвинения, то выше я привела достаточно доказательств моего права воспитывать моих детей в религиозном духе, что гарантируется и конституцией нашей страны (ст. 124-я) и всей законностью нашего Советского законодательства, а также межгосударственными документами, таковыми как: Декларация, Конвенция и Пакты.

Это лишь по взгляду злобнонастроенных атеистов я отрицательно влияю на воспитание моих детей, а для меня, искренне верующей и чисто-религиозной матери, это вполне естественное правильное влияние, точно так же, как для атеистов привлекать своих детей к отправлению атеистических обрядов.

6. «Таким образом, Власюк И. И. умышленно использует предоставленные ей законные права родителей во вред детям».

Приходится удивляться такому глупому обвинению. Поставлю аналогичный вопрос: Кто дал законные права курице учить своих цыплят грести на суше, но не плавать?

К этому я хочу привести слова из Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования.

В статье 5-й в подпункте «в» говорится:

«Родители и, в соответствующих случаях, законные опекуны должны иметь возможность.., во-вторых, обеспечивать религиоз-

ное и моральное воспитание детей в соответствии с их собственными убеждениями, никому в отдельности и ни одной группе лиц, взятой в целом, не следует навязывать религиозное воспитание, не совместимое с их убеждениями».

Из слов этого важного международного документа, принятого нашим правительством 2-го июля 1962 года, вы можете ясно видеть, что в воспитании моих детей я использую моё неотъемлемое, законное родительское право.

А вот послушайте пожалуйста выступление прокурора на суде: «Это секта, в которой отдают в жертву, антисоветская, незарегистрированная. И мы вас судим за то, что вы сектантка, принадлежите к секте незарегистрированной, посещаете собрания, учите детей в религиозном духе, нарушаете закон о всеобщем, своей верой калечите ребёнка, заставляете его читать и писать религиозную литературу. Судим и за то, что она не носит звёздочки и что Вы её не кормите свиным мясом. Доселе я такой матери не видел никогда и вы не являетесь матерью и недостойны быть матерью из-за того, что вы сектантка».

1) «Антисоветская». Я признаю Советскую власть в её чистогосударственных проявлениях законов Ленина и его учения о равенстве прав **всех людей** и свободе совести и веры **для всех**, а не только для одних атеистов. Я участвую в выборах власти. Те, кто нарушает Советские законы, и изменяет эти законы, те антисоветские.

2) «Нарушаете закон о всеобщем». Во-первых, закон о всеобщем — это закон об обязательном обучении всех детей. Моя дочь учится в школе, следовательно, закон о всеобщем не нарушает.

И, несмотря на этот ясный, очевидный факт, а именно, что моя дочь учится в Советской школе, и учится на «отлично» и «хорошо», усваивает школьную учебную программу, её фамилия находится в классном журнале, она получает оценки за свои знания, я как мать поддерживаю контакт со школой и т. д. О каком же нарушении закона о всеобщем может идти речь? Это обвинение ложное, надуманное, имеющее целью как-то и чем-то ущемить меня как верующую мать путём уголовного воздействия вплоть до лишения родительских прав.

Если моя верующая дочь все дни учится, а по субботам (лишь в один день!) не ходит в школу, то у неё и у меня на то есть веская причина — культ — наше религиозное убеждение

на основании 4-й заповеди Закона Божьего (Исх. 20:8-11). И школа не может не считаться с нашим религиозным убеждением и не должна посягать на свободу нашей совести и религии, требуя невозможного. Это же наш органический, нетъёмлемый религиозный культ, конституционно охраняемый.

3) «Своей верой калечит ребёнка». Я понимаю, что это не что иное, как пренебрежительно-презрительное, барское отношение к верующему человеку — вот, мол, смотрите, «калеченный», неполноценный, недоразвитый человек — верующий. И сам он «калеченный» и детей своих «калечит». Выходит, по мнению таковых, что верующий и дети его — это калеченные, неполноценные, тёмные, забытые люди, люди низшего, второго сорта в противоположность атеистам — людям «просвещённым», грамотным, полноценным, людям высшего сорта! Ведь это же грубая, оскорбительная дискриминация в отношении верующих — полноправных и равноправных граждан нашего многонационального общества, что не должно быть ни в коем случае терпимо, как действие запрещённое международными законами и Конституцией СССР.

Подобные выступления были и со стороны других представителей, указанных в исковом заявлении. Особенно грубо, дерзко и оскорбительно вёл себя на судебном процессе прокурор, о чём свидетельствовала даже сама судья при разговоре со мною после суда:

«Я не оправдываю прокурора, он грубо вёл себя на суде».

Вот вам и блюститель Советской законности, который должен быть зеркалом всей законности нашей страны. Где же тут могло быть справедливое и объективное решение суда, когда все были исполнены духом вероненавистничества. В. И. Ленин так не учил и партия сегодня так не учит.

Ещё до суда в школу пришёл работник милиции, пригласили детского врача и представитель по делам несовершеннолетних присутствовала. В кабинете директора врач спрашивал Свету, верит ли в Бога и другие подобные вопросы задавали. Хотели сразу же забрать Свету в интернат, но потом врач дал своё заключение, что она больная и её надо направить на стационарное лечение. По направлению врача я так и сделала. Было назначено лечение, после которого Свете стало ещё хуже. На другой день после назначенного лечения приходит тот же врач и спрашивает Свету не о здоровье, а верит ли ещё в Бога, как она докажет,

что есть Бог и др. подобные вопросы. На третий день, на дежурство заступила другой врач и когда она увидела у Светы таблетки, которые она принимала, то ужаснулась и спросила, кто назначил ей такое лечение. Света сказала, что вчерашний врач назначил ей это, тогда она забрала эти таблетки, и назначила другое, а в слух Светы высказалась о неграмотности этого врача. Что это? Неграмотность врача, или умышленное, злонамеренное деяние с той целью, чтобы Света действительно сильно заболела, а потом обвинить меня как верующую мать, что мол, я и моя религия виновны в болезни моей дочери.

Это есть ничто иное, как грубое нарушение государственных законов со стороны тех, которые в подобных случаях унижают верующих детей и запугивают их, наносят им психическую травму, вокруг верующих родителей их детей создают атмосферу нетерпимости, нервозности, административного и даже уголовного преследования (штраф, суды и пр.) вплоть до незаконного лишения верующих родителей родительских прав и насильственного отнятия детей и помещения их в интернат.

Я подала жалобу на несправедливые, предвзятые и сфабрикованные обвинения и решения по ним районного суда в областной суд. Но и там точно так же отнеслись ко мне.

1) При зачитывании моего дела в частности говорилось:

Мать — сектантка, член незарегистрированной группы.

Девочка измождена постами и т. п.

Когда дали мне слово, то я спросила одного, а именно: чтобы вникли в суть моего дела. Что в соответствии с Декретом В. И. Ленина, от 23.1.1918 г., Конституцией СССР, Международными документами, такими как Декларация, Конвенция, Пакты, я несправедливо лишена права на воспитание моей дочери Светланы.

На это судья сказала мне так: «Мы Вас не судим как преступницу и не лишаем Вас прав материнства, а лишаем только прав на воспитание вашей дочери».

Зачем, на вид невинными словами, закрывать мне глаза, когда самый несведующий в этих вопросах может ясно понять, что суть и цель одна: изолировать мою дочь от меня, совершенно физически и психически здоровой матери, имеющей все условия для физического и нравственного воспитания, а воспитать её в атеистическом духе вопреки моему и её желанию и тем самым проявить насилие над нами, вопреки всем существующим законам.

2) Слово прокурора:

«Мать сектантка, член незарегистрированной группы. Не разрешает девочке ходить в кино, девочка замкнута, не знает пионерских песен, а знает религиозные песни и заповеди. Не участвует в общественной жизни школы. Мать не разрешает ей носить звёздочку октябрята».

Девочка ещё несовершеннолетняя, а мать её воспитывает в религиозном духе».

Это есть голословное, без каких-либо оснований обвинение против меня. В нашей стране дети со дня рождения уже являются гражданами, но в детстве, до своего совершеннолетия реализуют свои права в лице своих родителей.

Об этом говорят и международные законы:

а) Всеобщая декларация прав человека.

б) Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования.

в) Пакты о правах человека.

Сам же Декрет ясно, недвусмысленно говорит, что «граждане (любые) могут обучать и обучаться религии», и **не устанавливает никаких возрастных границ.**

Кроме того, кому неизвестно, что в любом классе отличники помогают отстающим, т. е. фактически обучают их, сами усвоив те или иные предметы.

Если детей нельзя почему-то обучать религии до 18 лет, то в таком случае их нельзя обучать и атеизму до 18 лет, ибо атеизм тоже есть своего рода религия с её культом бездушной материи, произвольно возведённой в положение первоосновы — начала всего.

3) Вопрос прокурора ко мне:

«Почему вы не разрешаете девочке ходить в кино?»

А где закон на то?

4) Выступление одного из членов судебной коллегии:

«Да, Вы всё ссылаетесь на право, что имеете право воспитывать в религиозном духе детей, но ведь кроме прав, существуют и обязанности, и Вы обязаны воспитывать детей в коммунистической морали».

В ответ на это я хочу Вам привести мудрое изречение Л. Фейербаха:

«Право первоначально не зависит от закона, а, наоборот, закон зависит от права. Закон закрепляет только то, что является правом и по праву, только превращает право в долг для других» (Изб. филос. произв., т. 1, стр. 642).

Я никогда не была против законных обязанностей и во всей полноте признаю их за собой, как за Советским гражданином, но не должны же эти обязанности смазывать, сводить на нет, грубо выражаясь, втаптывать в земной прах права и свободы верующего, религиозного человека, провозглашённые в целом ряде внутрисоциальных и межсоциальных правовых законов!

И если местные власти, в частности дирекция школы, районо, районный и областной суды, по каким-либо причинам не признают общечеловеческих равных прав всех людей, выходя из своих законных, честных и справедливых границ и прав, то я вынуждена бороться за признание своих погрязших прав, в частности таких как свобода совести и религии и право воспитывать своих детей в религиозном духе.

Подобные действия местных властей давно уже осуждены международной общественностью, как акты варварства и жестокости по отношению к верующим гражданам и их детям, осуждены также и Партией и Правительством нашей страны.

В постановлении ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. говорится:

«ЦК КПСС постановляет:

Обязать обкомы, крайкомы КПСС, ЦК компартий союзных республик и все партийные организации решительно устранить ошибки в атеистической пропаганде и впредь ни в коем случае не допускать каких-либо оскорблений чувств верующих и церковнослужителей, а также административного вмешательства в деятельность церкви. Необходимо иметь в виду, что оскорбительные действия по отношению к церкви, духовенству, верующим гражданам несовместимы с линией партии и государства в проведении научно-атеистической пропаганды и противоречат Конституции СССР, предоставляющей советским гражданам свободу совести» (Ком. Партия и Сов. прав. о религии и церкви, М., Госполитиздат, 1961 г., стр. 90).

Из всего вышеизложенного Вы можете видеть, что я воспитываю своих детей по праву данному мне, как и всем гражданам нашей страны, а также и по праву межсоциальных законов, и я никакая не преступница, ни перед государством, ни перед школой, тем более перед детьми своими.

И в чём обвиняют меня, и на этом основании хотят лишить меня права на воспитание моих детей, что я якобы «калечу» детей, что я якобы превышаю свои родительские права, что я якобы нарушаю закон о всеобщем и т. д. — всё это есть вопиющее беззаконие со стороны местных органов власти, суда и прокуратуры, грубое сознательное нарушение и извращение государственных законов и попрание элементарных человеческих прав и свобод, гарантированных Декретом В. И. Ленина от 23.1.1918 г., Конституцией, Международными законами.

К этому я хочу Вам привести пример правильного отношения администрации школы и учителей к верующим детям, не посещающим школу по субботам ввиду своего религиозного убеждения, газета «Пионерская правда» в № 18 за 2 марта 1973 г., где в статье «Беда по имени «суббота» говорилось об одной семье верующих, проживающей в селе Козыл-Озек Горно-Алтайской области. Их дети по религиозному убеждению не посещают школу в субботу.

Так вот, в этой статье нет ни окриков в адрес верующих родителей и их верующих детей, ни надуманных обвинений в нарушении закона о всеобщем, ни штрафов, ни угроз лишить родительских прав. Всё это разумно, гуманно, по-ленински. В частности, в этой статье говорится:

«...Пусть бы висел закон божий на стене, если уж так нравится отцу и матери Карабатовым... Но закон не просто висит на новой стене в новом доме, по нему живут в семье Карабатовых. Из-за него малый народ по субботам не ходит в школу. Этот день отдаётся богу.

У семиклассника Коли уроки черчения, машиноведения на субботу приходятся. С черчением приспособился, делает чертежи дома. А с машиноведением ума не приложишь, как быть.

И второклассник Паша, и третьеклассница Лида, и шестиклассница Зоя — весь учащийся народ Карабатовых пропускает уроки по субботам...

...Как у Коли сложится его дальнейшая жизнь? Одно лишь в силах сказать: «Почем знать?».

Ребятам и Светлане Фёдоровне Бобриковой очень хочется, чтобы настало утро и в школу пришёл другой Коля... Но чуда пока нет. Одноклассники знают, что это не случится сегодня и, может быть, не завтра. День за днём приближают они этот час... И хотя класс не поле боя, но идёт трудный бой, бой за человека,

за весь малый народ Карабатовых, бой, который ученикам и учителям надо выиграть».

Об этом писала и Н. К. Крупская, что из антирелигиозной работы в школе надо изгнать «всякую официальщину и принуждение, иначе, — можно рисковать добиться прямо противоположных результатов: как раньше принудительное религиозное воспитание убивало всякую религиозность, так принудительная в отношении ребят антирелигиозность может породить стремление к религиозности» (Н. К. Крупская, Избр. пед. произв., 1957 г., стр. 460).

А что касается идейной борьбы с религией и верующими, — кто против этого? Именно такую идейную борьбу с религией, а не административно-уголовную, имел в виду В. И. Ленин, когда писал: «Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом ч и с т о и д е й н ы м и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом» (Полн. собр. соч. т. 12, стр. 145-147).

Сущность моей просьбы к Вам небольшая: пусть восторжествует правда в моём деле, чтобы моё человеческое достоинство и мои права верующего советского гражданина в нашей стране были восстановлены и не попирались и чтобы в отношениях между людьми, в том числе между верующими и неверующими, у нас соблюдался гуманный принцип: «человек человеку — друг, товарищ и брат».

Пусть мой горестный материнский вопль дойдёт до Вашего слуха, уважаемый Верховный суд, помогите мне, и пусть мои дети останутся при мне, при моём законном материнском воспитании, моей опеки и попечительстве.

Приложение: 1. Копия искового заявления.

2. Копия решения народного суда Старосинявского р-на, Хмельницкой обл.
3. Копия решения областного суда г. Хмельницкий.
4. Копии школьных табелей успеваемости за 1973-1974 г., 1974-1975 г.
5. Копия справки Старосинявской поликлиники.

С уважением к Вам.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

В НАРОДНЫЙ СУД СТАРОСИНЯВСКОГО РАЙОНА
Старосинявский районный отдел народного образования в интересах несовершеннолетних ВЛАСЮК Светланы Владимировны и ВЛАСЮК Виктора Владимировича к ВЛАСЮК Марии Ивановне, проживающей с. Илятка Старосинявского района.

О лишении родительских прав.

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Ответчица ВЛАСЮК Мария Ивановна, проживающая в с. Илятка, Старосинявского района Хмельницкой области, является членом религиозной секты, не зарегистрированной в установленном законом порядке, на почве религиозных убеждений не пускает свою дочь ВЛАСЮК Светлану Владимировну, 12 октября 1965 года рождения, в школу по субботним дням, привлекает её и сына ВЛАСЮК Виктора Владимировича, 14 июня 1969 года рождения, к отправлению молений и других религиозных обрядов секты, чем оказывает на детей вредное влияние.

Так, Светлана не принимает участия в общественной жизни школы, лишена детской радости, не поёт, не танцует, не носит звёздочки октябрят.

Участие Светланы в религиозной секте отрицательно влияет на её состояние здоровья, и в частности, привело к тому, что она заболела и нуждается в стационарном лечении.

ВЛАСЮК не создаёт нормальных условий для учёбы дочери Светланы. В частности, Светлана готовит уроки в кухне, стоя возле высокой тумбочки, что также отрицательно влияет на её успеваемость и состояние здоровья.

Принятые к ВЛАСЮК М. И. меры общественного и административного воздействия положительных результатов не дали, она продолжает привлекать детей к отправлению религиозных обрядов, отрицательно влияет на их воспитание.

Таким образом, ВЛАСЮК М. И. умышленно использует предоставленные ей законные права родителей во вред детям.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 70, 71, 72 Кодекса о браке и семье УССР, ст. 15, 30, 62 ГПК УССР, просим суд:

1. Лишить гр. ВЛАСЮК Марию Ивановну родительских прав в отношении детей ВЛАСЮК Светланы Владимировны и ВЛАСЮК Виктора Владимировича, передав на воспитание органов опеки и попечительства.

2. Вызвать и допросить в судебном заседании:

- а) ОЛЕЙНИКА Эдуарда Поликарповича — с. Иосифовка.
- б) Представителя Иляткивской 8-летней школы.
- в) ШПОТУ Василия Ивановича — Старосинявская рай-больница.
- г) Представителя исполкома Заставецкого сельского Совета депутатов трудящихся.
- д) Представителя районного отдела народного образования.
- е) Представителя комиссии по делам несовершеннолетних, при исполкоме районного Совета депутатов трудящихся.

ПРИЛОЖЕНИЕ: материалы на 22 листах и копия искового заявления.

Заведующий Отделом народного образования исполкома Старосинявского районного Совета Депутатов трудящихся

Д. Мельник.

Дело № 33-175 1975 года

Категория — Отобрание ребёнка

Пред-щий инстанции Пилипчук Т. А.
Докладчик Канацкая К. А.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

ИМЕНЕМ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

1975 года мая 27 дня судебная коллегия по гражданским делам Хмельницкого областного суда в составе:

Председательствующего: МАТРЕВИЧА И. С.
Членов суда: КАНАЦКОЙ Е. А., ТАРАСЮКА В. Т.
С участием прокурора: РОМАНОВСКОЙ А. В.

рассмотрела в открытом судебном заседании в гор. Хмельницком гражданское дело по кассац. жалобе ВЛАСЮК Марии Ивановны на решение народного суда Старосинявского района от 16 апреля 1975 года по иску Старосинявского районного отдела народного образования к ВЛАСЮК Марии Ивановны о лишении родительских прав.

Заслушав докладчика, объяснения ответчицы, заключение прокурора, полагавшей решение суда оставить без изменения, изучив материалы дела, кассационную жалобу, судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

В марте 1975 года Старосинявский районный отдел народного образования предъявил иск к ВЛАСЮК Марии Ивановне о лишении её родительских прав в отношении детей Светланы и Виктора, ссылаясь на то, что ответчица, являясь членом религиозной секты, не зарегистрированной в установленном законом порядке, не пускает Светлану в школу, изнуряет её физически постами и религиозными обрядами, оказывает на неё вредное влияние, поэтому пребывание детей на воспитании матери опасно для них.

Старосинявский районный народный суд решением от 16 апреля 1975 года отобрал у ВЛАСЮК Марии Ивановны дочь ВЛАСЮК Светлану Владимировну, 12 октября 1965 года рождения, без лишения родительских прав и передал её на попечение органов опеки.

В кассационной жалобе Власюк М. И. считает решение суда неправильным, просит его отменить и дочь оставить ей на воспитание, поскольку она воспитывала её правильно, как велит ей её религиозное убеждение, и лишать её права воспитывать своего ребёнка, как она считает нужным, никто не имеет права, поскольку это является ущемлением её прав, как гражданина.

Кассационная жалоба удовлетворению не подлежит.

В соответствии со ст.ст. 61, 64 Кодекса о браке и семье УССР родители должны воспитывать своих детей в духе морального кодекса строителя коммунизма, заботиться об их физическом развитии, обучении и подготовке к общественно-полезной деятельности, обязаны направить несовершеннолетних детей на обучение в школу в соответствии с Законом о всеобщем обязательном обучении.

Как установлено при рассмотрении дела, ответчица по субботам дочь Светлану в школу не пускала, запрещала ей прини-

мать участие в общественной жизни класса и школы. Ответчица привлекала Светлану к отправлению различных религиозных обрядов, внушала ей антинаучные, извращенные представления о жизни и окружающей её среде. Как усматривается из характеристики ВЛАСЮК Светланы Владимировны, выданной школой, секта, членом которой является ответчица, влияет на психику ребёнка, девочка молчалива, замкнута, запугана, отказывается говорить, часто задумывается и забывается, всегда взволнована. Из справки райпедиатра видно, что на ВЛАСЮК Светлану влияют мать и бабушка. Девочка упорно и бездумно повторяет внушенные ей религиозные догматы, у неё обнаруживается раздвоенность взглядов на события и окружающую её среду. Девочка замкнута, раздражительна, подавлена. Из постановления заседания комиссии по делам несовершеннолетних от 14 ноября 1973 года видно, что дочь ответчицы часто пропускает занятия в школе и ответчица не намерена направлять её в школу в субботные дни и в дальнейшем. Из акта от 8 февраля 1975 года, составленного председателем и депутатами сельского Совета следует, что ВЛАСЮК Светлане дома не созданы надлежащие условия для занятий, готовит уроки она в кухне, стоя у высокой тумбочки. При рассмотрении дела так же установлено, что ответчица лишает дочь, в силу религиозных убеждений, животных продуктов, в результате чего девочка истощена, кроме этого у неё синдром повышенной раздражительности, она нуждается в стационарном лечении, что подтверждается справкой райпедиатра от 11.1.1975 года и его объяснениями в судебном заседании. Из заключения представителя органа опеки в судебном заседании усматривается, что оставлять ВЛАСЮК Светлану на воспитание у матери опасно для неё, в интересах Светланы её следует отобрать у матери и передать её на попечение органов опеки и попечительства.

При таких конкретных обстоятельствах суд правильно пришёл к выводу, что ВЛАСЮК Светлану, в её интересах, следует отобрать у ответчицы без лишения последних родительских прав. Что же касается сына Виктора, то оснований к отобранию его у матери, ответчицы по делу, нет, т. к. материалами дела не установлено, что пребывание его на воспитании матери опасно для него, поэтому суд правильно отказал в этой части в иске.

Решение суда отвечает материалам дела, ст. 76 Кодекса о браке и семье УССР и оснований к его отмене судебная коллегия не находит.

Руководствуясь ст.ст. 310-311 ГПК УССР, судебная коллегия определила:

Кассационную жалобу ВЛАСЮК Марии Ивановны оставить без удовлетворения, а решение Старосиняевского районного народного суда от 16 апреля 1975 года — без изменения.

Председательствующий (подпись)
Члены суда (2 подписи)

Копия верна.

Народный Судья (подпись)
Секретарь (подпись)

ТАБЕЛЬ

успеваемости, поведения
и посещения школы
за 1973-1974 учебн. год

Иляткивской восьмилетней школы
ВЛАСЮК Светланы Владимировны

Украинский язык	4	4	5	4	4	4
Украинская литература	5	5	5	5	5	5
Арифметика	4	5	5	5	5	5
Рисование	4	4	4	4	4	4
Музыка и пение	5	4	4	3	4	4
Физкультура	5	4	5	5	5	5
Труд	4	4	4	5	4	4
Поведение	Примерное					
Кол. проп. уроков	18	7	12	9	46	

Переведена во II класс.

ТАБЕЛЬ

успеваемости, поведения
и посещения школы
за 1974-1975 учебн. год

Иляткивской восьмилетней школы
ВЛАСЮК Светланы Владимировны

Украинский язык	4	4	4	4	4	4
Украинская литер.	5	5	5	5	5	5
Русский язык	4	4	4	4	4	4
Русская литер.	5	5	5	5	5	5
Математика	4	4	4	4	4	4
Природоведение	5	5	4	4	4	4
Изобр. искусств.	4	4	4	3	4	4
Музыка	3	3	3	3	3	3
Физкультура	5	5	4	4	5	5
Труд	5	5	4	4	5	5
Поведение	Удовлет.					
Кол. проп. уроков	10	7	21	13	51	

Переведена в III класс.

СПРАВКА

Дана ВЛАСЮК Светлане Владимировне 9 лет, в том, что она состоит на Диспансерном учёте в Ново-Синявской больнице по поводу гелатохолецистита с 1973 г.

В 1975 г. в январе месяце находилась на стационарном лечении в Ст. Синявской ЦРС с обострением гелатохолецистита и первичной стадией ревматизма.

14/IV-1975 г.

Врач ()

Оригинал у меня.

Дело Льва ЛУКЬЯНЕНКО

Левко Лукьяненко родился в 1928 г. в Городнянском районе Черниговской области.

Участвовал в Отечественной войне (с 1944 г.).

Окончил в 1957 г. юридический факультет МГУ. Работал сначала адвокатом во Львовской области (здесь он делал много добрых дел, например, консультировал верующих, помогая им узнавать свои права); затем работал инструктором райкома партии во Львовской области. Лукьяненко был членом КПСС.

Лукьяненко — один из членов группы юристов*), суд над которыми состоялся в мае 1961 г. в г. Львове, в здании тюрьмы КГБ при закрытых дверях. Закрытый суд Львовского областного суда приговорил Лукьяненко (и др. члена группы И. Кандыбу) сначала к расстрелу (несколько месяцев он провел в камере смертников), затем расстрел был заменен 15 годами лишения свободы.

Лукьяненко и др. члены группы обвиняются по статьям «измена родине», «антисоветская агитация и пропаганда» и «участие в антисоветской организации».

Лукьяненко инкриминируется участие в составлении программы группы, целью которой была **мирная** борьба за добровольное отделение Украины (например, путем плебисцита). Лукьяненко и его товарищи стояли тогда на социалистических позициях. Вопрос стоял не об изменении строя, а именно о конституционном праве на самоопределение. Никаких материалов для обвинения в «измене родине» у следствия не было.

Лукьяненко, обосновывая на суде свои действия, говорил, что отделение, самоопределение — не противоречат Конституции.

Обвинение, со своей стороны, утверждало, что они (Лукьяненко и его товарищи) — «посягают на территориальную цельность СССР».

Луляненко виновным себя не признал.

Лукьяненко находится в заключении с января 1961 г. (в январе 1976 г. у него кончается срок заключения). За эти годы

*) Иван Алексеевич Кандыба, Степан Мартьянович Вирун, Александр Семенович Либович, Василий Степанович Луцков, Иосиф Юлианович Боровныцкий и Иван Захарович Кипиш.

Лукьяненко побывал в лагерях Мордовии, Перми, во Владимирской тюрьме.

Когда Лукьяненко находился в Мордовском лагере № 3 — ему удалось написать и передать за кордон информацию о своем следствии и суде. Эти материалы были опубликованы на Западе. За это он был отправлен в первый раз во Владимирскую тюрьму на 3 года (1968-1971 гг.)

...Находясь, перед отправлением во второй раз во Влад. тюрьму, в Пермском лагере № 36, Лукьяненко участвовал почти во всех лагерных акциях — защите прав политзаключенных, в голодовках и забастовках протеста. Он постоянно пользуется очень большим авторитетом. Второй раз Лукьяненко направлен во Влад. тюрьму 28 июня 1974 г. (вместе с Симасом Кудиркой и Давидом Черноглазом — за участие в забастовке протеста, вспыхнувшей после избиения заключенного Степана Сапелюка капитаном Мелентием).

На суде, решавшем вопрос об «изменении режима содержания», Лукьяненко задал вопрос: — Предполагает ли суд решать этот вопрос по существу, или же намерен принять на веру утверждения администрации лагеря? (О переводе Лукьяненко и других в тюрьму ходатайствовала, как обычно бывает в таких случаях, администрация.) Судья — Зарина, прокурор — Голдырев, адвоката — нет (обычно на таких судах адвоката не бывает, таков обычай). Судья ответила Лукьяненко: — Мы доверяем администрации лагеря. Лукьяненко: — В таком случае предлагаю провести эту процедуру без моего участия. Суд прошел без участия в нем Лукьяненко. Обвинение: Нарушения режима содержания: отказы от работы, нарушение формы одежды, дурное влияние на заключенных, преимущественно на молодежь.

Лукьяненко неоднократно отказывался и отказывается от предлагаемых ему (со стороны КГБ, представителей советской администрации) компромиссов. Когда-то, вскоре после осуждения, от него требовали «совсем немногого»: написать заявление — отказ от поддержки (моральной) со стороны украинских эмигрантских центров. За такое заявление ему обещали переквалифицировать обвинение: оставить только статью «антисоветская пропаганда и агитация».

Здоровье Лукьяненко серьезно расстроено пребыванием в лагерях и тюрьмах: тяжелый гастрит и другие соматические заболевания.

Но психически Лукьяненко совершенно здоров. Все, кто знает Лукьяненко по лагерям и тюрьме, вплоть до самого последнего времени, — говорят о нем, как о психически совершенно нормальном человеке, с прекрасно сохранившимся интеллектом — никаких психических отклонений — это всеобщее мнение.

Уже находясь в заключении, Лукьяненко стал верующим, православным. Свою религиозность он не демонстрирует, не афиширует, с уважением и внимательно относится к выражению иных убеждений.

Несмотря на отсутствие сомнений в том, что Лукьяненко психически здоров, есть серьезные основания опасаться психиатрических репрессий в отношении Лукьяненко. Им уже начали заниматься официальные психиатры: психиатр Влад. тюрьмы Рогов; кроме того его отправили на 2 месяца в тюремную психиатрическую больницу в г. Рыбинске, откуда его вернули во Влад. тюрьму, в общую камеру, но с инвалидностью второй группы (по состоянию психического здоровья).

По всей вероятности, причина того, что Лукьяненко начали заниматься психиатры, заключается в том, что 14 лет интенсивной «воспитательной» работы над Лукьяненко не сломили его духовно.

Подробности психиатрического «обслуживания» Лукьяненко.

Во второй половине 1974 г. (т. е. после прибытия из лагеря во Влад. тюрьму) Лукьяненко дважды вызывался тюремным психиатром (штатным сотрудником санчасти) Роговым Валентином Леонидовичем. Хотя никаких поводов для этих вызовов не было — Лукьяненко не заявлял никаких жалоб на здоровье вообще или же на головные боли, бессонницу и т. п., — Рогов выспрашивал Лукьяненко о его здоровье, о соматических заболеваниях. Лукьяненко пожаловался Рогову на сильные боли в желудке.

Затем Лукьяненко был вызван на местную психиатрическую комиссию (происходившую в тюрьме), в которой, кроме Рогова, участвовал приглашенный психиатр и представитель администрации Влад. тюрьмы. Рогов на этой комиссии настойчиво повторял вопросы:

— Что он (Лукьяненко) собирается делать по освобождении?

— Как он (Лукьяненко) относится к своему преступлению?

— Каковы его убеждения?

Лукьяненко ответил, что виновным он себя не признает, убеждения его остались прежними. Однако, по освобождении он

не предполагает заниматься какой-либо недозволенной деятельностью. Нет, он не претендует и не рассчитывает на работу по своей специальности адвоката; он предполагает работать электриком (электриком он одно время работал в лагере); посвятить себя семье; остающееся личное время использовать для приобретения и углубления знаний по философии и истории.

Участь Андрея ТВЕРДОХЛЕБОВА

Андрей Твердохлебов, один из учредителей Комитета Прав Человека в Москве и секретарь советской группы «Эмнести Интернешенал» был арестован 18 апреля с.г. Сейчас в ожидании суда, он находится в Лефортовской тюрьме в Москве.

Андрей Твердохлебов

ЗАЯВЛЕНИЕ

Нам стало известно, что Твердохлебов обратился к властям с просьбой предоставить ему возможность исповедаться у священ-

ника (Твердохлебов принадлежит к православной церкви). В этой просьбе ему было отказано. Мы считаем, что этот факт достоин широкой огласки и как конкретное проявление ничем не оправданной жестокости, и как иллюстрация общепринятой в подобных случаях практики. Тем более в лагерях такая просьба даже не будет принята всерьез.

Мы надеемся, что этот прискорбный факт вызовет отклик не только в душах христиан, но и у всех тех, кому небезразличны права человека, кто верит в ценность и достоинство человеческой личности.

В. Я. Альбрехт

И. Р. Шафаревич

Москва 4 ноября 1975.

Владимир БУКОВСКИЙ

Председателю Совета Министров КОСЫГИНУ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Еще раз о русификации и национализме

Гражданин Председатель Совета Министров, конкретные факты недавнего прошлого, ставшие известными мне этими днями, заставляют меня отказаться от собственного принципа и обратиться к Вам, заранее сознавая практическую бесполезность этого. Никто ни разу не сумел заземлить Ваше трансцендентное существование в кремлевских высях на судьбы политзаключенных СССР, именуемых Вами особо опасными государственными преступниками. Ни голодовки, ни болезни, ни самоубийства. Но я не политик. Что же, пусть мои слова ничего не изменят. Сегодня я обязан высказаться. Это мой долг, долг русского.

В апреле 1975 г. в Уральском концлагере ВС 389/35 состоялась беседа зам. начальника учреждения ВС 389 капитана Шарикова с моим товарищем Чекалиным. Шариков недвусмысленно внушал Чекалину шовинистические настроения, требовал от него, как от русского, повать отношения с жидами, украинцами и т. п.

Я — русский. И мне больно за свою страну, где официальные лица откровенно проповедуют шовинизм, где русификация возведена в ранг государственной политики. Гражданский брак советской власти с электрофикацией оказался лесбийским, он не дал народам интернационализма.

За что любить меня, русского, студентам Чехословакии и Польши, крестьянам Литвы и Украины?

Можно деморализовать Ивана Дзюбу, но ведь не Дзюба породил русификацию Украины, а она — Дзюбу.

Мне больно, что Россия является тюрьмой народов в большем масштабе, чем это было 60 лет назад, а в тюрьме добровольных жителей не бывает.

Я, русский по национальности, культуре, языку, заявляю: в СССР существует национальная дискриминация и принудительная русификация, в этом меня убедили годы лагерей и тюрьмы.

Так, только в течение одного года заключения в лагере ВС 389/35 я стал свидетелем многих тому примеров. Ваши опричники в голубых погонах из Скальнинского ОКГБ Апанасов, Крапаничук и Утыро неоднократно распространяли через свою агентуру в зоне антисемитскую дезинформацию, кнутом и пряником насаждая в зоне межнациональную рознь. А в декабре 1974 г. они пытались физически расправиться с евреями-заключенными руками своих агентов из полицаев, убийц и проходимцев. В феврале 1975 г. капитан Утыро откровенно, в лицо высказал Ягману свои антисемитские настроения, пытаясь при этом даже обосновать их теоретически.

Насильственная русификация проводится не только самим фактом вывоза украинцев, армян, литовцев и др. на «исправление» в Россию, но и осознанным «перевоспитанием» в мелочах: в задержке писем на национальных языках, в запрете иных, кроме русского, языков во время свиданий и т. п. Принцип «разделяй и властвуй» — основа практики «перевоспитания» политзаключенных СССР. Регулярны попытки натравливать русских на украинцев, армян и т. д., всех — на русских, евреев — на украинцев...

И все же интернационализм существует. Именно здесь, в среде так называемых «буржуазных националистов», которых среди политзаключенных большинство. И если националисты Будагян, Альтман, Калининченко, Светличный, Шахвердян, Лукьянен-

ко, Глузман, Антонюк — то и я националист. Украинский, армянение журнала, отчётливо выраженное в «ЦЕЛЯХ РСХД», и пракперуанский, ибо демократия — это свобода и личности, и отдельных народов.

К сожалению, вынужден закончить, меня торопят.

июнь-июль 1975 г.

Владимир Буковский
(Владимирская тюрьма)

P.S. Простите, но понятные соображения вынуждают меня отправить это открытое письмо далеко не «открытым» способом. Ваши тюрьмы не лучшее место для откровенных писем.

Иеродиакон ВАРСОНОФИЙ

«НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ...»

(Памяти В. В. Шульгина)

15 февраля 1976 г. в 11-ом часу утра во Владимире скоропостижно скончался Василий Витальевич Шульгин. Последний оставшийся в живых член старого русского Парламента умер на 99-ом году жизни неожиданно для всех окружавших его в эти последние годы людей. Все, как ни странно, были уверены, что

В. В. Шульгин на кладбище у могилы жены

Шульгину предстоит еще жить и жить, ибо видели, что столетний старец нисколько не слабеет духом, сохраняет прекрасную память, духовную бодрость и веселие. Его более чем скромная комнатка в провинциальном Владимире, которую он делил со своей опекуной, простой русской женщиной, ухаживавшей за ним, была буквально местом паломничества. Каждый, кто хоть сколько-нибудь сердечно интересовался историей последних лет старой России, побывал здесь. Все слои, все направления искали у Шульгина ответов на мучительные вопросы: что было?, как случилось, почему? Гостеприимный старец часами отвечал приезжающим, знаменитым и безвестным, которые часто в увлечении историей не щадили его немощей. А как радовался Василий Витальевич, когда выпадала возможность помузицировать с приезжим другом! Старенькая скрипка служила ему до последних дней: он играл, сидя на кухне, долгие ночные часы...

Похороны В. В. Шульгина на кладбище 17.II.1976
(справа от гроба иеродиакон Варсонофий)

Весть о смерти Шульгина мгновенно облетела Россию. Чувство утраты причинило боль каждому, кто знал Шульгина лично. Для всех нас Василий Витальевич был живым восполнением провала нашей исторической памяти, очевидным свидетельством красоты и обаяния старой русской культуры.

Василий Витальевич Шульгин родился еще при Александре Освободителе, в расцвете сил встретил наступление последнего конституционного периода Российской империи, был одним из популярнейших членов Государственной Думы и активнейшим участником белого движения. Когда в 1944 г. он был арестован в Югославии, специальным самолетом доставлен в Москву и на первом же допросе услышал стандартное: «Партийность?» — Шульгин ответил кратко: «Монархист».

После двух лет Лубянки и 10 лет Владимирской тюрьмы Василий Витальевич был освобожден Хрущевым. И люди, собравшиеся спустя 20 лет у его гроба, знали уже этого позднего Шульгина, автора наивных «Писем к русским эмигрантам», человека, давшего увидеть себя миллионам зрителей на пропагандном экране. Фильм «Перед судом истории» демонстрировался, надо сказать, очень короткое время, потому, вероятно, что вопреки желанию инциаторов киносудилища, 90-летний «рыцарь монархии» неизменно вызывал симпатии советских зрителей.

Шульгин так и не принял советского гражданства. В его «Виде на жительство» в графё «Подданство» до конца дней его стояло: «Российское».

Василий Витальевич говорил близким людям, что в изданиях последнего времени ему не дали сказать того, что он хотел сказать на самом деле. Полное издание книги «Годы» не состоялось, так как было связано с такими купюрами, на которые Шульгин не мог согласиться. Его многократные призывы издавать его сочинения без купюр, как это было при Ленине, не были услышаны.

«...Мы, дети страшных лет России, забыть не в силах ничего...», — Эти Блоковские слова, которыми Василий Витальевич надписал свои «Дни», можно по праву считать эпиграфом и главной темой лучшей, значительнейшей части его творчества. Память «страшных лет России» Шульгин хранил до конца дней своих и до конца дней передавал ее нашему поколению. А тот, кто судит грешных, пусть вспомнит апокалиптическое пророчество о тех «днях» и «годах», когда дано черным силам вести войну со святыми и победить их.

Загадочным для всех было долголетие нестаряющего душой старца, которому довелось испытать так много бурь. Когда-то в Париже, ему, уже изгнаннику, было предсказано участие в грядущих великих событиях, и он твердо верил в это предсказание. Нам, друзьям его последних лет, глядя на него, казалось,

что и действительно, Василий Витальевич непременно доживет до эсхатологических важных перемен в России.

В религиозных вопросах Шульгин был вольнодумцем, хотя в Бога и бессмертие души верил несомненно. В последнее время заметно стало, что его бодрый ум, всегда ищущий и требовательный, все более смирялся пред Соборным Разумием Св. Церкви. Искреннее уважение к традиционным формам русского православного благочестия никогда не покидало Василия Витальевича, и умер он под иконами, у которых горела лампадка. Среди нескольких икон Василия Витальевича было две маленьких особенно им любимых: Св. Димитрия Солунского — ради сына Димитрия, о котором он давно не получал известий из США и очень беспокоился, и Сретения Господня. Ее и возложили на него, положенного во гробе.

Умер Василий Витальевич точно в день Сретения Господня в час, когда в наших храмах оканчивается литургия оглашенных и начинается литургия верных. Почему и провожавшие его в последний путь нет-нет да и возвращались мыслями к евангельскому Симеону, пережившему века, чтобы воочию убедиться, что «не изнеможет у Бога всяк глагол». В наш быстротекущий век политический деятель и писатель Шульгин пережил несколько эпох трагической русской истории. Осталось тайной, что предстало в час смерти его духовному зрению. Кто знает, может быть, его духовное око увидело спасение и славу многострадальной России «пред лицом всех людей»? Это вопрос веры, веры в Россию, и упрямо твердит сердце, что эта вера нас не постыдит.

Иеродиакон Варсонофий (Хайбулин)

Москва, февраль 1976 г.

О НАПРАВЛЕНИИ ЖУРНАЛА

Считаю чрезвычайно важным сохранить настоящее направление журнала, отчётливо выраженное в «ЦЕЛЯХ РСХД», и практически наиболее ярко воплотившееся в №№ 90-114. Здесь главное достижение — привлечение авторов из России.

Горячо поддерживаю формулировку направления в редакционной статье «Надлежит быть и разномыслиям...»: она отвечает моему пониманию задач журнала. Рад, что статьи типа «Опыт журнальной утопии» находят правильную оценку: зачем корёжить устоявшийся и сложившийся журнал, когда можно (тем, кому это нужно) организовать новый.

По моему мнению, удача «Вестника» в понимании необходимости сочетания «универсального» и «персонального» в христианстве. Отсюда — необходимость сохранения сложившихся пропорций между вопросами богословия, философии, культуры, политики. Изменение этих пропорций приведёт к возникновению нового журнала: богословского, философского, политического, но уже не «Вестника РСХД».

Мои пожелания отражают только личные интересы. Вот они:

1. Продолжить публикацию материалов, представляющих всесторонний разбор жизни и творчества выдающихся христианских мыслителей, богословов, миссионеров, общественных деятелей. (Примеры: статья об арх. Макарии Глухарёве, подборка об о. Сергии Булгакове в № 101-102, о Честертоне, о Г. Марселе. Особенно интересны: о. Флоренский и другие представители «русского религиозного ренессанса», патриарх Сергей, В. Н. Лосский, о. А. Шмеман, Карл Ранер, Маритен, МакКензи, Жильсон, Х. У. Бальтазар, Даниэлу, Конгар, Мертон и т. д. К последним желателен православный комментарий. Имен православных мыслителей — греков, сербов — просто не знаю).

2. Как можно шире и разносторонней организовать обсуждение сборника «Из под глыб», м. б. организовать специальную рубрику. Не бояться печатать самые разные взгляды (даже шимановские, ибо тогда они получат грамотную критику, что послужит на пользу самому вопросу — всестороннему осмыслению судеб России.)

3. Продолжать публиковать лучшее из самиздатской мемуарной литературы о православных мучениках последних десятилетий.

4. Г. Марсель в интервью говорит об упадке веры на Западе. Почему? Хотелось бы прочитать на эту тему в ВЕСТНИКЕ ряд подробных статей.

5. Анонимное христианство, границы Церкви, сохранение Соборности в тоталитарном государстве, Церковь и государственная власть — вот примеры обсуждаемых у нас вопросов. Мнение ВЕСТНИКА?

6. Печатать проповеди о. А. Шмемана по радио. Они — огромная ценность.

7. Много верующих уехало. Нельзя ли услышать их голос?

8. Расширить Библиографический отдел. Может быть полезно помещать очень краткие обзоры «Сант-Владимир теолоджикал квоутерли», «Грик ортодокс теолоджикал ривью», «Континент»?

9. Как можно больше фотоматериалов.

10. Иногда вступать в полемику с антирелигиозниками. Это даст трибуну тем, кто здесь вынужден этим заниматься (имею в виду людей типа о. Д. Дудко).

ХРАНИ ВАС БОГ! Ценность дела Вашего ОГРОМНА!

Ваш постоянный, вопреки всем трудностям получения журнала, и горячо благодарный читатель.

Москва. Сентябрь 1975.

НЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОСТЬ, А САМОБЫТНОСТЬ

В «Вестнике русского христианского движения» № 116 была напечатана глубокая и интересная статья Евгения Барабанова о сентябрьской выставке московских художников-нонконформистов 1975 года.

Однако не со всеми аспектами данной публикации можно согласиться. Особенный протест вызывает утверждение автора, подкрепленное мнением искушенных зрителей, что «изобразительный язык современной неофициальной русской живописи — это как будто «сдвинутая» не совсем точная калька с языка западного искусства двадцатилетней или сорокалетней давности».

Печально услышать такое из уст русского искусствоведа, ибо даже в Европе есть люди, осознавшие особенности путей русской современной живописи и ее своеобразие. Конечно, после выставок картин из моей коллекции в этом году в Вене, Брауншвейге, Фрайбурге и Западном Берлине раздавались и голоса, повторяющие то, что пишет Е. Барабанов. Но их поддерживали далеко не все.

Особенно странным кажется заявлять об отсталости русского искусства, о том, что оно — «второй эшелон» мирового, находясь в СССР и не имея возможности видеть экспонируемое на западных выставках сегодня. Между тем, именно поп-арт, абстракция и другие беспредметные течения стали уже музейными.

Только что мне удалось побывать на выставке «Американцы в Париже», на которой представлено более тысячи холстов. Половина из них абстрактных — умелое, со вкусом — подражание Кандинскому, Клее, Мондриану, Поллаку, и это самая приятная часть экспозиции. А фигуративная живопись американцев производит тягостное впечатление. Процесс возвращения к предметному искусству, который происходит ныне в мировой живописи, — сложен и пока что открытий не дал. Да столь скоро это и невозможно. Кстати, то же самое я наблюдал летом на Всегерманской выставке в Мюнхене.

Картины лучших русских неофициальных художников играют при сравнении не только в мастерстве и умении по-своему видеть мир, но и в глубокой духовности, вызванной, очевидно, как необходимостью возрождения раздавленной в сталинскую эпоху культуры, так и давлением тоталитарного государства, которому приходится противостоять.

Е. Барабанов особенно подчеркивает значимость концептуалистов. Не имея, естественно, ничего против этого течения, тем не менее хочу заметить, что два наиболее крупных концептуалиста, можно сказать, основоположники его московской школы, Илья Кабаков и Владимир Янкилевский, к сожалению, на московской сентябрьской выставке не участвовали. Подавляющее же большинство тех, кого называет Е. Барабанов, отталкивались от их идей.

И что плохого в том, что наши художники хотят быть мастерами-профессионалами (упрек Е. Барабанова)? Пусть самостоятельность остается привилегией советской массовой культуры. И уже совсем непонятно, кто из известных русских художников покрывает картины лаком — за что их Е. Барабанов особенно

критикует? Насколько мне известно, ни Оскар Рабин, ни Владимир Немухин, ни Владимир Вейсберг, ни Лев Кропивницкий, ни другие зачинатели движения нонконформистов (1956 г.) никогда лаком свои картины не покрывали. Да и что плохого в лаке?

Думаю, пора отрешиться от мнения об отсталости московского авангарда, от некоторой пренебрежительности по отношению к нему. Лучшие русские неофициальные художники — это подлинные мастера, подлинные живописцы, ни в чем не уступающие своим сверстникам на Западе, а кое в чем очень важным, то-есть в духовности, неоспоримо превосходящие их.

Александр Глезер

Хроника РСХД

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ РСХД 5 декабря 1975 г.

Вступив в 53-ий год своего существования, Р.С.Х. Движение приурочило ко дню своего праздника — Введения во Храм Пресвятой Богородицы — созыв общего собрания с выборами в Совет и другие органы Движения и с отчетами о деятельности его отделов. По соображениям практического характера, общее собрание было назначено на 5-е декабря, на другой день после церковного празднования.

Выборы, в которых приняло участие свыше 150 членов, дали следующие результаты:

Председатель Р.С.Х.Д. во Франции: протоиерей А. Князев.
Вице-председатели: протоиерей П. Чеснаков и И. В. Морозов.
Секретарь: Н. А. Струве.

Секретарь Юношеского отдела: А. А. Викторов.

Члены Совета: А. Кастильон-Жабченко, М. Стахович, Н. Греков, П. Лукин.

Члены ревизионной комиссии: М. А. Стахович, С. Ребиндер, М. Чеснаков.

На доклады лиц, ответственных за работу в различных отделах Движения, было уделено всего полтора часа, что позволило докладчикам коснуться только самого существенного. И. В. Морозов дал краткое обозрение жизни Р.С.Х.Д. во Франции с 1970 по 1975 г., перечислив все виды его деятельности; к традицион-

ным видам: школа для детей при храме Движения, публичные лекции, студенческие кружки, съезды весенний и осенний, присоединились и новые: участие в общеправославных съездах и в екуменических начинаниях. Движение стремится пробудить ответственность за жизнь Церкви и с напряженным вниманием следит за процессом духовного возрождения русского народа.

И. В. Морозов напомнил, что Движению пришлось отказаться от материальной поддержки со стороны Всемирной Студенческой Христианской Федерации, т. к. эта организация определенно стала на путь марксизма.

А. А. Викторов сообщил о деятельности Юношеского Отдела: роль Юношеской Дружины приготовить детей к сознательной жизни в приходе. Отдел устраивает летний и зимний лагеря с походной церковью, занимается обучением Закону Божию, отдает много времени русскому языку путем изучения текстов для лагерных спектаклей, для вечеров поэзии и костров. Зимняя работа выражается в собраниях молодежи, экскурсиях, посещениях музеев и выставок. В начале июля каждого года члены Дружины принимают деятельное участие в кружечном сборе на улицах Парижа. В этом году 70 молодых сборщиков достигли блестящего результата, поставив Движение на первое место среди организаций, принимавших участие в этом сборе, предназначенном исключительно для устройства летних лагерей. К трудностям работы с молодежью нужно отнести: необходимость борьбы за сохранение русского языка; недостаток кадров, способных вести работу; невозможность найти регента для светского хора и т. д.

Н. А. Струве напомнил, что за последние годы ответственность за работу со студентами легла на Совет Р.С.Х.Д., т. к. Движение не смогло выделить из своей среды сотрудника, ответственного за эту работу. Успешно действуют кружки: библейский, под руководством профессора Богословского Института Н. А. Куломзина, и кружок по изучению Отцов Церкви. Оба кружка работают на очень высоком уровне. Группа молодежи приняла участие в паломничестве в Святую Землю, в августе — сентябре 1975 года. Это паломничество объединило исключительно молодых участников и было ими же подготовлено и проведено. Далее Н. А. Струве коснулся органа Р.С.Х.Д. — «Вестника», редактором которого он является. За последние годы «Вестник» превратился в толстый журнал, способный удовлетворить запросы читателей по эту и по ту сторону «железного занавеса». Остро стоит вопрос финансирования этого журнала;

совершенно необходимо вызвать приток средств на его издание. «Le Messenger» — «Вестник» на французском языке — не во всем повторяет содержание своего русского собрата. В нем помещаются и оригинальные статьи авторов — французов. И. В. Морозов сообщил краткие, но многозначительные данные о деятельности издательства YMCA-PRESS, директором которого он является с 1959 года. Это издательство, создавшее себе известность еще до войны, главным образом в русской зарубежной среде, приобрело мировую известность начиная с 1967 года — сначала изданием романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», а с 1968 года выпуском книг А. Солженицына «Раковый корпус», «В Круге Первом», «Август Четырнадцатого». 1973 год ознаменовался выходом из печати «Архипелага ГУЛага». Всего издательством было выпущено более 90 названий (примерно 400.000 томов). В среднем выпускается 10-14 названий в год. Книги эти проникают в СССР. Они необходимы также для осведомления Западной интеллигенции о том, что происходит в СССР.

От К. А. Ельчанинова присутствующие узнали много волнующего о помощи верующим в России. Сам докладчик не мог скрыть своего волнения, говоря о духовном голоде в СССР, об острой потребности в духовной литературе, о призывах о помощи, доходящих «оттуда»: «Ваши книги нам нужны как воздух». Трудно выразиться сильнее!

Доклад И. В. Морозова о финансовом положении Движения поставил очень остро вопрос об изыскании источников средств, т. к. начиная с будущего года Движение не сможет больше рассчитывать на поддержку Всемирного Совета Церквей. Если некоторые виды деятельности окупают сами себя, этого нельзя сказать о «Вестнике». Кроме того, необходимы средства для содержания дома Движения и очень скромного штата сотрудников для канцелярии.

Собрание закончилось молебном, отслуженным в храме Движения при пении многочисленного хора. Затем присутствующим была предложена артистическая программа и угощение.

Это собрание было примечательно тем, что на нем объединились «движенцы» трех поколений, от участников «учредительного съезда» 1923 года в Пшерове до вступивших в ряды Движения в этом году.

А. В. Морозов

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении её мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лице России, в напоминании о страданиях русского народа.

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

устраивает 30-го апреля, 1-го и 2-го мая
в русском центре Монжерона, близ Парижа,

ВЕСЕННИЙ СЪЕЗД МОЛОДЕЖИ

СВОБОДА ВО ХРИСТЕ и мирские свободы

ПЯТНИЦА, 30 апреля

20.30 - Архиеп. Павел, б. Новосибирский:
«Вера русского народа».

СУББОТА, 1-го мая

9.00 - Литургия.

10.30 - Арх. Кирилл Аргенти: «Христианская
свобода и сексуальное раскрепощение».
(по-французски).

15.30 - Прот. А. Шмеман: «Обряд и свобода в
Церкви» (по-русски).

20.00 - Всенощная.

22.00 - Показ диапозитивов о Св. горе Афон
(комментарий А. Иванжина).

ВОСКРЕСЕНЬЕ 2-го мая

9.00 - Литургия.

11.00 - Оливье Клеман: «Свобода и общество».

14.30 - Прот. А. Князев: «Нуждается ли свобода
в спасении?» (по-русски).

Запись обязательна. За справками обращаться
к Н. Зиминой.

91, rue Olivier-de-Serres, 75015 PARIS - BLO. 53-66

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От Редакции — Единое на потребу	3
МОНАШЕСТВО ВЧЕРА И СЕГОДНЯ	
Троице-Сергиева Лавра и Россия — свящ. П. Флоренский	5
Монастырь и мир — Ф. Уделов (СССР)	23
Письма Валаамского старца схиигумена Иоанна	29
Последние дни Оптиной Пустыни	43
Византийская “Эйфелева Башня” или тайна горы Афонской — иером. Амфилохий Радович (Югославия)	58
Из Афонской рукописи неизвестного монаха	65
Борис Зайцев о монастырях — П. Грибановский (США)	70
Св. Франциск Ассизский — Г. Честертон	80
БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ	
Да не будет у тебя иных богов — Лев Регельсон (СССР)	94
Легенда о Великом Инквизиторе — Семён Франк	102
ХРИСТИАНСТВО И ИУДАИЗМ	
Евреи и христианство — прот. Александр Мень (СССР)	112
Заметки к статье Д. В. Гришина: “Был ли Достоевский антисеми- том?” (США)	118
ВОПРОСЫ ЦЕРКВИ	
Ответ Солженицыну — прот. Александр Шмеман (США)	121
ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ	
Выступление по английскому радио — А. Солженицын	136
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Два лагерных стихотворения — А. Солженицын	148
Темза в Челси — Иосиф Бродский	158
Два стихотворения — Анна Ахматова	161
Два письма Анны Ахматовой к Н. Я. Мандельштам	162
Сказки про Ойту — Евгений Замятин	163
■ В мире книг	
Солженицын и Ленин — Михаил Геллер	170
Свидетели о Революции — Нина Муравина	178

СУДЬБЫ РОССИИ

	Стр.
Крещение на Руси — свящ. Дм. Дудко	188
Последние встречи с митр. Николаем (Ярушевичем) — архиеп. Ва- силий Кривошеин	209
Обращение к делегатам V Ассамблеи Всемирного Совета Церквей — свящ. Глеб Якунин, Лев Регельсон	220
■ Преследование верующих и инакомыслящих	
Дело свящ. Василия Романюка	232
Дело свящ. Димитрия Дудко	240
Дело свящ. Глеба Якунина	263
Дело Марии Власюк	265
Дело Льва Лукьяненко	285
Участь Андрея Твердохлебова	288
Открытое письмо Владимира Буковского	289
■ Некролог	
“Ныне отпускаеши” (Памяти В. В. Шульгина) — иерод. Варсонофий	292
■ Письма в Редакцию	
О направлении журнала (Москва)	296
Не провинциальность, а самобытность (А. Глезер)	297
■ Хроника РСХД	299

SOMMAIRE

	Pages
A nos lecteurs : L'unique nécessaire	3
LA VIE MONASTIQUE HIER ET AUJOURD'HUI	
La Trinité-Saint-Serge et la Russie — Paul Florenski	5
Le monastère et le monde — Th. Oudelov	23
Lettres du Staretz Jean (monastère de Valaam)	29
Les derniers jours de l'ermitage d'Optino	43
La « tour Eiffel » byzantine ou le mystère du Mont Athos — Père Amphilochios Radovitch	65
La vie monastique dans l'œuvre de B. Zaitzev — P. Gribanowski	70
Saint François d'Assise — G. Chesterton	80
THEOLOGIE, PHILOSOPHIE	
« Tu n'auras pas d'autres dieux » — Léon Reguelson (URSS) ..	94
La légende du Grand Inquisiteur — Simon Frank	102
CHRISTANISME ET JUDAISME	
Les juifs et le christianisme — P. Alexandre Men (URSS) ..	112
Dostoïevski fut-il antisémite ? (note conjointe) — R. Pletnev (U.S.A.)	118
PROBLEMES D'EGLISE	
Réponse à Soljénitsyne — P. Alexandre Schmemann (USA) ..	121
PROBLEMES POLITIQUES ET SOCIAUX	
Allocution prononcée à la B.B.C. — A. Soljénitsyne	136
LITTERATURE ET VIE	
Deux poésies composées dans les camps — A. Soljénitsyne ..	148
La Tamise à Chelsea — Joseph Brodski	158
Deux poésies et deux lettres inédites — Anna Akhmatova	161
Les Contes de Fita — Eugène Zamiatine	163
LE MONDE DES LIVRES	
Soljénitsyne et Lénine — Michel Heller	170
Un témoin de la Révolution : A. Amfiteatrov — Nina Mouravina ..	178

	Pages
LES DESTINEES DE LA RUSSIE	
Le nouveau baptême de la Russie — P. Dmitri Dudko (URSS) ..	188
Mes dernières rencontres avec Mgr Nicolas Iarouchévitch — arch. Basile Krivochéine	209
Adresse aux délégués de la Ve Assemblée du C.O.E. — P. Gleb Iakounine, Léon Reguelson	220
La répression des croyants et des dissidents	
L'affaire Père Basile Romaniouk	232
L'affaire Père Dimitri Doudko	240
L'affaire Père Gleb Iakounine	263
L'affaire Marie Vlaslouk	265
L'affaire Léon Loukianenko	285
Le sort d'André Tverdokhlebov	288
Lettre ouverte de Vladimir Boukovski	289
NECROLOGIE	
« Nunc dimittis » (à la mémoire de V. Choulguine) diacre Barsanuphe	292
■ Lettres à la Rédaction	
De l'orientation de la revue (Moscou)	296
Non provincialisme, mais originalité — (A. Glezer)	297
■ Chronique de l'A.C.E.R.	299

НОВИНКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВА

Ymca-Press

- (..... экз.) — **А. СОЛЖЕНИЦЫН:**
АРХИПЕЛЛАГ ГУЛаг — том III.
592 стр. (10,25 долл.) **45 фр.**
на обыкновенной бумаге экз.
на тонкой бумаге экз.
-
- (..... экз.) — **о. С. ЧЕТВЕРИКОВ:**
Старец Паисий Величковский
808 стр. (8,90 долл.) **39 фр.**
-
- (..... экз.) — **Марина ЦВЕТАЕВА:** Неизданное
(Юношеские стихи, Стихи 1915-17,
Каменный Ангел - драма, Повесть
о Сонечке) 380 стр. (11 долл.) **48 фр.**
-

НОВАЯ СЕРИЯ

переиздание редких книг

- (..... экз.) — **Э. ГОЛЛЕРБАХ:** В. В. Розанов
(с изд. 1922) 112 стр. (4,10 долл.) **18 фр.**
-
- (..... экз.) — **К. МОЧУЛЬСКИЙ:**
Духовный путь Гоголя — (с изд.
Париж 1934), 150 стр. (4,80 долл.) **21 фр.**
-
- (..... экз.) — **В. ХОДАСЕВИЧ:** Некролог
(с изд. Брюссель 1939)
280 стр. (5,45 долл.) **24 фр.**
-
- (..... экз.) — **М. ЦВЕТАЕВА:**
После России (1922-1925) (с изд.
1928) 160 стр. ... (4,80 долл.) **21 фр.**
-

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Les EDITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève,

Тел.: 033 43 81 75005 Paris, France Тел.: 033 74 46

ЗАКАЗ

Фамилия:

Адрес:

Прошу прислать мне:

- книги, указанные на обратной стороне

обыкновенной почтой

воздушной почтой

заказной почтой

- **Общий КАТАЛОГ EDITEURS REUNIS на 1976 г.**

(книги на русском языке, подарочные альбомы и пластинки)

- **Каталог книг на французском языке**

- **Листовки о редких и антикварных книгах**

каталоги высылаются по первому требованию бесплатно.

дата: подпись:

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" « LA PENSÉE RUSSE »

Главный Редактор: Зинаида ШАХОВСКАЯ

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 12-ти страницах. Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ :

« La Pensée Russe ». 217, rue du Fg Saint-Honoré, 75008 Paris
Тél. : 824-96-47 ; 766-21-83 ; 227-05-79

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ.....	35	64	116
ЗАГРАНИЦА	39	70	130

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 Paris

Цена отдельного номера 3 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

66-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: **АНДРЕЙ СЕДЫХ**

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: Воскресное и ежедневное издание:

один год — 40 амер. долларов

6 месяцев — 22 амер. долларов

Воскресное издание только:

один год — 18 амер. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO

243 West 56 Street — New York 10019, N.Y., USA.

Или по адресу парижского представителя газеты, с уплатой во франках:
Mr. Perepelovsky, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris.

la Société d'Imprimerie Moderne
18, rue du Faubourg du Temple
75011 PARIS

COMMISSION PARITAIRE
N° d'inscription 29.425

ВЕСТНИК

Издание Русского Студенческого Христианского Движения

51-й год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

- В Австралии:** — M. Solovey, « Our word », P.O. Box 178, Potts point, N.S.W. 2111 Sydney, Australie.
- В Америке:** Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, U.S.A.
- San Francisco:** Mrs Olga Raevsky-Hughes, 1418, 24th Ave. San Francisco, Calif., 94122, U.S.A.
- В Англии:** Keston College, Heathfield Rd, Keston, Kent BR₂ 6BA.
- В Израиле:** Michel Agoursky, Ramot 6/30, Jérusalem.
- В Швеции:** Bishop S. Timtchenko. — Box. 19027, Stockholm, 19, Suède.

Directeur responsable : Nikita STRUVE.

Tous droits de traduction réservés.